

МОСКВА,
19 ИЮЛЯ 1980 ГОДА.
ОБ ОТКРЫТИИ ИГР
XXII ОЛИМПИАДЫ
ОБЪЯВЛЯЕТ
ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 30 ИЮЛЬ 1980

ГОРИТ О

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА, А. ГОСТЕВА

◀ Над стадионом вспыхнул Олимпийский огонь.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

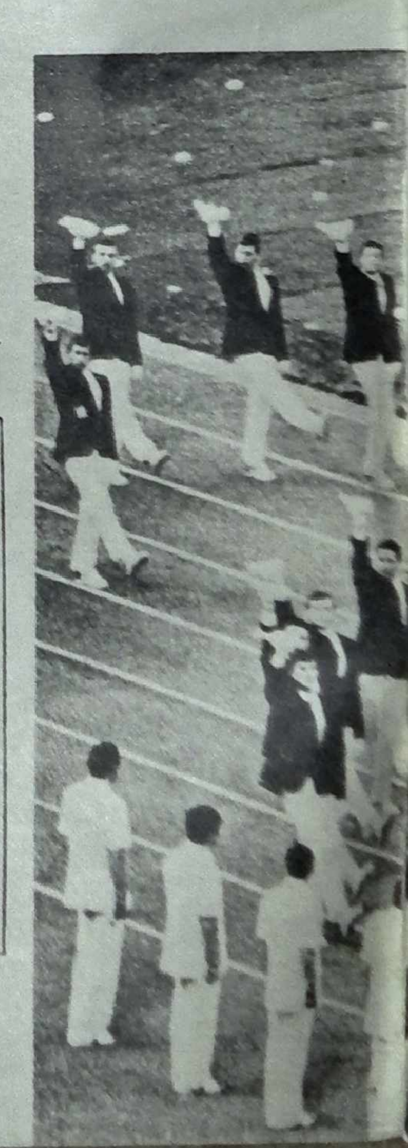

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 30 (2767)

26 ИЮЛЯ 1980

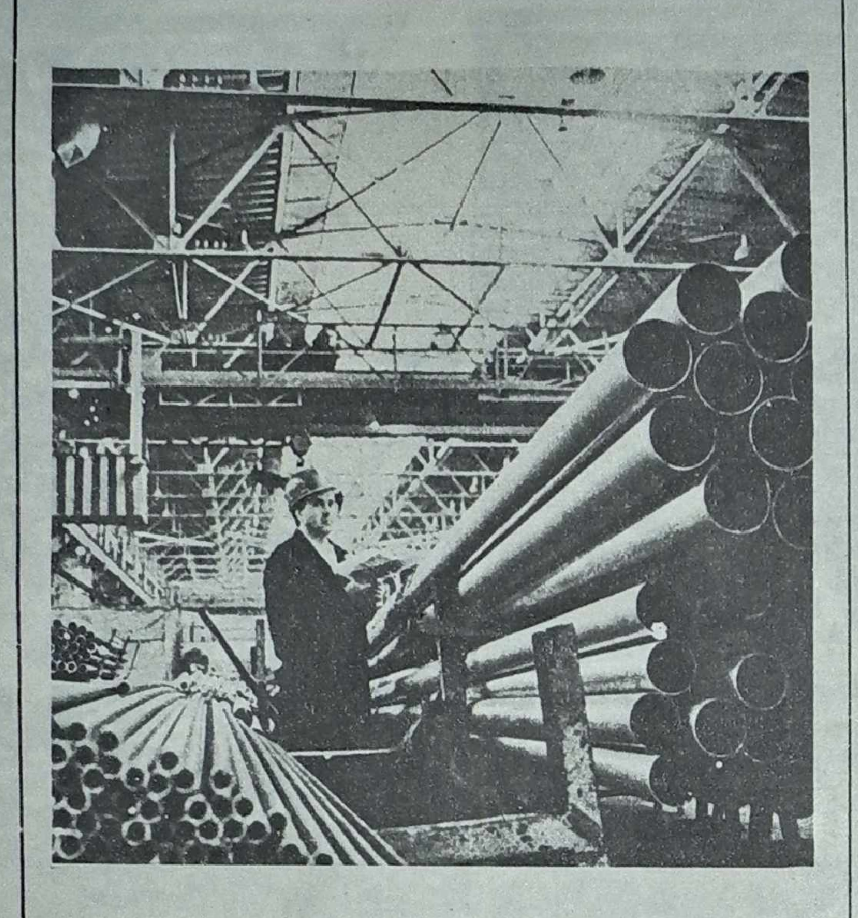

Центральный стадион имени В. И. Ленина в час открытия Игр XXII Олимпиады.

ГОНЬ ОЛИМПИАДЫ!

См. стр. 30

Вносится Олимпийский флаг.

УДАРНОГО ФИНИША ТЕБЕ, ПЯТИЛЕТКА!

В печати опубликовано сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения Государственного плана экономического и социального развития СССР в первом полугодии 1980 года. Трудящиеся Советского Союза, развернув социалистическое соревнование в ознаменование 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина и за достойную встречу XXVI съезда КПСС, добились новых успехов в экономическом и социальном развитии страны.

Полугодовой план по общему объему продукции, росту производительности труда и прибыли выполнен. Прирост производства по сравнению с соответствующим периодом прошлого года составил 4,2 процента. Производительность труда возросла на 3,2 процента. За счет этого в первом полугодии получено около четырех пятых прироста производства продукции.

Улучшились технико-экономические показатели работы ряда отраслей промышленности и качество выпускаемой продукции. Выпуск изделий высшей категории качества увеличился по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 19 процентов.

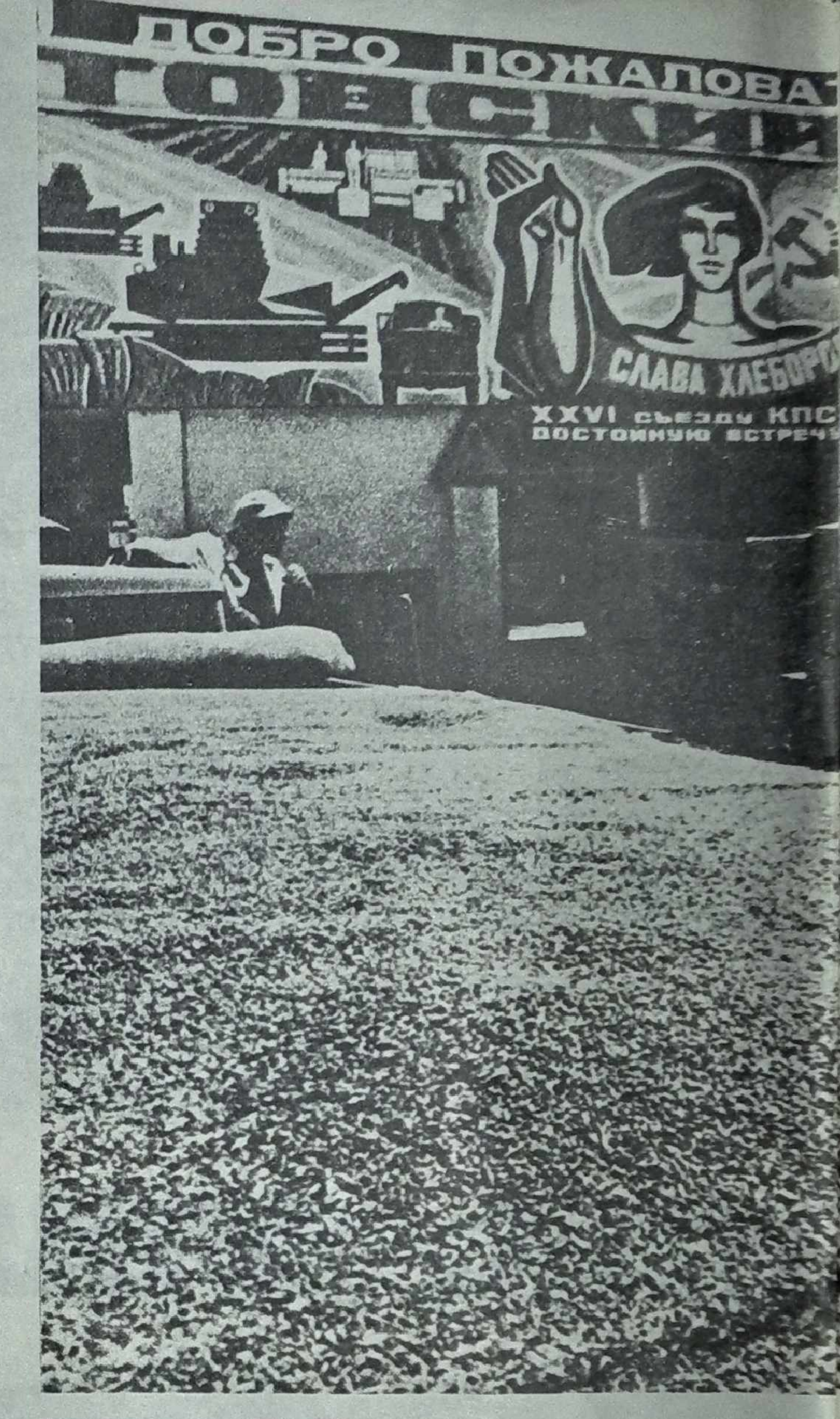
Колхозы и совхозы выполнили план весеннего сева. Посевные площади озимых и яровых культур под урожай 1980 года во всех категориях хозяйств, по предварительным данным, составили 217 миллионов гектаров.

В сообщении ЦСУ СССР указывается, что отдельные производственные объединения и предприятия не выполнили задания по производству и реализации продукции, росту производительности труда, снижению себестоимости, накоплениям. При увеличении товарооборота возрастающий спрос населения на некоторые продовольственные и промышленные товары удовлетворялся не полностью.

Численность населения Советского Союза на 1 июля 1980 года составила 265,5 миллиона человек.

На снимке: для производственного объединения «Красный выборжец» нынешняя пятилетка особенная. Введено в эксплуатацию много нового оборудования. Расширилась и окрепла связь ленинградцев с Камским автомобильным заводом. Для выполнения самых ответственных заказов создаются сводные творческие бригады из рабочих, инженеров, технологов.
Своевременно идет отправка продукции заказчикам.

Фото Н. Адамовича (ТАСС)

У ворот ипатовского элеватора.

СТРА

Георгий РОЗОВ
Фото автора

Из кабины комбайна почти ничего не видно: вокруг только пыль. Жара, почти полное безветрие, и комбайнеры меняются каждые два часа: больше не выдержать. Когда комбайн останавливается, пыль не сносит, она лениво оседает на землю, и теперь уже видна лесополоса на другой стороне поля.

«Ветерка бы сейчас бокового»,—вздыхает Александр Чиркин. И в тон ему сетует брат его Вячеслав: «Ох, как он нужен нынче, ветерок!». И оба белозубо улыбаются то ли оттого, что можно наконец принять душ, то ли оттого, что поработали на славу. Каждый намолотил более тысячи центнеров за день. Три нормы! В колхозе «Колос», Петровского района, Ставропольского края, этот рекорд пока никто не перекрыл. Правда, Николай Ермоленко с сыном, как говорится, на пятки наступают братьям, но и им, пожалуй, Чиркиных не догнать. Отличное звено тут подобралось. Анатолий Тарасенко, например, на своем «ЗИЛе» за баранкой 24 часа. За сутки он отвез на ток сто семнадцать тонн зерна. Это очень много, если учесть, что до тока двенадцать километров.

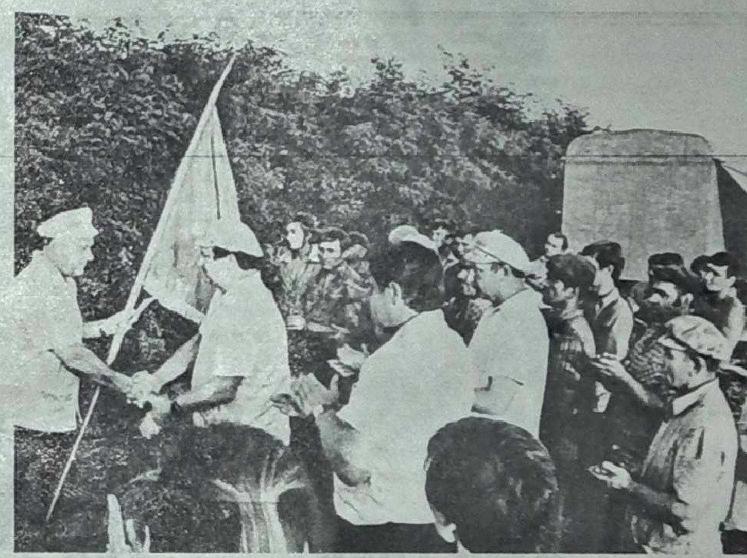
На уборке всегда трудно, но водители не жалуются, было бы что возить. А возить в этом году надо много. Урожай в ставропольских степях выращен хороший. В Петровском районе — в среднем по двадцать семь центнеров с гектара. А у именитых соседей петровцев, ипатовцев, с которыми они соревнуются,— двадцать пять.

— В этом году ожидали рекордного урожая,— комментирует эту цифру первый секретарь Ипатовского райкома КПСС, Герой Социалистического Труда Виктор Владимирович Калягин,— но с двадцатого июня жарит немилосердно. Ни одного даже короткого дожд-

Братья Александр и Вячеслав Чиркины.

Первый секретарь Ипатовского райкома КПСС Б. В. Калягин вручает знамя механизаторам колхоза имени Ипатова.

ДА СТАВРОПОЛЬЯ

ка не было. А перед самой уборкой температура подскочила почти до сорока градусов да еще и относительная влажность упала до пятнадцати процентов. Словом, за два-три таких денечка испарилось по меньшей мере центнеров пять на каждом гектаре. Даже на парах вместо обычных пятидесяти намолачиваем тридцать пять — сорок центнеров. Тем не менее пятилетку мы выполним да и кое-что сверх плана государству дадим.

Сейчас все силы ипатовцев направлены на то, чтобы как можно быстрее, пока стоят погожие дни, убрать хлеб. Свалили его за три с половиной дня, а обмолот закончат на девятый. Сказывается рожденная в этом районе прогрессивная организация труда в пору страды. С 1977 года, когда страна впервые узнала об ипатовском методе, его инициаторы коечто новое придумали. Опыт показал, что для эффективного использования механизированных комплексов требуется укрупнить севообороты. На маленьких полях не успеешь развернуться, а уже надо переезжать на другое место. Так терялись драгоценные минуты, часы. Теперь в Ипатовском районе все хозяйства собирают маленькие поля в одно большое — от пятисот до тысячи гектаров — и располагают их рядом. Кормовые культуры тоже. Можно переходить к внутрихозяйственной специализации и цеховой структуре управления. В хозяйствах появились зерновые, кормовые и прочие цехи. Скажем, начальник механизированного отряда стал как бы начальником цеха и подчиняется непосредственно правлению колхоза. Механизированный комплексный отряд, раньше занятый только на уборке, теперь взял на себя весь цикл работ: вспашка, сев, подкормка, уборка, лущение.

Ставропольцы всегда в поиске нового. В прошлом году в Красногвардейском районе провели интересный эксперимент. Здесь сумели поставить результаты работы предприятий «Сельхозтехники» в прямую зависимость от урожая. Не раз приходилось слышать жалобы на то, что «Сельхозтехника» порой занимается, в сущности, только торговлей запасными частями, а качество ремонта на ее заводах оставляет желать лучшего. Автомобили и комбайны после капитального ремонта на заводе столь же капитально приходится заново ремонтировать на месте. В Красногвардейском районе создали МХП (межхозяйственное предприятие), в котором объединили мощную ремонтную базу «Сельхозтехники» и машины колхозов и совхозов. Десять процентов полученной прибыли остается у межхозяйственного предприятия. Остальные деньги распределяются между хозяйствами. Теперь МХП появились во всех районах края.

Нельзя не отметить здесь и такие новшества нынешней страды. В Ипатове создано централизованное управление по перевозке зерна на элеватор. В его распоряжении двести тридцать один автопоезд. Мчатся они по часовым графикам, рассчитанным на ЭВМ. Нынче не приметишь очереди у ипатовского элеватора. Даже лабораторные анализы небывало ускорились. Раньше на них уходило два часа, а теперь всего десять минут. Хлеб сдают быстро и отличного качества: девяносто четыре процента составляют сильные пшеницы.

Без суеты, с ритмичностью метрополитена въезжают в ворота элеватора тяжело груженные «КамАЗы». Страна принимает увесистый ставропольский каравай.

Вот как поднимали башню.
Фото автора

НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС

ВЕРТОЛЕТЫ НАД ТАЙГОЙ

Ранним утром два мощных вертолета поднялись в воздух и зависли над таежной просекой. Внизу на поленницах лежала длинная стальная башня для радиорелейной линии. Предстояло установить ее в проектное положение. В этом и заключалась вся трудность: до сих пор «воздушными кранами» поднять столь тяжелую конструкцию нигде и никому не удавалось. А весила она ни много ни мало — сорок тонн!

Кажется, все готово. Загодя проверены крепления башни. Застроплены тросы. И вот ввысь взвивается зеленая ракета: операция началась. Уникальная операция, какой мировая практика монтажа еще не знала...

Но почему же здесь, в таежной Тюменщине, понадобилась помощь именно вертолетов? Ведь существует немало хорошо зарекомендовавших себя методов подъема и более тяжелых конструкций. Например, специальными мачтами. Неужели нельзя было применить их и в этом случае? Можно, конечно. Вопрос в том, как доставить сюда и эти мачты, и необходимую оснастку, и иную технику: кругом бездорожье, болота, реки. Транспортировать подобные грузы можно разве что зимой. А как же в летние месяцы? Дожидаться заморозков? «Нет,— отвечают специалисты ВНИПИ «Промстальконструкция» Минмонтажспецстроя СССР, которых давно волновала проблема установки башен в этих условиях.— Теперь монтировать их можно в любую пору года».

В институте разработали оригинальный метод подъема ажурных стальных конструкций — с помощью дуэта мощных вертолетов МИ-10К. Почему именно дуэта? Ведь еще недавно здесь, на трассе действующего газопровода Ухта — Вуктыл — Пунга — Надым, один-единственный вертолет ставил 50—60- и даже 90-метровые башни. Но те были намного легче да и общими объемами поменьше. Теперь же предстояло поднять стометровую конструкцию.

Однако сначала надо башни собрать. Поручили это ответственное дело бригаде Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР Ю. Щекалева из треста «Уралстальконструкция». И теперь кочуют его ребята с вагончиками-бытовками по тайге. На их счету десятки собранных башен. Больших и маленьких. Прежде чем вырастет такая изящная на вид конструкция, проходит около месяца. Ведь сотни деталей из металла надо закрепить тысячами особых высокопрочных болтов, и не просто закрепить, но и проверить натяжение каждого из них. Подготовят башню монтажники-высотники и ждут вертолетчиков, чтобы поднять ее над тайгой и продолжить радиорелейную линию.

Теперь вот на очереди стометровая. Сам способ подъема, когда башня у основания поворачивается вокруг шарнира, и опробован и апробирован. Тут не было проблем. Специалистов волновало иное: поведение вертолетов. Им предстояло работать синхронно, рядом друг с другом. А вдруг какой-то один попадет в огромной силы вихрь, вырывающийся из-под винтов? Тогда жди аварии!.. Помогли сотрудники Государственного научно-исследовательского института гражданской авиации. Расчеты показали: проект осуществим. Но нужны испытательные полеты.

Провели их на полигоне в Ухте. Установленная на винтокрылых машинах аппаратура дотошно фиксировала самочувствие двигателей, нагрузку на тросы, высоту полета, скорость. Испытания доверили опытным из опытных: командирам вертолетов — летчику-испытателю Ф. Белушкину и летчику первого класса, лауреату Государственной премии СССР Г. Мальцеву. И лишь после тщательного изучения полетов с помощью видеозаписывающей аппаратуры компетентная комиссия дала «добро» на эксперимент.

...Басовито загудели турбины вертолетов. Предельно натянулись тросы. И, наконец, долгожданный момент — дрогнула макушка башни, а затем медленно поплыла вверх. Впереди — опасный рубеж: отметка «шестьдесят градусов», тяжелейшая точка подъема. Но винтокрылые монтажники продолжают тянуть конструкцию строго вертикально. На командном пункте облегченно вздыхают: опасный рубеж пройден. Один из вертолетов отцепляет трос и улетает. Теперь с башней справится одна машина. Но, набрав инерцию, сорокатонная башня может утащить к земле и вертолет. На этот случай предусмотрено специальное тормозное устройство. Оно срабатывает, и ажурное переплетение металла точно встает на фундаменты. Монтажникам осталось лишь закрепить башню у основания болтами. Операция была выполнена за две минуты и десять секунд.

Над вершиной изящной конструкции затрепетало алое полотнище. Как символ победы науки и упорного труда в суровых условиях этого края...

Недалек день, когда радиорелейная линия вступит в строй. А это значит, что за газовой магистралью начнет внимательно следить телемеханика. Даже если случится беда: лопнет газопровод — тут же, молниеносно, автоматика отключит поврежденный участок и даст знать об этом диспетчеру. К тому же радиорелейная линия позволит смотреть программы Центрального телевидения и пользоваться более чем сотней каналов телефонной связи по всему пути газопровода.

Монтажники треста «Уралстальконструкция» и вертолетчики включились в социалистическое соревнование за достойную встречу XXVI съезда партии. Сегодня они готовятся к подъему еще четырех башен разной высоты. Успешное завершение очередной сложной операции будет хорошим подарком съезду.

Г. ЗАЗВОНОВ,
корреспондент пресс-центра Минмонтажспецстроя СССР

Тюменская область.

ЗВЕНЬЯ ОДНОЙ ЦЕПИ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЗАМЕТКИ

Владимир **КУДРЯВЦЕВ**

Одной из важнейших международных задач назвал XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза полную ликвидацию остатков колониализма и расизма, основным бастионом которых является Южная Африка. В выполнении этой задачи в связи с освобождением и созданием независимой республики Зимбабве наступил новый этап. Как в свое время крушение португальской империи в Африке и создание на ее обломках независимых государств — Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау и других, так и появление на африканской карте независимого Зимбабве коренным образом меняет соотношение сил на юге континента в пользу национального движения.

Совершенно правильно президент Мозамбика Самора Машел назвал недавно проходившую в Фритауне (Сьерра-Леоне) XVII сессию Ассамблеи глав государств и правительств стран—членов Организации африканского единства (ОАЕ) «сессией освобождения Намибии». И действительно, основной задачей национально-освободительной борьбы на юге африканского континента становится освобождение Намибии и провозглашение ее независимым — 51-м государством Африки. И хотя народ Намибии под руководством своей боевой организации СВАПО при широчайшей поддержке всех прогрессивных сил мира уже десяток лет ведет мужественную вооруженную борьбу против расистского режима ЮАР, задача — освобождение Намибии от расистско-колониального гнета не представляется ни легкой, ни быстрой. Не следует забывать, что в отличие от Зимбабве Намибия уже шестьдесят лет фактически является колонией ЮАР и ее экономика насильственно подключена к расистской экономической системе. Прижатый к стенке южноафриканский расизм пойдет на любые шаги, лишь бы сохранить свое господство над Намибией — страной, богатой природными ресурсами. К тому же в Намибии при посредничестве расистов хозяйничают крупные трансконтинентальные монополии. Как это ни парадоксально, но ослабевший расизм на юге Африки будет оказывать национально-освободительному движению более сильный отпор, нежели до сих пор. Ведь речь для него идет о жизни и смерти.

Свидетельство этому — безрассудная агрессия на юге Анголы. Есть признаки разжигания со стороны юаровских расистов трайбализма в Зимбабве, которому сейчас, в период становления как независимого государства, особенно нужно внутреннее единство.

Авантюристическая политика ЮАР, разумеется, вызывает ответные меры со стороны независимых государств Южной Африки, стремящихся защитить свою независимость коллективными мерами. Так, в Лусаке (столице Замбии) состоялась конференция девяти южноафриканских стран, на которой обсуждались совместные меры по борьбе с засильем ЮАР в экономике некоторых из этих государств. Возрастает и роль «прифронтовых» государств (Ангола, Мозамбик, Танзания, Ботсвана и Замбия) в деле освобождения Намибии.

Расистские власти Претории спешат принять меры, которые, с их точки зрения, могли бы обмануть мировую общественность, выступающую на стороне Намибии, и снизить роль руководителя намибийского народа — СВАПО. Созданная ими марионеточная организация «Демократический альянс Турихалле» при прямом участии оккупационной администрации образовала так называемый «совет министров», который должен изображать из себя правительство «независимой» Намибии. Новая вывеска призвана скрывать за собой старое положение Намибии как расистской колонии. Даже так называемые «страны контакта» — США, Англия, ФРГ, Франция и Канада, которые делали вид, что способствуют созданию независимой Намибии, а на самом деле стремятся сохранить ее как вотчину трансконтинентальных монополий, и те не выдержали столь откровенного обмана со стороны Претории. Они заявили о своем «возмущении» генеральному секретарю ООН К. Вальдхайму. В чем же дело? Что мешает на данном этапе этим государствам полностью координировать свои действия с позицией расистских властей ЮАР? Отнюдь не забота о будущем намибийского народа. Их, и особенно США, беспокоит возможность слишком резкого обострения ситуации на Юге Африки и тем самым — усложнение задач, которые поставили перед собой в Африке воинствующие круги США. А эти их задачи включают ни больше, ни меньше как использование африканских стран в ближневосточной политике, концентрирующей внимание на регионе Персидского залива. С одной стороны, США стремятся использовать африканские страны с прозападными режимами для создания военных баз и опорных пунктов, направленных на Персидский залив, а с другой — использовать эти же страны против национально-освободительных движений африканских народов.

Первую роль в этом коварном замысле США отдают садатовскому Египту, учитывая, что он является одновременно и африканской и арабской страной. С точки зрения Вашингтона Египет удобнее всего направить против прогрессивных арабских стран, а также против африканских сил, мешающих планам Пентагона. Садатовский режим уже пустил американских империалистов во все поры государственного организма. Известно, что Пентагон использовал египетские военно-воздушные базы во время неудачной агрессии против Ирана. Но это не послужило уроком, а наоборот, побудило США и Садата к более глубокому и широкому сотрудничеству в антиарабских и антииранских делах. Так, крупнейшая военная база Египта — Кена, расположенная в 450 километрах к югу от Каира, стала центром совместных военно-воздушных маневров, в связи с чем на эту базу прибыло 12 американских «Фантомов», совершивших для этого беспосадочный перелет из Флориды. Все это является репетицией совместных действий в районе Персидского залива. Но только ли там? Как показало в свое время египетское участие в вооруженных интервенциях в Заире, все, что готовится для Персидского залива, может быть легко перенацелено против стран Африки, тем более что Садат неоднократно предлагал США свои услуги в этом отношении.

США договорились с Кенией о создании там американских военных баз, а самое главное, об использовании их «силами быстрого реагирования». В этом же направлении оказывается нажим и на Сомали.

Таким образом, следует ожидать более коварных и тонких маневров империалистических стран на Юге Африки, в первую очередь на намибийском участке национально-освободительной борьбы за освобождение Африки от остатков колониализма, расизма и апартеида. Одновременно США и их союзники будут принимать меры к использованию более консервативных правительств африканских государств в своей антиарабской политике на Ближнем Востоке и в районе Персидского залива.

Создавшаяся обстановка требует укрепления африканского единства, антиимпериалистического, антиколониалистского и антирасистского по своему существу. Оно, это единство, должно охватывать не только борьбу за ликвидацию остатков колониализма, расизма и апартеида на африканском континенте, но и проблемы социального и экономического освобождения африканских стран, поскольку после ликвидации расизма во весь рост встанут задачи борьбы за ликвидацию неоколониализма. А он в первую очередь проявляется в господстве трансконтинентальных монополий в экономике африканских государств. Империалисты пользуются не только всеми трещинами в политическом единстве африканских стран, но и их экономической разобщенностью. Если вспомнить, что межафриканская торговля составляет в общем торговом обмене всей Африки два с половиной процента, то становится понятной степень и опасность этой экономической разобщенности. Не случайно на фритаунской сессии Ассамблеи ОАЕ, хотя и не в полную силу, но все же звучали голоса о важнейшей задаче единства в развитии африканских стран. Этому, однако, помешали «политиканские споры» вокруг событий в Чаде, Западной Африке, на Африканском Роге и в других местах. Словом, внимание участников сессии к текущим делам оттеснило на задний план проблемы ближайшего будущего. Но они остаются и будут давать о себе знать со всевозрастающей силой.

Отрадно отметить, что лидеры африканских стран понимают значение не только политического единства в борьбе за ликвидацию расизма и апартеида, но и единства в борьбе против источника всех этих варварских режимов — империализма в целом. Отсюда — решения фритаунской сессии Ассамблеи ОАЕ по укреплению афро-арабской солидарности, учитывая, что арабы страдают в первую очередь от сионизма, родного брата расизма Претории. Ассамблея полностью поддерживает требования о безоговорочном выводе всех израильских вооруженных сил с оккупированных арабских территорий и восстановления всех законных прав палестинского арабского народа вплоть до его права на создание суверенного государства на палестинской земле.

Борясь за быстрейшую ликвидацию остатков колониализма и расизма на юге Африки, африканские народы и страны одновременно борются против замыслов империалистов превратить Африку в плацдарм своей агрессии в районе Персидского залива. Борясь против империалистско-сионистского заговора на Ближнем Востоке в регионе Персидского залива, арабские народы одновременно наносят удар и по позициям империалистов и расистов в Африке.

Борьба африканских и арабских народов — это звенья одной цепи — единого фронта против империализма, колониализма, неоколониализма, расизма и апартеида.

«Советский Союз твердо поддерживал и поддерживает борьбу африканских стран за дальнейшее укрепление политической и достижение экономической независимости, за перестройку международных экономических отношений на справедливой основе»,— так говорится в приветствии Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР участникам XVII сессии Ассамблеи глав государств и правительств стран—членов Организации африканского единства.

26 июля на Кубе праздник. В этот день двадцать семь лет назад штурмом казарм Монкада началось восстание, положившее начало борьбе народных масс за освобождение страны.

С. МАРКОВ

МАЧЕТЕ И М

ДЕНЬ НА САФРЕ

Около шести нас разбудили. Небо линяло на глазах. Бледнели звезды. С востока тянул влажный ветерок.

Когда мы подъехали к полю, небо уже было золотисто-зеленым, а верхушки королевских пальм — розовыми.

Пока бригадир Омогоно Веласкес определяет дневные задания, переодеваюсь в одежду мачетерос: массивные кованые башмаки на резной подошве, в носы которых вшиты защитные металлические пластины; гетры из грубой кожи со стальными щитками, напоминающими хоккейные; тяжелые яловые перчатки; кубинское, с небольшими полями, сомбреро.

— Еще раз повторяю,— говорит мне Веласкес,—будьте осторожны. Работа наша серьезная и требует внимания.

Становимся рядом с Роберто. У каждого по четыре сурко — борозды. В ширину это не больше двух метров. В длину — сколько хватает глаз. До самого горизонта.

— Захватываешь левой как можно больше,— объясняет Роберто,— а правой сечешь и складываешь. Потом обрубаешь листья. Смотри: раз-два-три...

Он проходит метра четыре, останавливается и поворачивается. Лицо его в саже, потому что накануне вечером тростник обжигали, чтобы освободить нижнюю часть стебля от листьев.

Первые минут десять работать удивительно легко. Подгоняют и любопытные взгляды мачетерос, которые чувствуешь на себе. Обхватываешь четырехметровые многоколенчатые стебли, целый куст, прижимаешь его к плечу, тяжелым прямоугольным мачете, которое держишь почти параллельно земле, рубишь со всего маху, и отбрасываешь этот огромный пучок в сторону, и снова захватываешь левой...

Бригада, в которой работает 45 человек, растягивается в линию метров на двести. Сначала все идут ровно. Только трещит тростник и протяжно, лихо звенят лезвия.

Через четверть часа кто-то останавливается. Достает из кармана фартука напильник и подтачивает мачете. За ним еще один, в зеленой рубашке, вспоминает о напильнике. Роберто рвется вперед, ничего вокруг не замечая. Не хочется отстать от него. Захватываешь уже не по десять, а по три-четыре стебля, сечешь их и чувствуешь, что силы на пределе. Ну, еще три куста, еще два... Пот застит глаза, хочется крикнуть: «Роберто, не могу больше, передохнем!» Когда уже и второе дыхание кончается, Роберто вдруг останавливается и спокойно начинает точить мачете. «Ну как, устал?» — спрашивает. «Немного!» — отвечаю. «Молодец, крепись. Солнце поднимется повыше — будет тяжелей».

Когда белое декабрьское (хорош декабрь!) солнце поднялось над землей на высоту пяти стеблей, когда вдруг я увидел, что больше половины бригады далеко впереди, почти отчаялся. Подумал: а не сказать ли Роберто, что заболел зуб или что придумал вдруг гениальное начало очерка и необходимо его срочно записать? Нет, не поверит. Он сам журналист, фотокорреспондент газеты «Хувентуд ребельде». Знает он эти штучки. Взялся за гуж — не говори, что не дюж! Что обо мне подумают, если сейчас уйду с поля? Да и вообще русский я или не русский?!

— Что случилось? — кричит Роберто и, возвратившись, берет одну из моих борозд себе.— Пошли! Раз-два-три...

Проходит еще час. А может быть, пять. Времени в поле не чувствуешь. Начинается жара. Майка набухает от пота, и я скидываю ее. Остаюсь в рубахе и фартуке. Но и рубаха вскоре темнеет и липнет к телу. Горят в не пропускающих воздух ботинках ноги. Руки — как размокшая вата...

И вдруг будто сработал какой-то внутренний переключатель, будто включилась следующая, незнакомая тебе скорость. Становится легко, как в самом начале, пожалуй, даже еще легче.

Обед. Возвращаемся к началу поля. По дороге понимаю, что в тех местах, где я забывал о времени и о положении мачете, стебли срезаны ровно и низко, почти под самый корень, как у маэстро Роберто (больше всего будущего сахара внизу стебля). В тех местах, где я старался поставить мачете как можно правильней и как можно точнее рубануть,— неровные, до двадцати сантиметров высотой обрубки, на нежно-розовую сочащуюся сердцевину которых больно смотреть. Роберто делает вид, что не замечает. Я решаю про себя после обеда идти пусть медленней, но не оставлять за собой такого постыдного для кубинцев зрелища.

Холодная вода из глиняного кувшина кажется божественной влагой. Такой вкусной картошки с тушенкой, такого душистого, сытного риса я еще не едал в жизни! Но особенно хорошо полежать на траве, в тени раскидистой ягрумы. Говорят, настой ее листьев обладает целебной силой. Действительно, воздух возле нее какой-то особенный, мягкий и удивительно легкий. Приятно потянуть сладкого холодного соку из очищенного стебля. Он чем-то напоминает по вкусу узбекскую дыню.

Подходит бригадир.

— Разлеживаться особенно не советую. Работать потом будет тяжелее. Лучше спокойно погулять или посидеть, поговорить. Роберто вам много про сафру рассказывал в Гаване?

— Он все шутит,— отвечаю.— Фотографы всего мира похожи друг на друга. Несерьезные люди...

— Наш Роберто — человек серьезный. Он у нас герой. С пятнадцати лет выезжает на сафру. Каждый год. С декабря по май. И всегда в ударной бригаде. В прошлую сафру 247 процентов плана дал. Поверьте, это не просто. Почему вручную работаем? На таком неровном, каменистом поле уборочные машины не проходят... У Роберто беда приключилась в прошлом году: потерял глаз. Еще раз вам повторяю: ни в коем случае во время работы не снимайте защитных очков!

— Я слышал, что сафра — самый тяжелый труд на Кубе,— обращаюсь к Роберто.— Почему ты на нее ездишь все время?

— Просто люблю, и все. Настоящее мужское дело. Я крестьянин, родом из провинции Матансас. Дед был мачетеро, отец, старшие братья. А кроме того, и чисто профессионально — где еще найдешь такие кадры? Живые, непосредственные... Вечером увидишь, какими выразительными становятся лица после дня сафры. Пусть чумазые, пусть смертельно усталые... Но глаза — счастливые, искренне счастливые. Фотографии, которые я привожу с сафры, не раз занимали призовые места на конкурсах. Я нахожу здесь много новых друзей. Настоящий друг тот, с кем пролил не одно ведро пота на сафре, с кем выпил не одно ведро сока... Кстати, ты знаешь, что барбудос после высадки с «Гранмы» жили одним только соком сахарного тростника? Один из повстанцев даже предложил Фиделю после победы революции «воздвигнуть памятник спасительному тростнику».

— И революция, можно сказать, началась с сахарного тростника,—перебивает его бригадир Омогоно Веласкес.—Помнишь, «Нью-Йорк таймс», другие американские и кубинские газеты кричали о саботаже и поджогах плантаций? В горах Сьерра-Маэстра родился клич: «Или урожай без Батисты, или Батиста без урожая!» И по личному приказу Фиделя эта кампания началась с поджога плантаций его матери, богатой землевладелицы... От Ориенте до Пинар-дель-Рио пылал сахарный тростник!

...Вечером я с огромным трудом вылез из кузова грузовика, который привез нас в лагерь. Ломило спину, болели мышцы, перед глазами разлетались темно-фиолетовые круги и треугольники. Роберто сделал мне специальный массаж для начинающих мачетерос. Мы выпили некрепкого кофе с ромом. Он хотел расспросить меня о Москве, о декабрьском снеге, о смене караула у Мавзолея... Но я еле добрался до постели. Мне ничего не снилось.

ИНТЕРВЬЮ В «БОДЕГИТЕ»

С молодым поэтом Андресом Рейнальдо мы зашли пообедать в знаменитый ресторанчик «Бодегита». Об истории этого заведения написаны сотни, а может быть, даже и тысячи статей. Здесь встречался с рыбаками и обязательно угощал их составленным по его рецепту «мохито» Эрнест Хемингуэй; бывал здесь Сальвадор Альенде и 28 июля 1961 года оставил на стене такую надпись: «Да здравствует Куба! Чили надеется и ждет»; многие известные всему миру художники, писатели, артисты и даже космонавты с легкой руки народного поэта Кубы Николаса Гильена оставили свои автографы на стенах «Бодегиты».

— Садитесь, прошу вас,—небольшого роста, плотный, очень пожилой мулат, беседовавший за столиком с высоким грузным негром, отодвинул левой рукой стул и кивнул на него,— здесь не занято.

Он был совсем седой. Массивный широкий нос его казался еще тяжелее между крепкими роговыми оправами очков. Голос был низкий. Говорил он не слишком внятно. На столе лежали футляр от очков, ручка с золотым колпачком, небольшой томик... Я оглянулся, но не увидел за спиной моего друга. Он притаился за колонной и манил меня. Я подошел. На лице Андреса было какое-то странное выражение.

— Ты знаешь, кто это? — спросил он шепотом.

— Нет.

— Это Николас.

— Гильен?!

— Но руку даю на отсечение, он с тобой сейчас не будет говорить, тем более о литературе. Пойдем лучше в баре посидим.

— Андрес, я уже четыре с половиной месяца на Кубе и никак не могу пробраться к Гильену. Судьба, что мы сели за его столик!

— Ну что ж, пошли... Николас,— обратился он к Гильену,— это молодой советский журналист. Он не хочет брать у вас интервью. Он хочет просто пообедать. Мы сегодня ездили с ним в Сан-Франциско-де-Паула и весь день ничего не ели.

— Очень приятно,— Гильен протянул мне свою небольшую, с короткими, широкими пальцами и крепкими ногтями руку.— Приятного аппетита. Телятина сегодня отменная. Советую отведать.— Он внимательно посмотрел на меня поверх очков.

Андрес подозвал официанта, и через пять минут на столе уже дымилось душистое мясо, посыпанное зеленью, и блестели запотевшие бутылки пива. Удивившись такой быстроте обслуживания, я вопросительно взглянул на Андреса.

— Они решили, что мы с Николасом,— шепнул мне он.

— Так, значит, к Хемингуэю ездили? — осведомился Гильен, вкусно пережевывая большой лист салата.— Дело. Бывал там. Он был веселым человеком, этот бородатый американец. Несмотря на всю свою печаль. Он любил жизнь. Он был настоящим писателем. Честным. Кстати, лет тридцать назад мы сидели с ним вот здесь, за этим самым столиком. Если мне память не изменяет. Говорили много и пили много. Он просил владельца «Бодегиты», нашего друга Мартинеса, делать ему двойное «мохито». Пели какую-то испанскую песню. А вот о чем говорили — не помню. Надо было бы все записывать. Много было в жизни интересного. Сейчас мемуары бы легче писались.

У З А

— А вы сейчас работаете над мемуарами? — не удержался я и тут же почувствовал под столом короткий удар каблука Андреса. Бутылки задрожали. Гильен с улыбкой приподнял скатерть и заглянул под стол. Андрес покраснел.

— Да, почти закончил...— Он посмотрел на мою остывающую телятину и сказал моему спутнику, еще раз лукаво улыбнувшись: — Этот молодой человек не ел ничего с самого утра...

— Компаньеро Гильен, вы поймите меня, пожалуйста,— начал оправдываться я.

— Понимаю, понимаю... Отец мой был журналистом, я шестьдесят лет стараюсь им быть... Мемуары, точнее сказать, мои воспоминания интересуют? Так ведь все их пишут. В моем возрасте, как говорится, сам бог велел превратиться в нудного, болтливого старика. Воспоминания пишут, когда чувствуют, что уже ничего нового не смогут написать. Но я не печалюсь. Всему свое время. Жизнь моя была долгой и очень интересной. Поэтому и вспоминать ее придется долго. Я соврал, что уже почти закончил. Писать и писать еще. Настолько, насколько возможно, стараюсь быть точным. Записей никаких не использую, дыры в памяти приходится порой латать вымыслом, по возможности правдоподобным.

Я смотрел на этого смуглокожего старика и все не мог до конца осознать, что за столом против меня сидит именно он, знаменитый «поэт-мулат», как любовно называют его в Америке, поэт, имя которого неразрывно со всей историей Кубы нашего столетия, со всей историей Карибского бассейна, поэт, произведения которого переведены чуть ли не на все языки мира. Сидит и традиционное «конгри» — рис с черными бобами запивает темным пивом.

За соседними столиками завсегдатаи и туристы произносят в честь его цветистые тосты, входящие в ресторан почтительно здороваются с Николасом. Становится душно (на улице жара, а в «Бодегите» нет кондиционеров, только обычный вентилятор), пиво в бутылке кончается. Поздно. Надо еще что-нибудь успеть спросить.

— Скажите, а как строятся ваши воспоминания? Придерживаетесь ли вы какого-то определенного жанра?

— Нет, никаких жанров! Говорят, что я ввел в поэзию ритм «сон». Вы, конечно, слышали эту афро-кубинскую музыку? Она отличается свободой импровизации. Так и мои воспоминания. Память человека свободна, как волна... Помню, у меня даже стихотворение на эту тему было.

— Николас, если позволите, я прочту,— привстает со своего места Андрес. Теперь я пинаю его под столом ногой.

— Это, наверное, не к месту,— говорит Гильен, но по глазам видно, что он доволен.— Оно ведь личное, о мулатке... Если можно, «Зеленую ящерицу».

— Я, к сожалению, не помню,— смущенно говорит Андрес.

— Ну что ж.— Гильен улыбается, однако заметно, что он задет.

— Позвольте мне,—вмешивается в разговор долговязый, немного раскосый парень из музыкального трио, поющего по ночам в «Бодегите».

— А что, знаешь? Ну, давай. Только погромче, голубчик, слышу я уже чуть похуже, чем в молодости.

— В Антильском, Антильском море —
Карибским зовут его также,—
исхлестана злыми валами
и легкою пеной украшена,
под солнцем — оно ее гонит,
а ветер назад отгоняет,
а слезы живут только в песне —
качается Куба на карте:
зеленая длинная ящерица
с глазами, как влажные камни...

— Это классика,— говорю я.— Оно известно во всем мире!

— Одно из самых любимых моих,— с отцовской нежностью говорит Гильен.

— Вы уже много лет руководите Союзом писателей...— спешу я успеть задать хотя бы еще один вопрос.

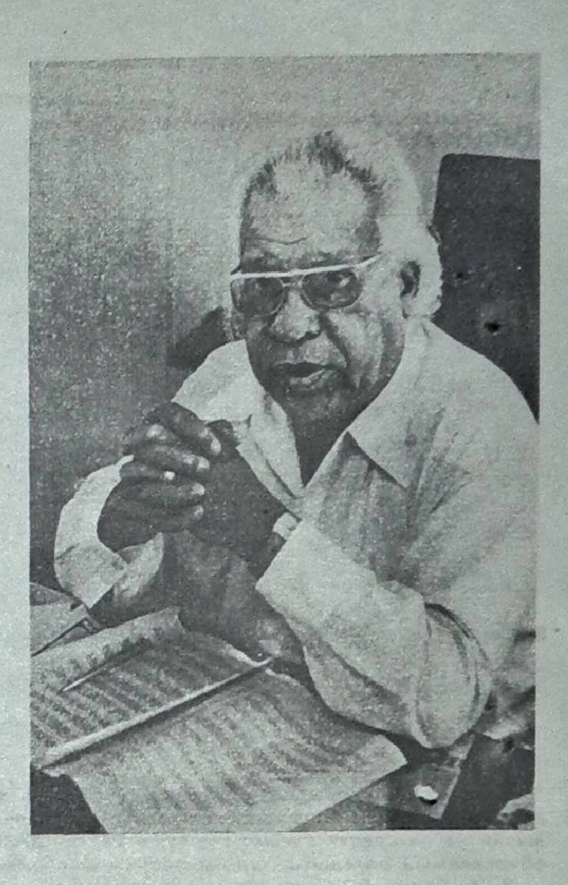
— Что я думаю о современной кубинской литературе? Она есть. Не назову конкретных имен. Хотя бы потому, что мы за столиком с вами не одни. Представлены сразу три поколения кубинских поэтов, а поэт обидчив, как ребенок. Но поверьте моему слову,— самобытная, крепкая, свежая, особенно проза. Поэтов на Кубе в общем-то и до революции хватало. Прозы же фактически не было — комиксы, детективы, порнороманы, в большинстве переведенные с английского, нельзя назвать прозой. Двадцать лет — это совсем немного для рождения национальной литературы. И все-таки она уже есть, и мир признал это.

К столику снова приближается гитарист и берет глубокий, красивый аккорд. Гильен снимает очки, тяжело дыша, поворачивается к нему всем телом, убирает с коленей салфетку:

— Ну, а «Камагуэй» можешь? Это мой родной город,— объясняет он мне.— Я вырос там... Там горы. Туда я вернусь скоро...

Стихает хрипловато-страстный голос, замолкает гитара — Гильен прикрывает глаза ладонью. Маленькая прозрачная капелька медленно катится по его смуглой щеке. Проходит минута. Мы молчим.

— Вы знаете, я счастлив! Я счастлив, ибо за восемьдесят лет жизни я достиг-таки согласия с самим собой. А это дано далеко не каждому поэту. Я много повидал, много написал, много любил. Я жил так, как чувствовал, и чувствовал, как жил... Я сохранил верность своим убеждениям — всю свою жизнь я был предан делу коммунизма. В партии больше сорока лет. Меня любит народ. Я его бесконечно люблю, чувствую перед ним огромную ответственность... Я счастлив. И потому мне не грустно будет вскоре уйти с этой земли. Сердце свое, судьбу и душу я отдал прекрасному, настоящему, поэзии, волшебной моей мулатке, как ее называют кубинцы, Кубе, Гаване, Малекону, Прадо, родной моей «Бодегите дель Медио». Я слушал Бетховена, наслаждался картинами Веласкеса и Гойи... Меня можно обвинить во всех смертных грехах, но нельзя обвинить в главном — в измене, в равнодушии...

Снова звучит гитара. Гильен смотрит на часы.

— Ну вот, коллега, и помогли вы мне сегодня отдохнуть... А завтра — совещание, две встречи с иностранными писателями, вечер в Национальном театре... Кстати, молодой человек, вы какой орган представляете, если не секрет?

— Журнал «Огонек».

— Андрес, что же ты мне сразу не сказал? «Огонек» — наш лучший друг. Ведь мои первые переводы на русский были напечатаны «Огоньком»! Вы даже не представляете, какой у него тираж. Больше, чем людей в Гаване! Мне бы очень хотелось передать привет вашему журналу и его читателям.

Гильен берет со стола ручку и пишет на своем именном бланке: «Шлю сердечный привет замечательному журналу «Огонек», искренне радуюсь достижениям советского народа, а также — почему бы и нет! — успехам моей родины. Николас Гильен. Гавана. 21 февраля 80».

Гавана — Москва.

Envío un afectuoso saludo a la gran revista Ogoniok, con mis sinceros votos por sus éxitos, que son los del pueblo soviético y también — ¿por qué no? — del pueblo cubano.
La Habana, feb. 21-80

[signature]

А. ЛЕБЕДЕВ,
действительный член Академии художеств СССР

В. Серов.

ГЛАВНАЯ ТЕМА

21 июля 1980 года выдающемуся советскому художнику Владимиру Александровичу Серову исполнилось бы семьдесят лет. Он ушел из жизни на пятьдесят восьмом году, в самом расцвете творческих сил, обуреваемый большими художественными планами.

В. А. Серов был художником-гражданином в высоком смысле этого слова. В его лице крупный мастер живописи и графики счастливо сочетался с неутомимым общественным деятелем, блестящим организатором художников, страстным защитником и пропагандистом принципов и искусства социалистического реализма. Его творчество, деятельность отличались публицистическим пафосом, пламенной коммунистической идейностью.

В условиях ленинградской блокады, в обстановке обстрелов, бомбежек, голода и холода В. А. Серов возглавил Ленинградское отделение Союза художников. Под руководством городской партийной организации он превратил его в подлинно боевой штаб военной наглядно-политической агитации, оказывающей повседневную действенную помощь армии и флоту. Художники маскировали важные объекты, помогали эвакуации музейных ценностей, выпускали плакаты, листовки, выезжали на передовые позиции, на корабли Балтийского флота и в партизанские отряды, писали портреты воинов, патриотические картины, прославляя своим творчеством подвиги героев, призывая к дальнейшей борьбе с врагом. 26 июня 1941 года на улицах Ленинграда был расклеен плакат Серова «Били, бьем и будем бить!», который в первые же дни вероломного фашистского нападения утверждал горячую веру в нашу победу. Созданные мастером и его соратниками плакаты, портреты, зарисовки, карикатуры направлялись в окопы, на корабли, в партизанские землянки. Один из руководителей Ленинградского горкома партии, Н. Д. Шумилов, позднее вспоминал: «Высокой оценки и похвалы заслуживает работа созданной тогда при отделе пропаганды и агитации горкома группы художников-плакатистов во главе с В. Серовым... Их плакаты и рисунки чуть ли не ежедневно печатались на первых полосах «Ленинградской правды», «Смены», «На страже Родины!», «На защиту Ленинграда» и других газет».

Голодные, с отекшими конечностями, закутанные от холода в какие-то фантастические одежды, художники, преодолевая силой воли недомогания, самоотверженно трудились. Многие погибли на своем боевом посту...

В блокаду, в 1942 году, В. А. Серов стал членом Коммунистической партии.

Через два года, в дни стремительного январского наступления советских войск под Ленинградом, в «Ленинградской правде» была опубликована его статья «Возмездие», в которой он писал: «Много горя и страданий пережили ленинградцы. Гитлеровские ублюдки хотели поставить на колени великий русский народ. Они залили улицы Ленинграда невинной кровью детей, стариков и женщин. Настал час возмездия за горе и муки ленинградцев. Идет суровая расплата... Своей черной кровью отвечают гитлеровские мерзавцы за свои чудовищные злодеяния. Перед нами, художниками города Ленина, стоит сложная, благородная задача. В художественных образах мы обязаны показать миру, увековечить в произведениях искусства невиданный героизм воинов, тружеников города Ленинграда».

В июле 1965 года, вручая городу-герою Ленинграду медаль «Золотая Звезда», Л. И. Брежнев сказал, вспоминая военные годы: «Неутомимой была деятельность ленинградских художников — В. А. Серова, Г. С. Верейского, Н. И. Дормидонтова, А. А. Казанцева, И. А. Серебряного и многих других».

В послевоенные годы живописец приложил огромные усилия для создания и активной деятельности Союза художников РСФСР, до конца своих дней он избирался его первым секретарем. В 1960-х годах был вице-президентом, а затем и президентом Академии художеств СССР. Член Центральной ревизионной комиссии КПСС, депутат Верховного Совета РСФСР Серов отдавал много сил партийной и государственной деятельности. Поистине огромная работа!

Владимир Александрович обогатил советское изобразительное искусство многими замечательными произведениями, в которых необычайно ярко и глубоко раскрыты события жизни и освободительной борьбы нашего народа.

Особенно значительны полотна мастера, посвященные деятельности В. И. Ленина и истории Великого Октября. Всенародной известностью и любовью миллионов зрителей пользуются эти его картины, ставшие подлинно классическими произведениями советской живописи. Художник воспел в них величие деяний вождя пролетарской революции, всемирно-историческое значение победы Советов. Созданные Владимиром Александровичем образы при их удивительной внешней ясности, доступности и простоте несут в себе глубокое обобщение сложнейших социальных процессов, обладают большой силой эмоционального воздействия. Его работы отличает открытая партийная направленность. Ученик замечательных художников В. Е. Савинского и И. И. Бродского, убежденный приверженец принципов социалистического реализма, Серов в своих картинах выступает продолжателем лучших традиций отечественного реалистического искусства.

В своих полотнах он раскрыл народную основу Советской власти, художественными средствами он утверждал новые общественные отношения, о которых веками мечтали лучшие умы человечества. И в этом Серов является истинным новатором. В картинах художника органично сплавлены жизненная правда и страстные романтические устремления к лучшему будущему.

Картина «В. И. Ленин провозглашает Советскую власть» изображает Актовый зал Смольного в ночь с 7 на 8 ноября 1917 года, когда там, на II Всероссийском съезде Советов, было объявлено о переходе государственной власти в руки трудящихся. Залитый электрическим светом зал до предела заполнен народом — красногвардейцами, матросами, рабочими, крестьянами.

В правой части полотна на возвышении изображен В. И. Ленин, произносящий пламенную речь. Полна экспрессии его фигура с утверждающим жестом правой руки, одухотворено волевое лицо. В едином бурном порыве делегаты приветствуют ленинские слова, обращая к вождю чувства горячей любви, преданности, безграничной веры, полного одобрения ленинских призывов. Пафос полотна в ярком выражении единства, нерасторжимости народа и партии, народа и Ленина, воплощающего самые сокровенные чаяния миллионов. Колорит картины хорошо передает атмосферу всеобщего ликования и радостного возбуждения.

Художник ярко запечатлел великий момент в истории человечества. Это полотно является торжественным гимном в честь победы новой общественной формации.

В. А. Серов, для которого тема «Ленин» проходила через всю жизнь и являлась главной в творчестве, упорно искал новые художественные решения. В историко-революционной картине он стремился к большой содержательности социально-психологических характеристик персонажей, к выявлению тонких и сложных переживаний людей, а через это и к более глубокому раскрытию темы. Вместо огромных полотен с десятками, если не сотнями действующих лиц он некоторое время пишет небольшие холсты всего лишь с несколькими героями. Но каждый из них найден в результате упорного поиска, тщательно изучен и с необыкновенной любовью запечатлен на холсте.

К серии таких произведений принадлежит полотно «Ходоки у В. И. Ленина», пронизанное удивительной душевной теплотой. В нем передано огромное внутреннее обаяние и мудрость Владимира Ильича. Картина изображает В. И. Ленина, беседующего в первые послереволюционные месяцы с тремя пришедшими к нему на прием ходоками-крестьянами. Обычный эпизод, подобных которому в жизни Владимира Ильича было, наверное, сотни. Но при всей своей кажущейся на первый взгляд будничности он перерастает в картину глубочайшего обобщения.

Беседа проходит в простой, скромной комнате, лишенной парадности и помпезности. Но тем ярче выявляется атмосфера дружеского расположения, взаимопонимания, доверия и искренности. Каждый из

В. Серов. 1910—1968. В. И. ЛЕНИН ПРОВОЗГЛАШАЕТ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ. 1962.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Серов. ЗИМНИЙ ВЗЯТ. 1954.

Государственная Третьяковская галерея.

героев охарактеризован здесь предельно точно и выразительно. В. И. Ленин — весь внимание, он жадно впитывает в себя вести из деревни, осмысливает их, сопоставляет с другими и делает выводы, которые потом будут определять политику партии и нового государства. При всей простоте облика великого вождя зритель чувствует, какая кипучая, титаническая внутренняя работа происходит в его сознании.

Выразителен сидящий рядом с Лениным крестьянин в полушубке. Он делится с Ильичем самыми сокровенными думами, и художник в его образе воплощает большую жизненную мудрость земледельца. Жестом натруженных, огрубевших от работы рук он как бы подтверждает для убедительности свой рассказ.

Другой ходок, в солдатской шинели, тоже необычайно типичен. Волевой, собранный деревенский активист, сельский партийный работник с огромным вниманием впитывает указания, советы вождя, боясь пропустить хотя бы одно слово. Они станут для него программой действий, напутствием в нелегкой борьбе с кулаками. Выразителен и образ крестьянина, стоящего у стола. «Ходоки» у В. А. Серова словно олицетворяют собою многомиллионное крестьянство, вовлеченное революцией в строительство новой жизни.

Эта картина — одно из лучших в советском искусстве произведений, посвященных Ленину. Образы Ильича и крестьян написаны вдохновенно, с огромной любовью. Каждая поза, фигура, жест служат главной идее — показать связь Ленина с народом. Мягкий, спокойный колорит холста, выдержанный в тонально собранной теплой цветовой гамме, подчеркивает душевность, сердечность сцены. Плотный, «эмалевый» живописный слой дает спокойную фактуру, гармонирующую со всем строем произведения. Все детали написаны здесь с большой тщательностью, материальной достоверностью и изяществом.

Написанный в 1956 году «Портрет В. И. Ленина» основан на глубоком и тщательном изучении художником документальных иконографических материалов. Он отличается безукоризненным сходством, подчеркивает демократизм, человечность, мудрую простоту великого вождя и принадлежит к лучшим портретам В. И. Ленина, исполненным советскими художниками.

В 1959 году Серов создал картину «Вести из деревни». Он изобразил коридор Смольного в Октябрьские дни семнадцатого года, где В. И. Ленин, только что вышедший из рабочего кабинета, беседует с двумя солдатами. Один из собеседников ранен в руку, и она висит на перевязи. Другой солдат держит письмо, полученное из деревни. Раненый, водя пальцами по строчкам, вслух читает наиболее интересные места. Владимир Ильич заинтересовался вестями из деревни, внимательно слушает. Солдаты чувствуют себя непринужденно, беседа идет дружески. Как и все лучшие работы Владимира Александровича, эта картина гармонична своим простым, скромным, лишенным внешних эффектов колоритом, она удивительно верно передает суровую обстановку Смольного в дни великих событий.

Совсем в другом ключе написано полотно «С Лениным». После митинга по заводскому двору в окружении рабочих идет вождь революции. Могучим, бурным потоком движутся люди. И этот темп, эта народная сила символизируют титанический революционный порыв целого класса России, увлеченного великими ленинскими идеями. Здесь каждый образ рабочего — это повесть о жизни человека, о его преданности революции, готовности к самопожертвованию и героизму. В облике Владимира Ильича — глубокое чувство человечности, простота, обаяние. Вместе с тем в этом полотне появляются черты стремительности, страстной энергии, взволнованной приподнятости. Вся картина динамична, повышенно экспрессивна, темпераментна. Этому отвечает и фактура красочного слоя. Колорит картины глубокий, насыщенный. Холодно-зеленые, красные, темные теплые тона чередуются в строгом ритме, создавая общую цельную гармонию. Повышая линию горизонта, художник придает фигурам черты монументальности. Нервная, беспокойная манера письма подчеркивает стремительность движения, передает атмосферу душевного напряжения.

Талантливые полотна Серова, изображающие Ленина,— это самоотверженный, изнурительный, каждодневный труд, неутомимые поиски. Он безжалостно уничтожал многие наброски, композиционные решения и даже готовые варианты картин, которые его не удовлетворяли. Изучал труды Ильича, штудировал исторические и философские сочинения, обращался с жадными расспросами к людям, встречавшимся с вождем. Собирал отдельные факты, искал подходящий типаж, делал этюдные наброски. Во время работы над картиной «В. И. Ленин провозглашает Советскую власть» художник бродил по улицам Ленинграда, мысленно воссоздавая исторические события. «В те дни,— говорил он,— я по-особому видел наш город. Улицы его, как живые свидетели, вели меня путями, по которым шло к победе славное поколение Октября. Живо представлялась Дворцовая площадь в Октябрьскую ночь, переполненная звуками боя, в момент исторического штурма Зимнего дворца. А в Смольном, в огромном белоколонном зале, в это время шел Второй съезд Советов. Всегда, когда я поднимаюсь по ступеням лестницы, ведущей в Смольный, с благоговением вспоминаю тех, чьи грубые сапоги в те дни прошли по этой исторической лестнице».

Точно так же, с увлечением работая над картиной «Ходоки у В. И. Ленина», В. А. Серов подолгу жил в деревне, разговаривал со стариками, искал нужные типы, костюмы, утварь, представлял своих ходоков живыми людьми, знал их биографии, характеры.

В картине «Зимний взят» мастер воссоздал события исторической ночи с 7 на 8 ноября 1917 года. Во внутренних помещениях Зимнего дворца, служившего резиденцией Временного правительства, около парадной Иорданской лестницы, украшенной мраморными статуями и пышной позолотой, стоят два вооруженных человека, призванные охранять только что взятую штурмом цитадель буржуазной власти. Их простой, суровый облик контрастирует с помпезностью дворцового убранства. Эти двое стражей олицетворяют новую, подлинно народную

В. Серов. ХОДОКИ У В. И. ЛЕНИНА.

власть, крепкую, уверенную в себе. Один из них — рабочий в кожаной куртке с красногвардейской нарукавной повязкой, подтянутый, волевой, собранный. В его лице уверенность, ум, достоинство. Второй — пожилой солдат в походном снаряжении, недавний крестьянин с морщинистым, поросшим густой бородой лицом, прищуренными, с хитрецой, глазами. Солдат прикуривает у красноармейца цигарку. Два воина представляют собой два основных революционных класса России, главную движущую силу социалистической революции и как бы символизируют прочный союз, братство российского пролетариата и крестьянства. Лаконичная, немногословная картина через простую бытовую сцену раскрывает эпоху, дает характеристику представителей революционных классов. Все просто, естественно, ненарочито. И вместе с тем очень емко и значительно по содержанию!

Картину отличает мастерское композиционное построение, при котором главные персонажи изображены в центре полотна, лицом к зрителю. Спокойная цветовая гамма хорошо передает состояние людей в часы временной мирной передышки, настроение «перекура».

Через три года после создания этого произведения мастер пишет картину «Ждут сигнала», где изображен один из эпизодов сражений, предшествовавших штурму Зимнего дворца. Холодная осенняя петербургская ночь. Тревожно мечутся по небу лучи прожекторов. У парапета невской набережной сосредоточился отряд красногвардейцев, матросов, рабочих. Чувствуется напряженное внимание, едва сдерживаемое нетерпение. И главное — преданность революции, готовность к самопожертвованию.

Полотна «Декрет о мире» и «Декрет о земле» посвящены первым законам Советского государства, которые сыграли огромную историческую роль и положили начало великой и ныне развивающейся политической традиции нашей страны.

В первом из этих произведений, изображающем солдат в окопе мировой войны, художник показал, с каким воодушевлением встречали воины декрет нового правительства о мире, отвечавший коренным интересам и желаниям народа.

Во второй картине повествуется о том, с каким захватывающим интересом и восторгом встретили деревенские труженики Декрет о земле. Оба эти холста рассказывают о судьбе народа и о личных судьбах, объединенных в могучий поток революционной истории.

Владимир Александрович Серов обладал широким творческим диапазоном, его художнические влечения были необычайно многогранны. Темы «Ленин», «Октябрь» были для него главными, но не единственными. Он создавал также исторические и бытовые полотна, портреты, пейзажи, натюрморты, плакаты и иллюстрации, стенные росписи.

Заслуги мастера перед советским изобразительным искусством получили широкое признание. Он имел почетное звание народного художника СССР. Был избран действительным членом Академии художеств СССР, членом-корреспондентом Академии искусств ГДР, награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени.

Правдивые, глубокие картины Ленинианы Владимира Серова — серьезный вклад в сокровищницу нашего советского изобразительного искусства.

Василий **АНДРЕЕВ**

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА

СВЕТЛОЕ ОЗЕРО

Как бы там ни было, а все-таки Иван Иванович постепенно выкарабкивался из той отрешенности, в какой находился первые месяцы после гибели сына. Однако пробуждение к жизни шло у него до того медленно, что Катя бог знает как обрадовалась, когда ей подвернулся случай увезти его за город. Вернувшись как-то поздно вечером из театра, Катя тотчас огорошила Ивана Ивановича, неприкаянно сновавшего по квартире: завтра они с Дмитрием едут с ночевкой на Светлое озеро, где будто бы видимо-невидимо раков, и забирают с собой его; никаких отговорок слушать она не намерена, поскольку Иван Иванович сам, мол, просил познакомить его с Дмитрием.

Растерявшись от неожиданного приглашения, Иван Иванович суетливо поскреб серую бороду, с минуту помолчал, желая хоть чуть-чуть унять нахлынувшее волнение, вызванное заботой о нем Кати, но так и не смог обуздать свои чувства, сказал ставшим вдруг ломким голосом:

— Ой, Катюша, Катюша!.. Хитра ты у меня стала... все слабости старика приметила... Ну где я сыщу силы отказаться от ловли раков?..

Ему вдруг вспомнилось далекое уже детство, родимая деревня с крытыми тесом и дранкой избами, озорная по весне речушка, которая кишмя кишела раками, всякой рыбой. В летнюю пору он с компанией таких же огольцов, как и сам, день-деньской пропадал на этой речушке, где ловил руками голавлей, налимов, окуней, забиравшихся под разные коряги и скользкие топляки. И как раз проще простого было сладить всегда с простофилями-раками, что сами, можно сказать, шли в руки, хотя это простофильство не мешало ракам схватить клешней за палец неосторожного ловца с такой силой, что мальчишеский крик иногда был слышен на дальнем краю глухой лесной деревни.

Вот с детства и жила в нем вечная тяга к рыбной ловле. И пусть судьба Ивана Ивановича после войны сделала крутой поворот, давно связал он свою жизнь с большим заводом и шумной Москвой, с которой свыкся не скоро, но все равно не сгинула его любовь к тихой речушке, лесному краю, оттого и тянуло Ивана Ивановича все годы в родные места, и не раз брал он билет до станции Поречье, откуда рукой подать до его деревни. Да так и не побывал все-таки в ней, в последний час всегда спохватывался, сдавал билет: ехать туда, чуяло сердце, резону не было, никто его там не ждал. Старший брат, что тоже жил вместе с ними до войны, погиб еще в августе сорок первого, младший — уже в Берлине, а мать с отцом убило бомбой при налете немецких самолетов. Односельчане писали ему тогда на фронт: на месте их избы осталась лишь глубокая воронка, заполнившаяся болотной водой.

Может быть, еще и потому не ездил он в свою деревню, что на заводе не только в летнюю благодать, но и лютой зимой завком всегда выделял автобус, а не то и два, и те заводчане, чье сердце гулко бьется при слове «рыбалка», катили на выходные к подмосковным речкам и озерам. А вот когда он стал пенсионером, то сразу и забыл о рыбалке, вроде и всякий день у него праздный, да на поверку выходит не так, не отпускают его дела: то в квартире что-либо ремонта просит, то домоуправлению надо помочь, но главное — не мог он оставить без присмотра Катю, свою соседку по квартире, ведь она совсем еще девчонка, и одна-одинешенька. А тут что ему было не соглашаться, когда вместе с Катей поедет, и он, не тая уже радости, вертелся возле нее, допытывался, далеко ли до того озера, где видимо-невидимо раков, раздумывая вслух, не взять ли ему с собой ружье.

Катя знала, Ивану Ивановичу дорого это ружье, что висело у него в кожаном чехле на стене и не ведало ни одного выстрела с того самого дня, как было куплено Алексеем. Прошлой осенью заходил к ним участковый, смутно намекал, не пора ли Ивану Ивановичу продать свое ружье, мол, какой из него теперь охотник. И тогда Катя испугалась, увидев, как вдруг мертвенно побледнело лицо Ивана Ивановича, да и сам участковый это заметил, быстро исправил оплошку, ловко обратил свои слова в шутку и тут же повел всерьез речь об избытке рыси в волоколамских лесах, посоветовал ему наведаться в те места. Оттого-то теперь Катя и сказала, не задумываясь:

— Конечно, без ружья никак нельзя... Ночевать-то в лесу будем, а ну как зверь какой нападет на нас?..

Тут Иван Иванович и дал себе слово проснуться завтра пораньше, чтобы успеть все толком приготовить к поездке. И когда Катя утром вошла на кухню, освещенную еще красным солнцем, он уже колдовал там над своим ружьем: чистил его с особым тщанием, глухо щелкал курками, прижмурив сильно глаз, заглядывал то в один, то в другой ствол. Под конец достал из чемодана мешочки, коробки с дробью и порохом, набил десятка два патронов, пометил каждый понятной только ему царапиной.

К вечеру, в четвертом часу, когда Дмитрий подкатил к дому на своих белых «Жигулях», Иван Иванович уже расхаживал по прихожей, облаченный по-походному: на поясе у него висел охотничий нож в брезентовом чехле, за плечами — двуствольное ружье, старый рюкзак с раздутыми карманами. Войдя в квартиру, Дмитрий оглядел его с любопытством, вежливо поклонился, заметно краснея, сказал:

— Здравствуйте, Иван Иванович!.. Рад с вами познакомиться...

— Мне тоже приятно вас видеть,— не подавая руки, кивнул Иван Иванович.

Стоявшая тут же Катя была в синих брюках и темно-желтой спортивной куртке с белыми «молниями» на карманах, в руке она держала большую дорожную сумку, куда запихала легкое одеяло, кое-какую посуду и еду. Катя с любовью смотрела то на Дмитрия, то на Ивана Ивановича, радуясь, что едут они все вместе, и веря, что им будет весело и хорошо.

— Это дай-ка сюда, а сама закрой квартиру,— распорядился Иван Иванович, забирая у Кати сумку, и, подходя уже к двери, добавил: — Ну, удачливого нам отдыха!

Пока они выезжали из города, Катя с Дмитрием все время молчали, а Иван Иванович, устроившись на заднем сиденье, хмурился, недовольно поглядывая на бесконечный поток машин, плотно и угрожающе опасно обтекавший их белые «Жигули», и то и дело ворчал, что в Москве стало много автомобилей, от которых человеку уже нету никакого продыху. Еще Иван Иванович вслух удивлялся спокойствию Дмитрия, с каким тот переключал скорости, надавливал на педали; и со стороны нельзя было понять, то ли он хвалил его за это, то ли, наоборот, осуждал. Катя, сидевшая рядом с Дмитрием, чувствовала, тот поглядывает на нее влюбленными глазами, и была счастлива, и все вокруг видела таким прекрасным и разумным, что не было, казалось ей, никакой нужды что-либо менять или отвергать в этой жизни, и она не понимала, как это Иван Иванович сейчас может быть чем-то недоволен. А когда они выбрались из города, пересекли кольцевую дорогу и помчались по широченному гладкому шоссе, где машине стало вольготно, и в открытые окна потянуло живительными запахами лесов и полей, у Кати вдруг заняло дух от окружающей их красоты, и ей теперь хотелось кричать самые ласковые слова людям и солнцу, небу и птицам — всему белому свету.

Ах, дорога, дорога!.. Пожалуй, ничто на свете больше не дарит человеку столь желанного покоя, тихой и надежной радости, чем эта вечно убегающая вдаль дорога. Как бы ни было у него тяжело на душе, как бы ни томили его голову горькие мысли, а едва он тронется в путь, как начинает чувствовать в себе какое-то обновление, постепенно слабеют, теряют над ним прежнюю власть житейские невзгоды, великие и малые горести, непоправимые утраты. И пусть не сразу, не вдруг, но все же какие-то перемены были заметны и у Ивана Ивановича. Березовые рощи и перелески, разливы полей, что пестрели хлебами разной зрелости, постепенно раздули теплинку и в его закоченелом сердце, и на прежде хмуром и безразличном лице Ивана Ивановича стало проступать любопытство, он все дольше задерживал взгляд на плывущих навстречу садах, на приземистых избах с замысловатыми наличниками, на пасущихся в лугах колхозных стадах. А когда они свернули с шоссе и, поднимая пыль, подпрыгивая на колдобинах, поехали по рыжему большаку, Иван Иванович и вовсе по-мальчишески нетерпеливо заерзал на сиденье, поскольку увидел с пригорка дымчато-синий блеск озера, вплотную подступавшего к темневшему вдали лесу.

Скоро они подкатили к самому озеру, немного проехали по его пологому берегу и остановились на песчаной косе в каких-нибудь десяти метрах от воды, где вблизи не было ни одной живой души. Только выйдя из машины и оглядывая красивое, несколько вытянутое вдоль леса озеро, Иван Иванович приметил на противоположном берегу с дюжину отдыхающих и небольшой голубой автобус, на котором они, видимо, приехали. Голоса людей с того берега до них не доносились, и вокруг стояла такая тишина, что был хорошо слышен сухой треск летающих над водой стрекоз. Околдованный этой тишиной, Иван Иванович минуты три стоял молча, любуясь прозрачной чистотой озера, вслушиваясь в знакомые с детства голоса лесных пичуг, а потом покачал белой головой, с восторгом в голосе сказал, обращаясь к Дмитрию:

— Право, богов уголок!.. Рай небесный на грешную землю пожаловал... А насчет раков меня что-то сомнение берет. Навряд ли они станут жить в этакой чистоте.

— Раков тут много,— уверял его Дмитрий, вытаскивая из багажника машины котелок, шампуры, картонную коробку, в которой были свиные уши, купленные на рынке.— Вот только надо вкусную приманку состряпать, сейчас костер разведем...

Глава из романа. Полностью роман «Красное лето» публикуется в журнале «Москва».

Часа через полтора, собрав в лесу валежник и сухие сосновые шишки, они сидели у костра, над которым шипели и потрескивали, брызгали в огонь салом нанизанные на шампуры свиные уши. То и знай поворачивая шампуры, пристроенные на рогульках, Дмитрий рассказывал, как однажды его отец накидал в речку на ночь копченых свиных ушей, а к утру на том месте собралось столько раков, что их можно было сгребать лопатой.

— Ну, Катюша, по всему видно, Тимофеич закормит нас раками,— сказал Иван Иванович.

Катя, нарочно с шумом втягивая носом воздух, усмехнулась:

— Конечно, бедным ракам не устоять перед таким соблазном. Они, наверно, уже сбегаются к нашему берегу на этот запах.

Дмитрий будто не слышал насмешек и был невозмутим, спокойно поправлял в костре головешки да помахивал перед лицом березовой веткой, отгоняя настырных комаров, которым вроде и дым был нипочем, чем ниже садилось солнце, тем они становились все злее и злее. Когда свиные уши как следует прокоптились, а по краям даже слегка обуглились, Дмитрий снял их с шампуров и, сказав: «Ну, ловись, рак, покрупней да повкусней»,— побросал в воду недалеко от берега.

С заходом солнца от леса потянуло прохладой, и они скоро вспомнили про сумку, где была еда. Катя достала оттуда хлеб, колбасу, сыр, ветчину, свежие огурцы с помидорами. Все это она аккуратно порезала и красиво разложила на бумажные салфетки. Иван Иванович, который в последнее время ел ровно изпод палки, неожиданно обрадовался ужину, потирая руки, заметил:

— Истинно царский стол!.. Верно говорят, что большому куску рот радуется, но справедливо сказать и так: красиво накрытый стол аппетит подымает.— А про себя подумал: «Эх, Катюша, Катюша, на все-то ты большая мастерица, любое дело горит в твоих руках. И откуда это у тебя? Мать-то толково пуговицу пришить не может, а ты все умеешь: и платье сама себе шьешь, и джемпер мне связала, и обед какой угодно приготовишь. А ведь и работаешь и в институт готовишься... да еще я на твою голову навязался».

И помрачнел вдруг Иван Иванович, чувствуя сердцем, что скоро останется он одинодинешенек. С каждым часом Дмитрий ему все больше и больше нравился — умный, серьезный, добрый. А главное, сразу видно, любит он Катюшу по-настоящему, всякому ее слову не перечит, каждое ее желание готов выполнить. Вот и осиротит он его, не сегодня-завтра уведет к себе Катюшу. Ведь не станет он жить в их маленьком деревянном домике, если имеет кооперативную квартиру со всеми удобствами. А у него большая половина жизни связана с этим домиком, откуда он в последний путь и свою Елену проводил, которую жестокая хворь скрутила в какие-нибудь полгода. И маленький Алексей шлепал босыми ножками по крашеным половицам деревянного дома, и потом, когда уже был офицером, гулко и четко, по-военному, стучали каблуки сына по тому же самому полу. Ему даже ясно привиделось, как сын энергично перешагивает порог комнаты и, поправляя фуражку с зеленым околышем, весело смеется: «Папа, то ли я еще подрос, то ли дом наш осел... Что-то фуражкой за притолоку задеваю».

— Чай пейте, Иван Иванович,— напомнила ему Катя.— А то совсем остынет.

— Да, да, я сейчас буду,— спохватился он и виновато поглядел на Катю, в душе поругал себя, что он, выходит, не рад их счастью.

К полуночи, когда костер уже догорал и почти не дымил, от комаров не стало никакого спасения. Заполняя тишину тягучим, печально-нудным писком, они все время вились вокруг и кусали, кусали с оголтелой яростью.

— Батеньки мои, до косточек сожрут!..— не вытерпел наконец Иван Иванович, охлопывая ладонями бороду.— Окаянная сила, даже через такую щетину достает... Видать, надо улепетывать нам, Тимофеич, в поле, там ветерок какой-никакой.

За эту мысль сразу ухватилась Катя, у которой все тело было в волдырях от комариных укусов, и они, собрав по-скорому в машину посуду, остальные вещи и залив водой затухающий костер, помчались от комаров по большаку, кромсая темень дальним светом фар. Минут через десять свернули в сторону, немного проехали по скошенному лугу и пристали на ночлег у порушенной ветром копны свежего сена.

Наутро первым проснулся Дмитрий. Солнце уже высоко висело в чистом спокойном небе, в молодой березовой роще, что была совсем рядом — но ночью они ее не заметили,— по-хозяйски громко щебетали птицы, и к этому разноголосому хору пернатых примешивался глуховатый рык тяжелого трактора, сновавшего по соседнему полю. Иван Иванович еще вовсю спал, и, чтобы его не разбудить, Дмитрий с проворностью кошки вылез из-под сена, а потом неслышно подошел к машине, прильнул к заднему стеклу. Катя, оказывается, тоже не спала и, лежа на боку, мечтательно глядела на край синего неба, и ее ясные широкие глаза смеялись с загадкой, и все ее лицо было озарено каким-то внутренним светом. Он тихонько постучал по стеклу; Катя, вздрогнув, повернула голову и, увидев Дмитрия, заулыбалась, тотчас села и подняла защелку замка дверцы, впуская его в машину.

— Ты что не спишь? — ласково спросил он, садясь с ней рядом.

— Не хочу... я давно проснулась,— говорила она, поправляя свои длинные густые волосы.— Вот лежу и смотрю на солнышко, и так хорошо мне, радостно...

— Счастье ты мое!..— еле слышно сказал Дмитрий, обнимая и целуя Катю.

— Сиди тихо...— попросила она, снимая его руку со своих плеч.— А то Иван Иванович увидит и ты ему разонравишься.

— Почему ты решила, будто я ему нравлюсь?

— Потому что он зовет тебя только по отчеству. Это первый признак—нравишься. Кого он не примет душой, того никак не называет, вернее, всегда говорит ему только «вы», и все.

В это время из копны вылез Иван Иванович, отряхнулся от сена, огляделся и подошел к ним с ружьем, которое, оказывается, клал на ночь в изголовье.

— Мило-ловко получается,— сердито заговорил он,— сами давно встали, а меня изволите не будить. На кой ляд тогда везли в такую красоту? Бока-то отлеживать я и дома умею.

— Мы сами только что проснулись,— сказала Катя.

— Стало быть, тоже хороши,— уже подобревшим голосом проговорил Иван Иванович.— Солнце вовсю по небу катается, а мы еще глаза продираем. Раков-то наших, поди, переловить успел какой-нибудь умелец.

Тут они, ни минуты не мешкая, сели в машину и понеслись к озеру, оставляя за собой клубы пыли.

Приехав на знакомую песчаную косу, они скоро убедились, что там, как и вчера, было тихо и безлюдно. Лишь невесть откуда взявшаяся чайка то садилась на воду вблизи того места, где Дмитрий бросал вчера с вечера копченые уши, то с тревожным криком взлетала, будто звала кого на помощь.

— Чует птица, что раки там собрались,— сказал Дмитрий и разделся, стал прилаживать акваланг.

Неузнаваемо оживившийся Иван Иванович тоже снял брюки, рубашку и вертелся в синих плавках около Дмитрия, помогал ему застегивать ремни, подавал оголовье, ласты. Катя в светло-оранжевом купальнике ходила босиком по песку и тайно радовалась, что Иван Иванович менялся на глазах, становясь все веселее.

Наконец Дмитрий привязал ласты и, выворачивая ноги в сторону, чуть сгибаясь под тяжестью баллонов со сжатым воздухом, вошел в озеро, немного отплыл от берега и скрылся под водой. Минуты две-три он не подавал признаков жизни, чем вызвал тревогу Кати, а потом вынырнул совсем в другом месте, громко крикнул «Ловите!» и выбросил на песок первого рака.

— Во какой ошлепок!..— засмеялся Иван Иванович, поднимая рака и показывая его Кате.— Надо полагать, самый матерый попался.

Пока они разглядывали первого рака, Дмитрий выкинул из воды второго, третьего, четвертого... Тут Иван Иванович, охваченный азартом рыболова, заметался в возбуждении, бегал от рака к раку, что один за другим глухо шлепались в песок то слева, то справа. Восхищенно ахая, он подбирал раков и, бросая в ведро, с которым Катя ходила за ним следом, придумывал им разные прозвища: «Принимай Лаврушку глазастого!», «Держи Кузьму колченогого!», «Полюбуйся на Филю-бражника!»

А когда Дмитрий вылез из воды, Иван Иванович поставил перед ним ведро и, приплясывая от радости, доложил:

— Двадцать семь гавриков!..

Потом они, налив в ведро воды и спрятав раков в тень под деревья, до самого полудня купались, загорали. Катя с Дмитрием почти не вылезали из воды, заплывали далеко, на середину озера, и оттуда едва доносились до берега их голоса. Иван Иванович в основном валялся на теплом песке, подставляя солнцу то грудь, то спину.

Растут кварталы Волгодонска.

Древесностружечные плиты — продукция лесоперевалочного комбината.

По комсомольским путевкам едут не только на «Атоммаш» — В. Сытарниченко работает в порту.

Председатель совета бригадиров «Атоммаша» А. С. Савранский.

Первый секретарь Волгодонского горкома партии И. Ф. Учаев беседует со строителями.

адреса великих свершений

У МОРЯ Р

ИНТЕРВЬЮ С ОТСТУПЛЕНИЯМИ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Первый секретарь Волгодонского горкома партии И. Ф. УЧАЕВ отвечает на вопросы специального корреспондента «Огонька» Б. СОПЕЛЬНЯКА

●

ВОПРОС. В Большой Советской Энциклопедии Волгодонску уделено двенадцать строк. Не так уж мало для такого молодого города. Правда, там сказано, что статус города Волгодонск получил в 1956 году. Между тем в июле Волгодонск будет отмечать тридцатилетний юбилей. Что это — неточность в энциклопедии или торжества раньше срока?

Ответ. Как это ни странно, но и неточности в энциклопедии нет и юбилей мы отмечаем вовремя. Как вы, наверно, знаете, своим рождением город обязан строительству Цимлянской ГЭС. В послевоенные годы это была первая крупная стройка. Именно здесь, в донских степях, где замыкалось внешнее кольцо окружения армии Паулюса, началась грандиозная мирная битва — битва за воду и электричество. Соединить Волгу с Доном мечтал еще Петр I, но по силам это оказалось лишь советским людям. Предварительная инженерно-геологическая экспедиция была проведена в 1949 году, а на следующий год началась стройка. Десятки тысяч людей трудились на берегах Дона. Жили они во временных поселках и близлежащих станицах. Поселок Ново-Соленый строился на голом месте. Предназначался он для эксплуатационников, которые должны были обслуживать шлюзы и головные сооружения оросительного канала. Занимал он всего 148 гектаров и был рассчитан на 8770 человек. Долго мы не могли найти документов, подтверждающих, что в 1950 году поселок существовал не только на бумаге. Совсем недавно удалось обнаружить две книги тогдашнего загса. Так вот, первое свидетельство о рождении Ново-Соленовский поселковый Совет выдал в июле 1950 года. Статус города и название Волгодонск — в память соединения Волги с Доном — поселок получил действительно в 1956 году. К этому времени здесь жило около десяти тысяч человек.

* * *

Тупоносый буксирчик, деловито пыхтя, рассекал бирюзовую гладь Цимлянского водохранилища. Мы сидели на крошечной палубе, любуясь уходящими за горизонт берегами. Крикливые чайки, силуэты теплоходов, пенистые буруны от проносящихся «Ракет» и терпкий запах полыни, густой аромат чабреца.

— Это смотря откуда ветер подует, — привычно щурясь, говорил Н. Г. Чернуха. — Сейчас потянуло с юго-востока, а там безоглядные степи. Но бывает, как рванет с севера, а навстречу как навалится «астраханец», такая круговерть начинается, что даже большущие суда типа «река — море» ищут, куда бы спрятаться. А укрыться-то негде: берега плоские, удобных бухт и заливов нет — приходится штормовать. Так что никакое это не водохранилище, а самое настоящее море. Мы так и говорим: Цимлянское море. Говорили так и в пятьдесят втором, когда открылась первая навигация. Тогда здесь было всего четыре буксира. Я капитанил на «Прибое».

— А каким был первый рейс, не помните?

— Как это не помню?! Конечно, помню! — чуточку обидевшись, продолжал Николай Григорьевич. — Земснаряд тащили. По мелководью шлепали, днищем по буграм и макушкам деревьев чиркали, но до места добрались. Тогда, между прочим, в «Огоньке» Евгений Рябчиков написал обо мне как о первом капитане Цимлянского моря. Как он, Рябчиков-то, здоров, работает?

— Еще как здоров! Работает, ездит, пишет...

— Привет передайте. Если, конечно, не забыл капитана Чернуху.

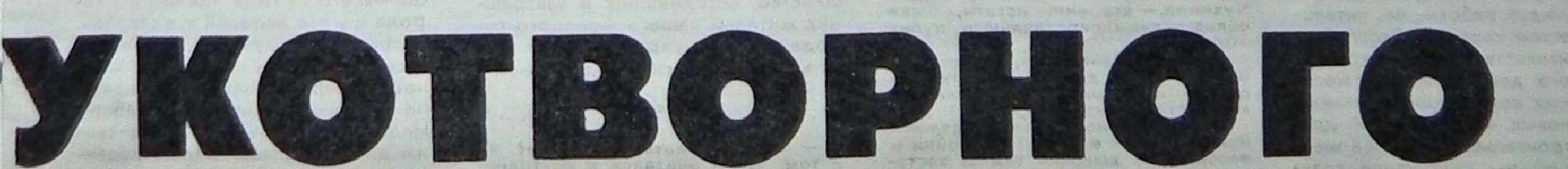
* * *

ВОПРОС. Вернемся к Большой Советской Энциклопедии еще раз. Там сказано, что в Волгодонске 28 тысяч жителей, есть порт и три промышленных предприятия — химический комбинат, опытно-экспериментальный завод дорожных машин и лесоперевалочный комбинат. Со дня выхода этого тома БСЭ прошло всего девять лет. Насколько устарели эти сведения?

Ответ. Очень устарели. Сейчас в городе 125 тысяч жителей, 19 промышленных предприятий и мощные строительные организации. Девять лет назад в народном хозяйстве работало 18 648 человек, а теперь — 76 700. Заметно выросла и партийная организация — с 2800 до 9500 коммунистов. Комсомольцев тогда было 4,5 тысячи, а ныне 19 тысяч. Это цифры. А за цифрами—люди и огромная, не побоюсь этого слова, титаническая работа. Ведь мы не только строили город, новые фабрики и заводы, но и реконструировали старые, которым Волгодонск обязан своим становлением.

Взять хотя бы химический завод имени 50-летия ВЛКСМ. Первую продукцию — синтетические жирные кислоты — он дал в декабре 1958 года. Тогда в этих кислотах остро нуждалась мыловаренная промышленность. Страна тратила много средств, в том числе и валютных, на приобретение кокосового масла и всевозможных животных жиров, без которых не сварить ни одного куска мыла. Наш химзавод решил эту проблему: мы дали стране синтетические моющие средства. Такие стиральные порошки, как «Дон» и

На рейде морском...

«Астра», известны, по-моему, каждой хозяйке.

А сколько заводчане построили! Дворец культуры «Октябрь», ГПТУ, больница, шесть детских садов, здание редакции городской газеты, база отдыха, практически все жилые дома в старой части города — это дело их рук.

Вторую молодость переживает ровесник Волгодонска — опытно-экспериментальный завод дорожных машин. Родился он на месте мастерских по ремонту техники, работающей на Цимлянской ГЭС, а сейчас выпускает известные всей стране да и за рубежом грейдеры, бульдозеры и катки для укладки асфальта. Авторитет завода так высок, что совсем недавно на его базе проходила пятая республиканская конференция по качеству дорожной техники.

Большую и очень важную работу выполняет лесоперевалочный комбинат. Миллион кубометров древесины проходит ежегодно через руки рабочих комбината! Когда-то основной продукцией комбината была рудничная стойка — почти все шахты Донбасса держатся на этих стойках, а теперь из отходов налажен выпуск древесностружечных плит. Строители и мебельщики берут эти плиты нарасхват. А из совсем крошечных отходов умельцы делают хорошие сувениры: шкатулки, сигаретницы и даже матрешек.

Не могу не сказать доброго слова о наших рыбаках. Волгодонский рыбокомбинат существует всего пять лет, а его продукцию хорошо знают не только волгодонцы и ростовчане, но и москвичи.

ВОПРОС. Можно ли сказать, что 1975 год переломный, вернее, этапный в истории Волгодонска?

Ответ. Да, 1975 год, безусловно, войдет в историю города. Именно тогда было принято решение о строительстве Волгодонского завода тяжелого машиностроения, который позже стал называться «Атоммашем». Об этом уникальном предприятии, которое будет на конвейере выпускать реакторы для атомных электростанций, написано немало, поэтому я отмечу наиболее важные вехи в строительстве завода, и то, как они влияли на развитие города. В 1975 году жилой фонд Волгодонска составлял 400 тысяч квадратных метров, а сейчас—полтора миллиона. За пять лет построены двадцать детских садов, пять школ, два торговых центра, аэродром, автожелезнодорожный вокзал, ГПТУ, филиал Новочеркасского политехнического института, две поликлиники, роддом, овощехранилище, машиностроительный техникум, музыкальная школа, узел связи, яхтклуб, гребная база, Дом быта и многое, многое другое. На самом «Атоммаше» досрочно возведен третий корпус, а затем и главный. В связи с этим мы получали приветствия товарища Л. И. Брежнева.

И хотя сейчас полным ходом идет обработка деталей первого реактора, строительство не прекращается ни на минуту. Поднимается корпус № 2, готовится к сдаче вторая очередь главного корпуса, идут работы на четвертом и шестом корпусах. Растут темпы строительства заводов крупнопанельного домостроения и железобетонных конструкций, силикатных стеновых материалов и других. К строительству атомной электростанции мы приступили сравнительно недавно, но в 1984 году АЭС должна дать первый ток. А по соседству с «Атоммашем» растет новый гигант — «Энергомаш», в цехах которого будут делать энергетическое оборудование.

Не так давно утвержден генеральный план развития Волгодонска. Вначале он был рассчитан на 100 тысяч жителей, к 1985 году — на 250 тысяч, но уже разработан новый план из расчета на полмиллиона жителей. Волгодонск выйдет прямо к морю, здесь будут красивые набережные, большой парк, а по соседству спортивный комплекс со стадионом, плавательным бассейном, крытым катком. Неподалеку поднимутся корпуса гостиницы, торгового центра и киноконцертного зала. Дом пионеров и школьников, два дворца культуры, библиотека, кинотеатр, две музыкальные школы, больничный комплекс, Дворец бракосочетаний — все это тоже предусмотрено в новом городе. Будет у нас и своя сельскохозяйственная зона: при «Атоммаше» строится крупное подсобное хозяйство со свинарниками, молочной фермой и теплицей.

Словом, работы строителям хватит. Поэтому они были и еще долгие годы будут самыми уважаемыми людьми — ведь именно им воплощать красиво начерченные проекты в камне и бетоне.

* * *

С Ю. Д. Чечиным я познакомился в феврале 1976 года. Тогда мы ходили по изрытой траншеями и котлованами степи, и он увлеченно рассказывал, где что будет:

— Тут — третий корпус «Атоммаша», там — главный. Чуть дальше — домостроительный комбинат. А на этом пустыре вырастут шестнадцатиэтажные дома, школа, универсам и детский сад.

Прошло четыре года, всего четыре года, и многое из того, о чем говорил Ю. Д. Чечин, стало явью. Мы снова ходили вместе, но уже не по степи, а по улицам и проспектам красавца Волгодонска, любовались бирюзовым айсбергом «Атоммаша», и Юрий Данилович рассказывал о том, что сделано за эти годы и какие грандиозные задачи впереди.

— Прежде всего совсем иным стал трест. В марте семьдесят пятого, когда он был создан, у нас работало всего 1600 человек, а сейчас 32 тысячи прекрасных специалистов. В составе треста одиннадцать строительных управлений, которые, по сути дела, сами являются трестами. Трудностей пришлось пережить немало, и главная — формирование коллектива. Ведь люди съехались из самых разных уголков страны, с самых разных строек. У всех свой стиль жизни и работы, свои представления о том, что хорошо, что плохо, как работать и как отдыхать. Организующей силой, если хотите, костяком стали камазовцы. Я сам приехал из Набережных Челнов, строил город с самого нуля, поэтому везде и всюду внедрял камазовский стиль. Прекрасный стиль, ничего не скажешь, но мы его творчески переработали и пошли дальше.

Именно это позволило все объекты сдавать досрочно. Очень кстати пришелся известный почин ростовчан «Досрочно построим — досрочно освоим!». В самом деле, что толку, если досрочно сдадим, скажем, домостроительный комбинат, а продукцию он начнет выдавать через несколько лет. В ходу у нас и другой девиз: «Мы строим «Атоммаш» — «Атоммаш» строит нас!».

Сколько прекрасных специалистов выросло за эти годы! Назову хотя бы таких бригадиров, как Анатолий Аношкин, Николай Куракин, Георгий Фоменко, Лидия Чухнина,— все они, кстати, были обладателями переходящего кубка «Огонька».

— Юрий Данилович, а как прошли эти годы для вас, как руководителя и человека? Ведь «Атоммаш» строит, наверно, и вас?

— Безусловно. И еще как строит! Колоссальные масштабы стройки и необычайно высокие темпы заставили перестраиваться психологически и организационно не только меня, но и руководителей всех подразделений. Немало событий произошло и в личной жизни. Меня избрали депутатом областного и городского Советов народных депутатов, членом областного и городского комитетов партии. Что еще? Сын окончил институт, дочь стала студенткой, а сам я — дедом.

* * *

ВОПРОС. На улицах города я видел плакаты: «Атоммаш — судьба моя!». Но ведь люди едут не только на «Атоммаш»: немало молодежи приехало возводить «Энергомаш», атомную электростанцию да и сам город. Так что многие юноши и девушки, наверное, читают этот лозунг чуточку иначе: «Волгодонск — судьба моя!» Могли бы вы, Игорь Федорович, сказать о себе, а может быть, и не только о себе: «Волгодонск—судьба моя»?

Ответ. Да, конечно, Волгодонск — моя судьба. Здесь я уже девять лет, да и родом-то местный — с хутора Нижне-Гнутова. По образованию я судомеханик — оканчивал Астраханское речное училище, а позже Одесский институт инженеров морского флота. Довольно долго я жил в Таганроге, был там первым секретарем горкома комсомола, учился в ВПШ, работал в обкоме партии. Как я теперь понимаю, все это было хорошей школой и серьезной подготовкой для того, чтобы возглавить Волгодонскую партийную организацию. Трудности, конечно, возникали, и немалые, но рядом были товарищи: они в нужный момент и совет давали, и плечо подставляли. Но главное, без чего я не представляю своей работы,— постоянное внимание, поддержка и забота областного комитета партии.

Хочу еще раз отметить, что эта великая стройка стала такой же вехой в жизни многих и многих людей. Судите сами. Председатель горисполкома А. Е. Тягливый несколько лет был секретарем парткома треста «Волгодонскэнергострой», секретарь горкома партии Г. Г. Персидский тоже возглавлял партийную организацию треста, большинство членов горкома партии и депутатов горсовета тоже так или иначе связаны со стройкой и «Атоммашем».

И вот что очень важно: настало время, когда руководители всех организаций, возводящих «Атоммаш» и работающих на «Атоммаше», забыли об узковедомственных интересах и поняли, что дело не только в кубометрах бетона и исправно работающих станках, но и в том, где и как людям жить. Иначе говоря, психологию «временщиков» преодолели, и все активно взялись за чисто городские дела. Ну мог ли кто-нибудь два-три года назад сказать, что у нас будет своя футбольная команда?! Теперь она есть: «Атоммаш» играет во второй лиге. А могли ли мы предположить, что участники нашей художественной самодеятельности будут выступать в художественной части Олимпийских игр?! Между тем народный ансамбль песни и танца приглашен на Олимпиаду. У нас до сих пор не было профессиональных художников, скульпторов, дизайнеров. Теперь они есть.

Словом, я убежден, что большинство сегодняшних и завтрашних жителей нашего молодого города с чистым сердцем могут сказать: «Волгодонск — судьба моя!»

* * *

— Хотите верьте, хотите нет, но в том, что я оказался в Волгодонске, виновата прежде всего печать,— без тени улыбки говорит токарь-расточник А. С. Савранский.— Уж очень интересно рассказывали в газетах и журналах о том, какой уникальный завод «Атоммаш» и какое редкостное оборудование будет стоять в его цехах. А какой мастер не мечтает подковать блоху, иначе говоря, сделать что-то такое, что и глаз потешит и руку порадует! Ну, что, казалось бы, нужно, да еще в мои далеко не юные годы? Живу в Калуге, квартира в центре города, работаю на турбинном заводе, заработки хорошие, наградами, славой и почетом не обижен, и вдруг буквально в одночасье упаковываю чемодан — и в Волгодонск. Да еще не один, зятя подговорил. Представляете, что мне устроили жена с дочкой!

Приехали мы сюда в феврале семьдесят седьмого. В резиновых сапогах не могли подойти к заводу. Когда добрались до отдела кадров, думали, нас встретят с распростертыми объятиями, а нам говорят: «Вот вам направления в Подольск. Будете стажироваться». Это нам-то стажироваться, токарям шестого разряда?! Дело прошлое, но от обиды чуть домой не рванули. Слава богу, нашлись люди, которые объяснили, что реактор — это реактор и его нельзя сравнивать ни с чем, что мы делали до сих пор, а гигантские станки, на которых предстоит работать, тоже нам неведомы. Короче говоря, поехали в Подольск. Учились там почти год. Рассчитывали, вернемся — и сразу к станкам. А станки-то в ящиках. Пришлось помогать монтажникам. Потихоньку сбили бригаду. Народ шел случайный, гонористый, ершистый, но парни, как говорится, с головой и руками. А это главное. Остальное — моя забота, бригадирская.

Когда собрали станки и сняли первую стружку, ребята расцвели: таких станков мы еще не видели, работать на них одно удовольствие. Хотя и ответственность огромная: ведь мы обрабатываем обечайки реактора, да еще не просто обечайки, а зону патрубков. Словом, работа пошла. Теперь можно малость оглядеться и заняться общественными делами. Еще на турбинном я был председателем совета бригадиров. Создали такой совет и на «Атоммаше», меня избрали председателем. На заводе около трехсот бригад, а в совете девятнадцать человек, представители всех цехов. Права у нас немалые. Без нашего согласия не решается вопрос ни об увольнениях, ни о награждениях, не говоря уже о более мелких делах. Раз в неделю мы встречаемся с генеральным директором В. Г. Першиным и решаем все дела оперативно. Недавно, например, случилась авария на карусельном станке. Руководство цеха решило, что виноваты трое рабочих, и постановило удержать из зарплаты стоимость ущерба — девятьсот рублей. Рабочие пожаловались в совет бригадиров, мы — генеральному директору. Он тут же дал приказ создать комиссию для расследования аварии. Комиссия пришла к выводу, что рабочие не виноваты, и отвечать пришлось тем людям, которые пытались превратить их в «стрелочников»,— закончил А. С. Савранский.

— И все-таки, можете ли вы сказать о себе: «Волгодонск — моя судьба»?

— Я же объяснял: жил в Калуге, уютном, большом, благоустроенном городе, а здесь были одни котлованы. Там работал на хорошем заводе, а здесь начинал с лопаты... Чего ради я бы шел на все это, если бы «Атоммаш» и Волгодонск не были моей судьбой?!

* * *

Да, город у рукотворного моря обладает магнетической силой. Это я знаю и по себе. Тридцать лет — для города совсем юный возраст, может быть, поэтому так стремится сюда молодежь: средний возраст жителей Волгодонска—всего 23 года. Так что и у города и у его жителей все впереди. Впереди возмужание, зрелость, впереди радости и успехи, но главное — впереди захватывающая и по-настоящему интересная работа. Недаром молодежь избрала своим девизом слова: «Место подвига — «Атоммаш», время подвига — наше время!»

Николай ДАМДИНОВ

ДОБРОТА

ТРОПА ГЭСЭРА*

Строителям Байкало-Амурской магистрали

1

Пройдитесь Баргузинскою долиной,
Где вольным ветром пахнут чабрецы,
Где с севера
грядой зубчатой, длинной
Застыли неприступные гольцы.

Там и в июле снег лежит в распадках,
Там небосклон всегда суров и строг.
На южных же горах—пологих, гладких —
Плетут узоры ленточки дорог.

Дороги те знакомы былью давней,
И с ними в детстве я сроднил мечту —
Махнуть на Баунт,
в синюю Еравну
И в дальнюю для путника Читу.

А вот не мог я — сколько ни пытался —
Представить мир
за Северной горой,
Что в далях сумрачных всегда скрывался,
И в тех догадках ум терялся мой.

Как я мечтал узнать туда дорогу!
Но раз мне рассказал улигершин:
«Там дикие ущелья и отроги,
Там реки вниз срываются с вершин.

Леса густые вознеслись высоко,
В них не ступала смертного стопа.
Там, говорят, затеряна до срока
Гэсэра богатырская тропа...»

Все это я услышал в детстве раннем.
Затем учеба —
школа, институт.
Но верил я, что древнее сказанье
Года и встречи в сердце не сотрут.

2

Я постигал Отчизну неустанно —
От гор Карпатских в зелени лесной
До скальных побережий океана,
Где Тихий грозно бушевал волной.

Одна поездка за другою следом.
И как-то мысль ожгла меня:
«Постой,
Ведь ты, края далекие изведав,
Не побывал
за Северной грядой».

Мне эта мысль покоя не давала.
Однажды
ранней осенью, чуть свет
В поселок, что на севере Байкала,
Я с радостью купил себе билет.

Так наконец настал
тот день заветный,
И я впервые в жизни посетил
Суровый край, сказителем воспетый,
Край, что давным-давно
меня манил.

И странно было мне увидеть горы
Знакомые
с обратной стороны,
Как будто я разглядывал просторы
Другого полушария Луны.

* Гэсэр — герой бурятского эпоса.

Об Ангаре-беглянке каждый знает,
А здесь я встретился с ее сестрой,
Она в Байкал теченье устремляет,
Зовясь в народе
Верхней Ангарой.

Вдоль берегов ее гремела стройка,
Исчез дремучий вековой покой.
Здесь бамовцы —
народ веселый, стойкий—
Уют жилья в тайгу несли с собой.

Вовсю трудились на Даване люди —
Кто из Литвы, кто с берегов Невы.
Порт строился на Курлах:
скоро будет
Здесь город у байкальской синевы.

А там, где род эвенков-чильчигиров
По дебрям
в прошлом веке кочевал,
За Уояном вдоль отрогов мирных
Автоколонны шли на перевал.

...Я сразу вспомнил сказ улигершина,
Что слышал в детстве,
много лет назад:
Не эти ли ущелья и вершины
Хранят Гэсэра драгоценный клад?

«Умру я, и тогда князьки, нойоны,—
Сказал Гэсэр,—
вновь силы наберут,
Чтоб обижать и грабить беззаконно
Многострадальный, подневольный люд.

Но знаю я, что ждет их всех расплата —
Восстанет, спину распрямив, народ,
И к кладу, что запрятан здесь,
тогда-то
Тропу мою в глухой тайге найдет».

Умолк батыр,
в сказанье говорится,
Лишь смелый взгляд его огнем горел.
Он на коня легко вскочил,
и птицей
Тот, обгоняя ветер, полетел.

И там, где конь и витязь проносились,
Хребты взметнулись в небо в буйстве гроз,
Ключи в следах копытных заструились...
И путь Гэсэра стланником зарос.

3

А скалы
вправду здесь круты от века,
Тесны для рек строптивых берега.
Но верх берет упорство человека,
И молча расступается тайга.

Вот в Северобайкальск идут составы,
Его связал с Даваном новый путь —
Бригады поработали на славу...
И как тут древний сказ не вспомянуть!

Пусть в тайниках хранят земные недра
Несметные дары богатыря —
Мой современник к ним спешит победно,
В хребтах
тропу Гэсэрову
торя!

Перевел с бурятского
Владимир ЛИПАТОВ.

СЛОН

Я утром не спеша из дома вышел.
Был ранний час.
Гоня ночную тень,
Скользнуло солнце по высоким крышам —
Сияя, начинался новый день.

Привычно видел я перед собою
Мой город над зеркальной Селенгой,
И марево над степью голубою,
И облака над горною грядой.

Но вдруг я замер, словно обо что-то
Ударился.
Ужели это сон?
Бесшумно выйдя из-за поворота,
Навстречу мне шагал спокойно... слон.

Я стрекача бы задал с перепугу,
Я бы поверил призракам и снам,
Да вспомнилось, что вечером округу
Весть облетела: цирк приехал к нам.

Так вот он, гость!
В тиши пустынных улиц
Ему, наверно, нравилось идти,
А тут, увы, хозяева проснулись
И вот нежданно встали на пути.

Я наблюдал, смеясь, как люди прытко
Кидались прочь, пугливо семеня,
И лишь потом невольная улыбка
К ним приходила, глупый страх сменя.

Ну как они в пылу не разглядели:
Ведь то шагает мирный, добрый слон.
Ему бы и хотелось в самом деле
Стать незаметней, да не может он.

Слон, хоботом покачивая плавно,
Как будто говорил нам всей душой:
«Глазейте, люди, если вам забавно,
Я не виновен, что такой большой.

Я знаю, что вы всякие на свете:
Добры и злы, наивны и хитры.
Но все-таки, по-моему, вы дети.
Я вас люблю — без лести, без игры».

...А улица уже не та, что раньше,—
Она теснее стала и шумней,
И солнце, будто юный барабанщик,
Веселый звон рассыпав, шло над ней.

Прохожие в толпу спешили влиться,
Кричали удивленно: «Слон идет!»
Смотрел я на улыбчивые лица,
И мне казалось: улица цветет!

Слон продолжал свой путь без остановок,
И было видно, как старался он
Не повредить зеваке, что неловок,
И малышу, что топал, будто слон.

Он был само великодушье, сила,
Что будни в праздник превращают вмиг.
И это понял ребятенок милый,
И понял шедший вместе с ним старик.

Дни, отдаляясь, в памяти все глуше...
Но если заедает суета,
Я вспоминаю этот день,
И в душу
Нисходят вновь покой и доброта.

Отринуто все мелкое и злое.
Закрыв глаза, я вижу словно сон:
Над улицею — солнце золотое...
По ней идет
большой
и добрый слон...

Перевел с бурятского
Андрей РУМЯНЦЕВ.

ЧЕРЕЗ ПЕСКИ

...Человек и пустыня. Здесь часто говорят: любого оклада мало в пустыне, если человек тут работает только за деньги. Надо еще фанатично любить свое дело, верить в него, жить им. Именно с такими людьми я встретился в песках Туркмении. И главное, на мой взгляд, в них — это понимание, что от пустыни нужно не только брать, но и отдавать ей. Тогда и она станет щедрей к человеку.

А пустыня очень нужна людям. Нужна не только скрытыми в ней сокровищами — газом и нефтью, солью и рудами. Не только тем богатством, которым одаривает эта прокаленная солнцем земля, если напоишь ее водой, но нужна и малой малостью, всякой живущей в ней тварью и горькою травою, нужна, чтоб человек мог оценить хрупкую тень дерева над своей головой и глоток драгоценной воды. А не приходит ли человек в пустыню ее врагом, не заносит ли топора там, где нужен заступ садовника? Мы все сейчас отлично понимаем: природа очень ранима. Пустыня ранима втройне. Расстроить экологическое равновесие просто: тут хватит небрежности или незнания. Восстановить сложнее.

Эти заметки о тех, кто зорко оберегает экологическое равновесие в пустыне.

Лев **ШЕРСТЕННИКОВ**,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото автора

Говорят, со дна глубокого колодца даже днем видны звезды. Сейчас проверим.

Марс подает мне «парашют» — сооружение из толстых ремней, вырезанных, похоже, из конвейерной ленты. Сооружение это образует несколько петель, и я не сразу могу сообразить, в которую из них нужно совать ту или иную конечность. Наконец, ноги как-то перехвачены, а обе руки цепко держат петлю, зацепленную за крюк. Черный стальной канатик от крюка попадает на блок и тянется к трактору, с заднего колеса которого снята шина. Теперь колесо работает как барабан лебедки.

— Готовы? — спрашивает Марс. И дает команду трактористу: — Человек пошел!

Я убираю ноги с опоры и зависаю над круглым отверстием диаметром в метр с небольшим. Фыркнул трактор, и я поплыл вниз, соскользнув в устье колодца. Оконце становится все меньше и уже: вот оно с таз, с блюдце, с металлический рубль, с гривенник, а трос все скользит и скользит, слегка закручиваясь вокруг оси. Я знаю, что колодец — это очень ровный цилиндр, но кажется, будто двигаюсь по спирали, и она плавно вращается вокруг меня. От движения хмелеет голова, но я крепко сжимаю крюк и обращаюсь к темноте подо мной: «Назар, ты где?»

— Тут я, тут,— отвечает спокойный голос, возникающий, кажется, возле самого уха.

Скольжение продолжается, но вот становится заметно жарче, а воздух словно бы гуще, и я понимаю: спуску конец. Руки Назара бережно принимают меня. Приехали! Сто восьмой метр глубины. Под ногами сухой песок, и ни следа воды. Сколько еще метров, а может, сотен метров до нее? Это пока неизвестно. Но сколько бы их ни было, этих метров, колодец все продолжает расти и расти, подобно фантастической башне. Вокруг нас с Назаром те же, что и наверху, метр двадцать пространства, а высоко над головами — крохотное отверстие. Нет, небо не стало темнее, и звезды в нем не видны. Но само окно здесь напоминает крупную серебряную звезду, безмолвно взирающую на нас...

Все началось с фисташки: кулек хорошо прокаленных и покрытых тончайшей соляной пудрой орешков развлекал нас в пути. Вместо ожидаемого зноя пустыня встречала туманом, серыми облаками и микродозами дождя. Была та весенняя пора, когда травы уже бурно тронулись в рост, а яркие островки недолговечных маков еще не успели растерять своей красы. Невысокие холмы ничем не напоминали те зловещие сыпучие пески, которые могут пожирать дороги, корежить опоры электролиний, хоронить поселки... Да и весь пейзаж можно было сравнить и со степями Заволжья, и даже с холмистыми равнинами центральной России: молодые травы, зеленеющие кусты и деревья. Только изредка обнажался сыпуче-белый склон зеленой горы, и показывались языки песка, собиравшегося уже лизнуть дорогу, а то вдруг в асфальте возникали глубокие трещины, означавшие, что из-под основания полотна песок начал уходить, и путь наш лежит не средь рязанских луговин, а приближает к самой южной точке страны — Кушке.

— Да что ж вы фисташку-то совсем не едите? — спрашивал нас хозяин машины Семен Владимирович Фоменко. У него к фисташке отношение особое: Семен Владимирович — лесовод пустыни, что, как оказывается, звучит совсем не так уж и странно.

Фоменко — украинец, с Ворошиловградчины. Когда фашистов погнали с Украины, ему шел пятнадцатый год. Отец, старшие братья — на фронтах. Время голодное. Любая продуктовая карточка — ценность, рабочая — тем более. «Ты вот что, дурака не валяй, а иди-ка в горный техникум. У шахтера и заработок приличный, да и харч покрепче,— посоветовал мальчишке один из родственников.— А не пойдешь, тогда и от меня помощи не жди...» Так Семен пошел в горняки. Но душу тянуло не в шахту, а к вольному лесу. И можно было понять почему: все дяди — а их трое — лесоводы, брат Александр, погибший на фронте, тоже до войны им был, и другой брат — Григорий — лесным делом занимался. Вот и Семен потянулся к лесу. «Худо это, худо,— огорчился учитель математики, которому мальчишка излил свои сомнения.— Но и заниматься тем, чего не любишь, тоже худо». Словом, отговаривать он не стал, хотя от себя отрывал ученика. Закончился учебный год. Сбежал Семен из горного техникума, даже документы не взял: как бы самого на учебу не вернули. Получил в школе новую справку об окончании семилетки и поступил в лесной техникум. Так Фоменко повернул свою судьбу, и никогда потом об этом не жалел.

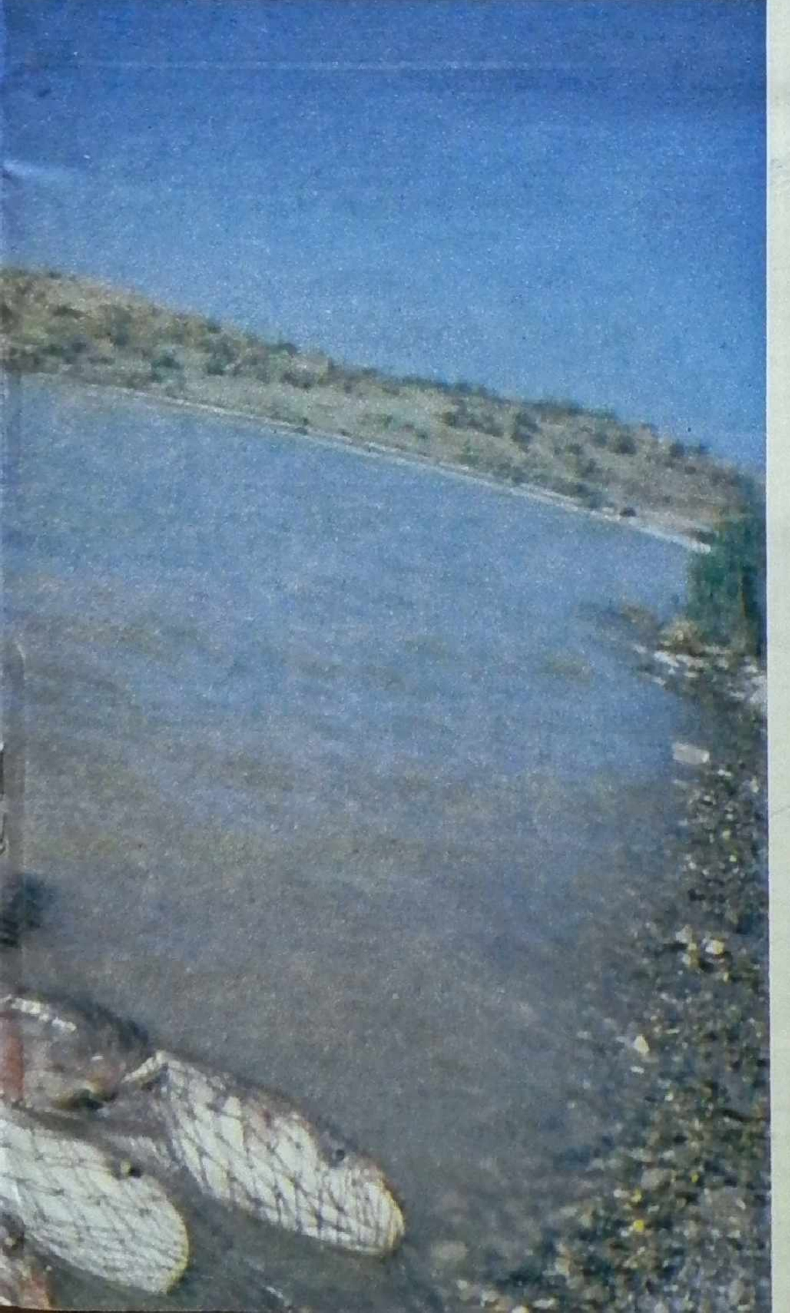
...Выпускники техникума уже были близки к месту своего назначения — Ашхабаду в ту страшную памятную ночь в октябре 1948 года, когда небывалое землетрясение уничтожило город. Ветер долго сносил облака горькой пыли, встававшие над поверженной столицей республики. Этот день был первым днем жизни Фоменко на туркменской земле.

Да, для лесовода Фоменко все началось с фисташки. О нраве пустынь говорить не приходится: тут соседствуют невыносимая жара и лютые морозы, бурные, сочные весенние травы и изнуряющее безводье лета. Растут тут и леса — своеобразные, пустынные. Как и все леса, они дают в зной хоть небольшую, но тень над головой, в холод — топливо. И еще они делают, казалось бы, неприметную, а на самом деле великую работу: усмиряют пески, сдерживают их губительное движение. Остановить пески в пустыне — это уже победа. Семен Владимирович с горечью говорил о бедах пустыни: вот пришел чабан, срубил на топливо дерево, потом отара овец выбила на том пятачке траву. И пески стали расти, двинулись барханы, засыпая всю живую зелень, взметнулись черные тучи пыли. Нарушить все просто, а восстановить равновесие много сложней. Если песок сдерживается хотя бы тонким покровом травы — можно сажать деревья. Но как вырастить траву в вечно струящейся песчаной реке? Забивают в песок мелкие планочки, камышовые стебли. Такой непрочный заборчик — уже защита для первого растения. Взошли травы, поднялись кусты, деревья пустили корни — и пустыня теряет половину своей силы. Я летал над нею весной: она напоминала пятнистую звериную шкуру, пески здесь были смирны...

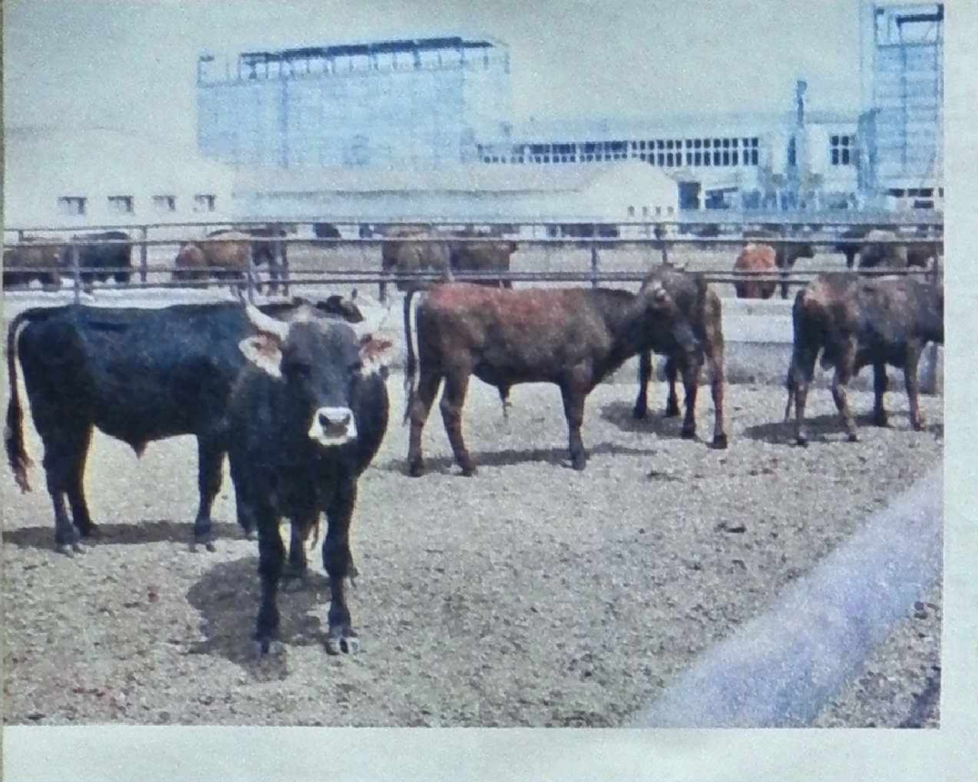
Много интересного узнал лесовод в новом для него краю, много деревьев перебрал Фоменко. И наконец, встретил то, что стало его главной надеждой. Это была фисташка. Уже после я узнал, что он написал диссертацию, которую, правда, много лет не предлагает к защите, отмахиваясь: «Дело-то ведь уже сделано, и рекомендации мои применяют... А это — главное». Я выписал несколько строк из вступления к его научному труду: «Орех фисташки настоящей признан изысканным лакомством... Плотная красивая древесина хорошо поддается обработке и может быть использована на различные поделки. Насаждения фисташки настоящей имеют огромное мелиоративное значение...

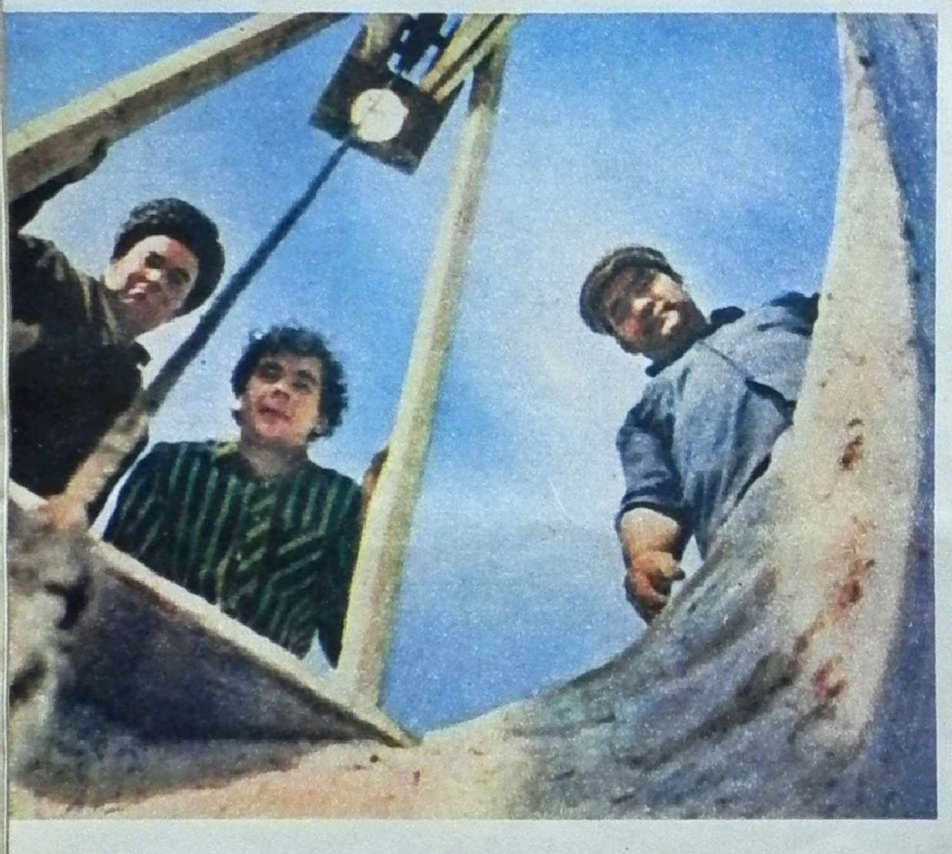
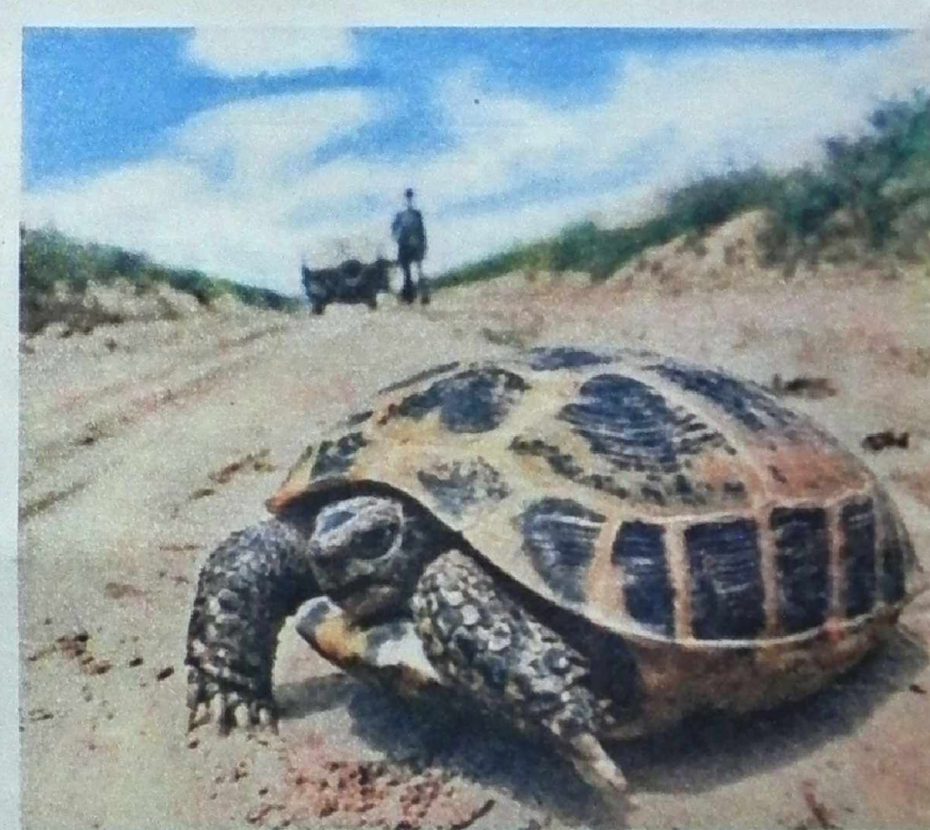
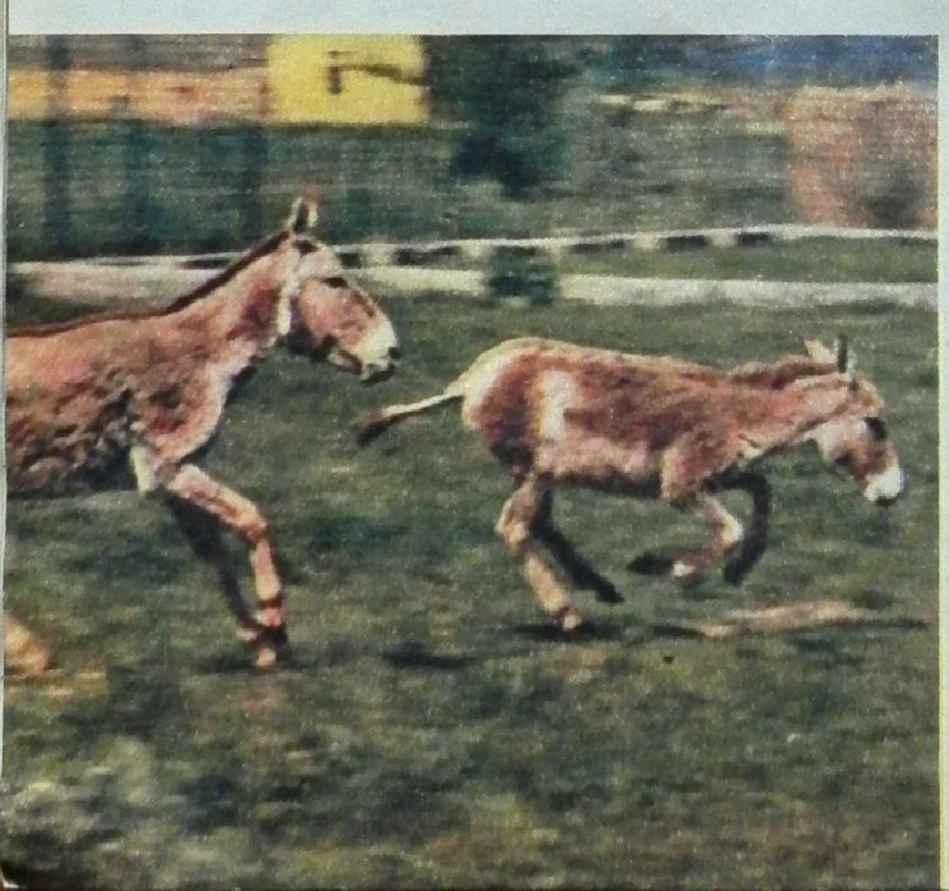
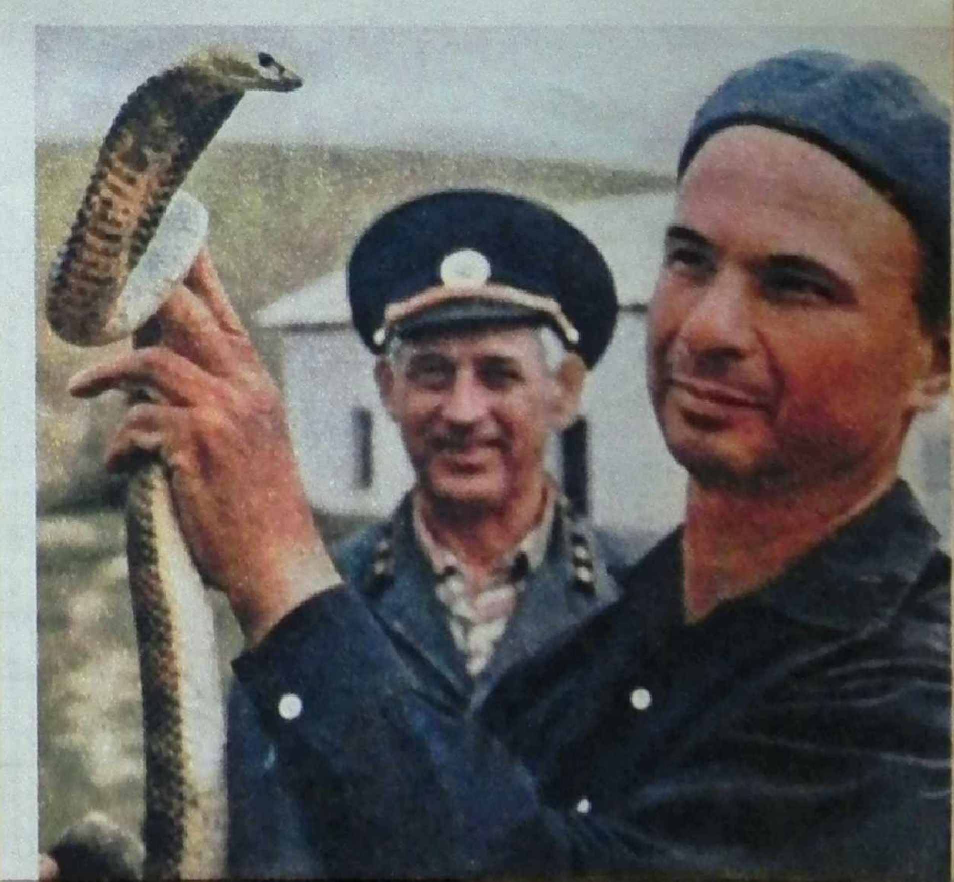
Ковроделие — одно из древнейших занятий туркмен. В средней школе № 3 колхоза «Ленинград», в кружке, которым руководит преподаватель Огульджерен Суханова, ученицы постигают традиционное национальное искусство * Весна и вода превращают пески в цветущий сад.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Рахим Атаев, старший конюх ашхабадского конезавода «Комсомол», где выращивают знаменитых ахалтекинцев * Разведчики ищут газ * Каракумрека щедра на угощение * Улетает вахта

Фисташка — порода засухоустойчивая, долговечная, выдерживает высокие летние (+45° С) и низкие зимние (— 32° С) температуры, способна расти без орошения на крутых склонах гор, в расщелинах скал, на каменистых и щебенистых почвах. Площадь естественных фисташников в Туркменской ССР шестьдесят пять тысяч гектаров...» 65 тысяч! Запомним эту цифру, чтобы сравнить с другой — 18 тысяч гектаров. Такую площадь засадил фисташкой за два десятка лет Семен Владимирович Фоменко, работая лесоводом в Кушке. Я, право, не встречал человека, который с такой нежностью относился бы к своему детищу. Вот она, его фисташка: взбегают по склонам молодые деревца. Они не мешают друг другу, не отнимают сосед у соседа простора, и оттого вся картина веселит глаз. «Это сверху им так просторно, а там, под землей, корни плотно смыкаются. Они ведь тоже, хоть и довольствуются малым, очень хотят пить...»

А кто в пустыне не хочет пить? И каждый находит дорогу к воде по-своему. Верблюд пьет впрок и копит жир. Джейран довольствуется росой, которая скапливается после прохладной ночи в зеленой пригоршне растения, которое так и называется — джейранья чаша. Куланы горазды пробегать стокилометровые расстояния к водопою, развивая скорость курьерского поезда.

Вместе с Семеном Владимировичем мы совершили путешествие по самому южному в нашей стране Бадхызскому заповеднику. Еще не доезжая до заповедной черты, встретили удивительные, прежде не замеченные мною растения — ферулы. Рост канареечно-желтого дерева — метра полтора. Ствол толстый, крона похожа на зонтик укропа. Ферула и укроп — действительно родственники. И так же, как укроп,— ферула не дерево. Выросши весной, обрадует человека своей кроной и тут же побуреет, поникнет, сгорит под жестоким солнцем, чтоб возродиться на недолгие недели будущей весной. Наш водитель — молчаливо-вежливый парень по имени Карягды (что в переводе означает Снег Идет) — произнес за всю дорогу несколько слов, обнаружив при этом поразительную зоркость, помноженную на непринужденное, но острое внимание.

— Джейраны слева.

Поворачиваюсь, но не сразу могу среди пятен ярких ферул разглядеть белые зеркальца взлетающих, как на пружинах, стройных газелей.

— Архары, — говорил Карягды. И, следуя направлению его взгляда, я замечаю крутобоких красавцев баранов.

А в тот последний час уходящего дня, когда серый воздух становится густо-синим и в омытом свежестью небе проявляется блик луны, Карягды буднично сказал: «Куланы». В степи, уже затушеванной сумраком, возник табунок животных, сохраненных только благодаря заповеднику в Бадхызе. Палево-серые лошадки с достоинством восприняли наши восторженные взгляды. Они не унизили себя бегством, весь их вид как бы говорил: «Мы разные с вами существа, но мы можем жить, уважая друг друга». Это была взаимно вежливая, полная достоинства встреча.

Но не все в пустыне хотят пить, хотя, наверное, всем бывает жарко.

Подопечные герпетолога Орлова не пьют вовсе, хотя и исправно «доятся».

— Не бойтесь, тут у меня больная гюрза, она под замком. Вот сюда не наступите — там полоз,— предупредил Юрий Александрович, человек, которого, по-моему, знает добрая половина Туркмении и уж, во всяком случае, все жители городов Мары и Кушки. Юрий Александрович ввел нас в маленький домик.

Найдется ли человек, у которого змея не вызывает мистического страха и холодного отвращения? Конечно, есть, от чего содрогнуться. Даже для крупных животных укус гюрзы — смерть. И для человека тоже...

— Думаю, в отношении к змеям много предрассудков,— говорит Орлов, — вот поглядите.

Зацепив крючком, он выволок на пол маленькую, полуметровую эфу. Послышался угрожающий свист. Точнее, не свист, а шелест, он возникал от трения колечек, которыми «играла» эфа. Так она предупреждала: не тронь меня, а то...

— Кобра не нападает на человека, не предупредив его. И гюрза уйдет, если есть куда скрыться. Но беда, коли, не заметив ее, подойдешь близко...

И все-таки, считает Орлов, опасность не столь велика, как мы ее рисуем себе. А он, как никто, знает характер и повадки змей. Не один десяток лет бродит Орлов по пескам, собирая змей для своего серпентария. Ухаживает за ними, кормит и «доит». А потом отпускает на волю.

Говорят, нет такого зла в природе, которое бы человек не сумел обратить себе на пользу. Змеи — тому пример. Мало что может сравниться по ценности со змеиным ядом. Грамм высушенного яда стоит сто шестьдесят рублей. Примерно столько можно «надоить» за год от одной змеи. Орлов сдает по двести, триста, а порой и четыреста граммов в год. Из этих сотен граммов можно изготовить медикаменты, вес которых будет исчисляться уже сотнями килограммов и даже тоннами. Вот и судите: враг змея или друг? Бить ее при встрече или дать ей возможность скрыться? Ничем не заменишь ферменты, содержащиеся в змеином яде, так что к использованию этого дара природы мы должны подходить крайне вдумчиво, не транжиря его на малоэффективные препараты, а используя лишь там, где он может дать наибольший результат... Яд крайне необходим и медикам и химикам, а «дойное стадо» все слабеет и слабеет. И Орлов бьет тревогу: змее надо помочь. Освоение новых площадей, расширение хозяйственной деятельности человека сокращает среду обитания змей и обрекает животных если не на вымирание, то на резкое сокращение численности. Кобра уже занесена в Красную книгу. Недалек день, когда и плотность гюрзы станет критически малой... Есть ли тут выход? В статье, написанной на эту тему, Орлов разбирает множество вариантов и доказывает: единственно возможный путь — создавать специальные резервации, в которых бы действовал весь природный круг. Змеи станут плодиться, если будет много корма. А корм — это мыши, грызуны. Грызуны будут процветать, если им найдется что есть... Такая вот цепь. Надежный способ, и чем быстрее мы его реализуем, тем меньше шансов остаться у разбитого корыта.

Вертолет больше часа летел над пустыней, и мы уже несколько раз пересекли широкую ровную ленту воды. Местами ее бурунили лодки, небольшие катера, а кое-где и тяжелые баржи. От Каракумского канала мы улетали в глубь песков, к буровикам — разведчикам газа. Но каракумская вода от нас не отставала: ее пили и буровая и люди, которые здесь работали.

...На буровой площади Бяш-Кизил, где мастером Амир Еникеев, недавно был праздник: скважина дала хороший газ, открылось новое месторождение. Теперь люди перебирались на новую точку, старую буровую уже почти размонтировали, рабочие готовили технику к переезду...

Вместе с Амиром Еникеевым здесь работают его племянники Фидрат и Борис. И другие Еникеевы тут трудятся: Марат, Азат, Икрам. Все они родом из Башкирии, и есть желание создать в Каракумах целую башкирскую бригаду...

Как это говорится? Коготок увяз—всей птичке пропасть. Есть, оказывается, у этой поговорки и положительный смысл.

Отслужил Амир Мухамедьярович в Туркмении, в пограничных войсках, пришла пора демобилизоваться, а он тут дело себе присмотрел — в конторе разведбурения. Дай-ка, дескать, попробую, что получится. Упало семя в почву, так и пошло. Съездил на родину, женился, вернулся в Каракумы семейным человеком. Дети уже тут, в Туркмении, родились. Племянники его подросли, в армии отслужили — и тоже поехали в пустыню, но уже не к чужим людям — к дяде. Так и потянулись один за другим. Целый куст вырос... Вот как оно случается.

...И снова под нами Каракум-река. Хотелось бы ее с чем-нибудь сравнить, да не с чем. Не нахожу ничего такого, что можно сопоставить с этим каналом по значению, которое он имеет для всего Туркменистана. Поля, словно разграфленные по линейке, льнут к каналу со всех сторон. Большие и малые арыки, водоводы уводят воду в глубину песков.

Дорога через пески... Воображение рисует: белесое, ослепшее от зноя солнце, сыпучие горы раскаленного песка, бредущий караван. Струйки песка скатываются в свежий след, засыпают его. Но караван-баши знает путь, простой и вечный: от колодца к колодцу. От одного глотка воды до другого. Иначе конец... Раньше мне представлялось: колодец в пустыне — такая же естественная данность, как небо, как песок. Конечно, любой колодец рыли люди. Но когда? Египетские пирамиды тоже возникли не сами по себе. Но кто и когда их строил? Велика жизнь у пирамид. А у колодцев?

— Всего лет двадцать; с ремонтами, может, пятьдесят, ну, чуть больше, но не тысячелетия и даже не сотни лет.

Постойте, значит, рассказы о древних колодцах — всего-навсего легенды? И каждый действующий колодец — наш современник?

— Увы, это действительно так.— Мурад Мередов, начальник мехколонны № 4 объединения «Туркменсельхозводопровод», подводит меня к карте, усеянной черными точками. Каждая точка — это колодец. Их масса на карте, но она устарела: сейчас колодцев еще больше. Сколько же людей должно было потрудиться, чтобы столько точек появилось на карте?

Колонна, разместившаяся в Марах, обводняет пастбища в Каракумах. Строят водопроводы, бурят скважины и... роют колодцы. Бурить можно там, где есть надежда встретить достаточное количество воды. А когда ее ничтожно мало, всего две сотни ведер в сутки? Тогда колодец. Если он дает только двадцать кубических метров воды в день, все равно вполне оправдывает себя. Нужен колодец и в том случае, если совсем рядом действует скважина. Выйди скважина на несколько дней из строя — погибнут «привязанные» к ней отары. До следующей скважины или колодца их не доведешь. Поэтому и возникают точки на карте: Тязекуи — Новый колодец. Таких названий больше всего. А вот еще: Суюджикагызлы — Сладкая вода, Сулигокча — Зеленая вода. Ласковые имена. А совсем из недалекой старины пришли названия, словно отразившие сам характер пустыни: Черное озеро — Каракель, Плохой песок — Яманчага, Иланлы — Змеиный, Даали — Сумасшедший, Эрги — Кривой, Адамбасан — Задавил человека...

...Итак, мы в колодце на стовосьмиметровой глубине. Трудно дышать, на лбу липкий пот, спина мокрая. Я наклоняюсь, зачерпываю пригоршню песка.

— Спасибо, Назар, пожалуй, тронусь в обратный путь...

— Человек пошел,— произносит Назар.

Натягивается канат, и звезда над головой начинает расти. Вот уже она с гривенник, с полтину, с яблоко... Нет, днем звезд из колодца не увидишь, теперь я это знаю точно.

...Спустя еще полчаса мы полулежим за дастарханом, расстеленным посреди весенней цветущей степи. Мой Назар, Мухаммедназар Мамедов,— бригадир проходчиков, если именовать его официально,— моет зелень. Его помощник Марс Уразманов (тоже земляк) раскладывает ложки и хлеб. Тракторист Тячгельды Юсупов готовит верблюжий чал. Хоммак Потдыев среди присутствующих старейшина. За свои колодцы он награжден орденом Ленина, а вырыл их столько, что и упомнить нельзя... Сейчас он занят главным в застолье угощением: обметает веничком огромный, с велосипедное колесо, пирог-ишлекли, испеченный в горячем песке. Затем сдувает автомобильным насосом остатки песка и золы и с хрустом взрезает ароматную соленую корочку. Закончен еще один славный день...

Я просыпаюсь затемно. Ночью кто-то укрыл меня теплым одеялом, и сейчас мне хорошо и беззаботно лежать. Вспоминаю, когда еще так лежал. Наверное, в детстве, на теплой крыше сарая. И, как сейчас, были только я и звезды. Как редко мы все-таки их видим в суете. Какие они живые! Перемигиваются, дышат. Это пробегают под ними легкие облака. Вот сейчас упадет звезда, загадываю я. И не успеваю додумать, как вижу: действительно, движется звезда. Только не падает — плывет. Да это же спутник! Может, как раз сейчас наши ребята, Попов и Рюмин, над нами в космосе? Все может быть... Как сейчас они близки: старейшая из профессий — рытье колодцев в пустыне,— и новейшая — космоплавание.

Каракумский межрайонный животноводческий комплекс создан на новых орошаемых площадях ❊ Ферула — одно из чудес Бадхыза ❊ Хоммак Потдыев, Марс Уразманов и Мухаммедназар Мамедов строят колодцы в песках ❊ Дорога через пески ❊ Куланы ❊ Заслуженный лесовод Туркмении С. В. Фоменко и заведующий серпентарием Ю. А. Орлов.

Юлиан **СЕМЕНОВ**

ПОВЕСТЬ

Рисунки **П. ПИНКИСЕВИЧА**

ПРОТИВОСТОЯ

25

...Все собрались к девяти. Костенко сразу же почувствовал умиротворенное спокойствие; оно было грустным, это особое спокойствие, потому что каждый раз, собираясь помянуть Левона, он видел, как стареет их к о м а н д а: Ларик почти совсем облысел, главный врач, животик торчит, хотя плечами еще поводит по-бойцовски; Мишаня глаза отводит, помнит т о дело, здорово поседел, рассказывает рыжему Феликсу, как вырос сын, шпарит по-французски, «картавит, а я этого слышать не могу, а он говорит, так надо, все, говорит, французы картавят, нас в первом классе,— он у меня, понял, в спецшколе имени Поленова, знай наших,— заставляли три урока рычать друг на друга, чтобы «р» изуродовать», Иван что-то худеет, и синяки под глазами. А Санька Зыков совсем сдал, сгорбился. «Что ты хочешь, старик, на мне три завода, поди распредели между ними энергию и топливо, головные предприятия, выходы на все отрасли промышленности, мечусь между Госпланом, Совмином, смежными министерствами. Раньше еще мог гулять — на работу пешком ходил, а теперь машина, будь она неладна: по улице, бывало, идешь, на людей хоть смотришь, а теперь и в машине одни таблицы изучаю. Ирина говорит, разлюбил, а у меня, думаю, ранняя импотенция начинается. Мне и во сне показывают резолюции с отказом на жидкое топливо»...

Женя стал академиком, но такой же, не изменился: черные щелочки-глаза, в них постоянные искорки смеха, басит так же, как и раньше в институте, когда руководил лекторской группой горкома комсомола; «знаешь, Сурик Широ умер?» «Знаю». «Вот ужас-то, погиб ужасно, в расцвете погиб». «Был на похоронах?» «Не надо про это». «Как Лаура?» «Спасибо, старик, она молодцом, бабушка, черт возьми!» «А ты кто?» «Я, Слава, муж бабушки».

Пришел «Билли Бонс», сейчас советник МИДа, только что из Вашингтона. Раньше был курчавый, лучший баскетболист института, с Левоном хорошо в паре играл: сейчас седина, но волосы остались, седина ему идет!

«А помнишь?», «А помнишь?», «А помнишь?..»

Костенко шел сквозь это страшное «а помнишь!». Вопрос задавали со смехом, смех был добрым, видимо, люди одного возраста не ощущают старения, видят себя такими, когда только еще познакомились, а было это в августе сорок девятого года, на Ростокинском проезде, у дверей института востоковедения...

«Впрочем,— подумал Костенко,— все верно, развитие в определенном направлении кажется ужасным лишь тем, кто подписал безоговорочную капитуляцию перед неотвратимостью времени. Мы обязаны постоянно ощущать себя в состоянии того пика, который определял нашу молодость, начало дружбы. Кто-то из наших хорошо сказал: «Бюрократии бюрократов надо противопоставить бюрократию дружбы и единства, только тогда мы их сомнем».

Мама Левона стала совсем согбенной, тетя Марго еле двигалась, но, как истинные армянки, они подавали ребятам бутылки и тарелки с закусками, гладили м а л ь ч и к о в по плечам, слез не вытирали, и слезы — это всегда потрясало Костенко, когда он встречал старушек,— были слезами счастья за мальчиков, друзей Левончика, такие большие люди, такие хорошие семьи, только один бедненький Митя Степанов, но у него прекрасные дети, и он пишет книги, у всех творческих людей бывают сложности, надо смотреть на это сквозь пальцы, мы, старые армянки, это можем, а его Надя очень сильная, она хочет равенства, а зачем оно женщине?!

— Ты что грустный, Кёс? — спросил Костенко.

Тот лишь махнул рукой; как-то горестно, на себя непохоже, пожал плечами.

— Ну, брат, это не ответ.

— Ответ, Слава, ответ,— вздохнул тот.— Я последнее время вообще все чаще прихожу к мысли, что настало время возвращаться к немому кино: никаких проблем, двигайся себе, наслаждение, а не работа с актером...

— Я где-то читал твое интервью, собираешься снимать политический детектив...

Кёс усмехнулся, повторил с раздраженной, издевательской прямо-таки интонацией:

— «Я собираюсь!» Слава, родной, ты себе не представляешь, как я устал! А в искусстве нет усталости, понимаешь?! Ее просто-напросто не имеет права быть! Когда начинается усталость, тогда нет творчества, тогда суррогат, прозябание, тогда, милый, р е м е с л о, но в плохом смысле этого слова...

— Не отдыхал в этом году?

— Да мне и отдых не в отдых... Ты себе не представляешь, как трудно стало делать фильмы моего жанра.

— Это как же?!

— Это очень просто, дорогой: это слетаются члены нашего совета, и айда цеплять каждую фразу: «Тут слишком резко, а здесь надо проконсультироваться, а тут смягчите»... А мне не терпится пробовать актеров, работать с композитором, сидеть у художника над его эскизами! А приходится потеть в творческом объединении и каждую страницу смотреть на свет: «Франция обидится, а тут ФРГ не троньте, а здесь слишком резко о президенте, ну, а к чему такой удар по Пекину, можно и аккуратней!» «Но я ж делаю кино, а не выступаю в ООН!» «Ваше искусство — политического звучания!» «А разве «Черное золото» Алексея Толстого не «политическое звучание»?! А он там по Швеции бабахает, а она нейтральна!» «То было другое время». «Нет, было это же время — советское!» «Мы имеем в виду средства массовой информации — и большого экрана не было тогда, и про телевизор никто еще не знал!» Ну, что ответишь?! И при этом все глаза поднимают: «Мол, есть мнение н а в е р х у!» А нет такого мнения наверху! Есть трусость тех, кто внизу! Есть некомпетентность, а отсюда страх за принятие решения. Ей-богу, надо брать сценарий про то, как Ваня любит Маню и как они вместе на рассвете по лесу гуляют, пастораль... Никаких тебе забот — сразу запускают, расхваливают, а фильм потом смотрят десять человек, но и это никого не интересует — главное, чтоб спокойно и приличненько было, главное, чтоб острых проблем не трогать! Вот и выходит: «Правда» бабахнет прекрасную статью, бери, ставь в кино, или там «Литературка» — ан не тут-то было, «что можно газете, то не надо в кино и на телевидении!» Ты заметь, как сейчас кино уходит в спасительную классику да в исторические сюжеты — современности бегут как черт ладана...

— Но это ж неразумно, Кёс.

— Вот почему я и грустный.

— Так драться надо! У вас же пленумы проходят, собираются все киношники, бабахни от всего сердца...

— Я бабахал. Ну и что? Со мною все согласны, аплодируют. А как уходит вопрос на н и з, так все и вязнет...

— А ты чего обижаешься? — Костенко вдруг рассердился.— Ты в драке, тут обижаться не положено, надо уметь за себя стоять!

— Искусство не драка, Славик, а высшее счастье.

— А по-моему, истинное искусство — всегда драка, всегда преодоление...

— Сколько можно? — устало спросил Кёс.

— Столько, сколько нужно.

— В тебе редактор заложен, Славик, у тебя внезапно металл в голосе появляется.

— Какой я редактор, Кёс? Я сыщик, у меня, кстати, своих забот полон рот, тоже, знаешь ли, до «полного благоприятствия» куда как далеко, и с прокуратурой приходится биться, и от судейских достается... Однако я считаю все это симптомом прекрасным, демократическое развитие предполагает сшибку мнений, учимся спорить, учимся биться за позицию.

Внезапно в глазах Кёса появилось что-то живое, яростное, прежнее.

— Хм, эка ты вывернул,— задумчиво сказал он,— ты хочешь упрятать все мои боли в философию демократического развития? Ловок, ничего не скажешь! Но любопытно это... Черт, я сразу подумал, как бы эту твою сентенцию в сценарий воткнуть, и сразу же увидел лица в о р о г о в: «да, интересно, но не бесспорно, слишком общо, а потому бездоказательно»...

— Опять-таки прекрасно, ты и их слова всунь в сценарий — тогда отвяжутся... Ты вообще, что ль, против худсоветов?

— Отнюдь. Я с радостью взял бы тебя в редакторы... Вообще-то в идеале, редактор — это такой человек, который более тебя знает, более образован, более смел; Фурманов, одним словом, комиссар... Но ведь мы и редакторов п л а н и р у е м — в институте кино, Слава! Нужен ли, не нужен ли — есть план, выдай в а л!

— Неужели все до единого б е с ы?

Кёс ответил:

— В том-то и беда — нет. Но надоедает каждый раз стучаться в дверь начальства, занятые люди, помогают сразу же, « не могу понять, отчего не решался этот вопрос ранее, нормальным путем, как и положено...

— Но ты обязан допустить мысль, что твои противники совершенно искренне придерживаются иной точки зрения, Кёс. Ты ж их, верно, и не слушаешь — с высоты своего киновеличия... Ты ж в классиках, Кёс... А люди хотят высказать свою точку зрения, отчего б не выслушать?

Кёс мотнул головой:

— «...Вот вам, товарищи, мое стило, и можете писать сами!» Помнишь Маяковского? То-то и оно.

Кёс погладил Костенко по плечу, отошел к Холодову, тот, щурясь, словно в глаза ему

Продолжение. См. «Огонек» №№ 22—29.

светили прожектором, рассказывал о конгрессе парапсихологов в Нью-Йорке, его там избрали в правление.

Костенко не удержался, протиснулся к Кёсу, шепнул:

— Ты послушай его, Кёс, послушай и вспомни, как все мы бились, чтоб ему помочь. И он выстоял. Умел драться за свое, сиречь за наше...

Кёс ответил раздраженным шепотом:

— Значит, я дерьмо, не умею ждать...

...Митька Степанов пришел не один, а с ученым из Берлина, доктором Паулем Велером.

— Знакомься, Славик, он в какой-то мере твой коллега, историк криминалистики, занимается нацистами, теми, кто смог скрыться от суда. Так что давай, обменивайся опытом.

Велер и Костенко отошли к окну; Пауль хотел чокнуться.

— Нельзя,— сказал Костенко,— у нас, когда поминают друга, не чокаются, обычай такой...

— Хорошо, что вы мне сказали, я думал подойти к маме...

— Она бы чокнулась,— вздохнул Костенко.— Гостю из-за рубежа все простят, особенно в кавказском доме.

Когда Степанов подошел к Григору — Костенко сразу же заметил это,— тот спросил:

— Как звезда, появляешься последним?..

Костенко подумал, что на месте Митьки он бы обиделся; тот и обиделся, потому что долго не отвечал Григору. Потом обернулся к маме и тете Марго:

— Левон как-то приехал ко мне в гости. Мы с ним здорово веселились... А утром меня разбудил звонок, это часов в шесть было... Звонил Роман Кармен. «Слушай,—сказал он,— ты читал роман Сименона "Тюрьма"? Я не читал. Тогда Кармен сказал, чтобы я сейчас же пришел к нему, взял «Иностранную литературу» и прочитал, отложив все дела. Я прочитал — слово Кармена было для меня законом,—позвонил ему и сказал, что это замечательный роман, а он тогда усмехнулся: «Знаешь, оказывается, Хемингуэй, перед тем как уйти, вымазал руки ружейным маслом, чтобы никто из прокурорских не мучил Мэри вопросами; несчастный случай, и все тут»... Я написал стихи, посвятил их Кармену. Левон тогда сказал: «Можно печатать». А Левон был требовательным человеком и хорошим другом, он бы никогда не сказал неправды... Я эти стихи сегодня нашел случайно, когда мы с Паулем работали на даче...

НИЕ

— Давай,— сказал Григор,— я с любопытством отношусь к поэзии прозаиков...

Степанов, чуть покашливая от некоторого смущения, начал читать:

Нам нет нужды смотреть назад,
Мы слуги времени;
Пространство,
Как возраст и как окаянство,
«Прощай, старик», нам говорят...

Все раньше по утрам весной
Мы просыпаемся.
Не плачем.
По-прежнему с тобой судачим
О женщинах, о неудачах
И как силен теперь разбой.

Но погоди, хоть чуда нет,
Однако истинность науки
Нам позволяет наши руки
Не мазать маслом.
И дуплет,
Которым кончится дорога,
Возможно оттянуть немного,
Хотя бы на семнадцать лет...

Григор начал разбирать стихи Степанова, подвергая их критике, тетя Марго поцеловала Митьку, что-то шепнула ему на ухо, он погладил ее по щеке, погладил жестом пожилого мужчины, который гладит женщину-друга, а не тетю Левона, у которой в маленькой комнатке за кухней они отсыпались после вечеров в «Авроре», сейчас этот ресторан называют «Будапешт», но для нашего поколения, думал Костенко, он всегда будет «Авророй», как и навсегда в наших сердцах останется единственный в те годы танцзал «Спорт» на Ленинградском проспекте, потом, правда, открыли в гостинице «Москва», работал до двух ночи, дрались, как петухи, стыдно, полковник, стыдно... А вот только представить себе, думал Костенко, что Митьку, или Кёса, или Бонса в те далекие, крутые времена взяли бы за мальчишескую нелепую драку и составили бы в «полтиннике» — так называли центральное отделение милиции, нет его, слава богу, теперь — протокол, и передали бы дело в суд, и вкатили бы два года за «хулиганство», а какое ж то было хулиганство?— не было бы у страны ни писателя, ни прекрасного режиссера, ни дипломата... Как же надо быть аккуратным людям моей профессии, какими же мудрыми хозяевами нашего богатства должны мы быть. Сколько же надо нам выдержки, ведь талант принадлежит всем, а решает его судьбу подчас дежурный лейтенант в отделении милиции: как составит протокол, так и покатится дело...

— Мне Митя сказал, что вы сейчас заняты каким-то очень интересным делом,— сказал Пауль.— Пока еще рано говорить или?..

Костенко усмехнулся, повторил:

— «Или» — так у нас раньше в Одессе говорили... Я постоянно недоумеваю, отчего вы, немцы, тоже так часто кончаете фразу словом «одер»—«или»? Даете собеседнику лишний шанс на ответ?

— Знаете немецкий?
— Со словарем,— ответил Костенко.— Есть у нас такая хитрая формулировка при заполнении анкеты... Если человек знает два немецких слова: «Берлин» и «унд», он пишет: «Читаю со словарем».
Пауль рассмеялся.
Костенко закурил, заново оглядел нового знакомца, сказал задумчиво:
— Преступление, которое мы сейчас пытаемся раскрутить, довольно необычно... Между прочим, началось оно, как мне кажется, в сорок пятом, под Бреслау...
— Под Вроцлавом,— поправил его Пауль.
Подошел Степанов, взял под руки Костенко и Пауля, повел их к столу:
— Ребята, Левон завещал пить вино, когда мы соберемся его помянуть,— подчиняйтесь Левушке...
— Я уехал с дежурства,— ответил Костенко.
— Так у тебя ж заместитель есть,— сказал Степанов,— пусть подежурит.
— От моего заместителя, как от козла молока... Теоретик...
— Уволь его,— предложил Степанов.
— Произвол,— вздохнул Костенко.—Нельзя, Митя. Слава богу, нельзя... Ладно, пока, друзья, мне еще и домой надо заехать, я Маню с Иришкой не видел неделю...
— Когда в гости позовешь?
— Когда супостата поймаю.
— А поймаешь?
— Попробуй не поймай,— ответил Костенко и, не прощаясь, пошел к выходу.

26

Тадава отошел от стола в четыре утра, когда уже было светло и летел над Москвой тополиный пух, «тополиный пух над Семеновской, ты одна идешь, как в пуху плывешь», вспомнились отчего-то слова из песни одного современного менестреля. Майор отложил ручку, долго растирал глаза — до того, что пошли зеленые круги,— потянулся было к телефону, чтобы звонить Костенко, но потом ощутил тишину рассвета, усмехнулся, начал снова перечитывать написанные им страницы.

«...В материалах, оставшихся после смерти начальника разведки фронта генерала Ильи Ивановича Виноградова, есть такая запись: «Сегодня допрашивали солдата из третьей роты 76-го стрелкового батальона. Солдат отказался назвать свое имя, говорил на плохом немецком: «Их бин Фриц Вальтер, их бин дейче». Присутствовавший при допросе майор Журбин из седьмого отдела спросил по-немецки пленного, откуда он родом, кто его родители. Пленный молчал, ответить не мог. При медицинском освидетельствовании на правой руке была обнаружена татуировка: «Прощайте, кореши, ушел в мир блатных!» После истерики пленный признался, что является власовцем, прошел подготовку в диверсионной школе абвера, был передислоцирован из Праги в Бреслау вместе со своей частью».

Майор Журбин в настоящее время пенсионер; после демобилизации работал преподавателем немецкой литературы в Ростовском университете.

«Этот эпизод,— рассказал он мне во время встречи,— не единичный, хотя большинство власовцев отрицали свое участие в движении изменника Родины, клялись, что их насильно одели в форму и под угрозой расстрела вывели в бой. Конкретного имени ни того пленного, о котором вы спрашиваете, ни других имен я не помню, записей в то время не вел, так как обстановка была крайне напряженной. Однако, по-моему, Прохор Львович Васильев, профессор биологии в Донецке, бывший моим помощником во время боев в Бреслау, вел дневники».

«Да, в Бреслау,— показал профессор Васильев,— стояли отборные части власовцев, прошедшие диверсионную подготовку, неоднократно забрасывавшиеся в СССР для выполнения заданий абвера. На ваш вопрос о попытках нелегального перехода линии фронта участниками власовских банд могу ответить следующее: насколько мне помнится, была схвачена группа из трех человек — они шли именно на Восток. На допросе власовцы показали, что надеялись пробраться в наш тыл. В вещмешках у них была советская военная форма со следами крови. Пленные категорически утверждали, что сняли форму с убитых во время уличных боев солдат Красной Армии. Ни одной формы, относящейся к роду войск морской пехоты, могу утверждать, не было, ибо морские пехотинцы были приданы разведке, базировались в тылу, примерно в двадцати километрах от линии фронта и лишь к моменту боевого задания выводились на передовую».

Ветераны войны Ян Круминьш и Рахмет Хашидов, участвовавшие в боях за Бреслау, отметили, в частности, что среди пленных власовцев были особые, «з в е р и», те, которых выпустили из немецких тюрем за мелкие кражи, насилие и хулиганство и бросили на передовую, развязав им руки на любые действия. Часть людей из этого контингента прошла подготовку в спецшколах СС или школах диверсантов «Люфтваффе».

Таким образом,— заключал Тадава свою справку,— основываясь на документах, полученных в военно-историческом архиве, а также на показаниях ветеранов войны тт. Проховщикова, Аверочкина, Мусабяна, Лидова и других, следует считать доказанным, что оборону домов в районе восточной окраины Бреслау держали соединения власовцев, укомплектованные как бывшими уголовными элементами, так и участниками особых диверсионных групп, приданных отделу «Армии Востока» генерала Гелена, прошедших специальную подготовку для того, чтобы расстрелами, грабежами и насилием вызывать панику в тыловых районах СССР.

Поэтому в оперативно-розыскном плане необходимо выявить те архивы, в которых могут храниться материалы на власовцев, связанных со службой Гелена: там могут быть личные дела, автобиографии и фото присвоившего себе документы погибшего Милинко человека, который предположительно и совершил тяжкие преступления в Магаране и в районе озера Рица».

...Костенко прочитал записку Тадавы, отложил. На лице проглянула досада, но он заставил себя скрыть ее и заметил:
— Материал интересный... Но он не имеет прямого отношения к делу, майор. Не имеет. Я полагал, вы пойдете несколько по иному пути...
— То есть? По какому именно?
Костенко закурил, помолчал, потом поднялся, отошел к окну:
— Впрочем, я сейчас сказал не то... Я неправ... Да здравствует самокритика! Я вообще не знаю, по какому пути надо идти. Но ваша записка подтолкнула меня сейчас к мысли — следовательно, поработали вы не зря. Я полагаю, что теперь, на основании собранного вами материала, мы действительно вправе выдвинуть версию, что преступник, убивший Григория Милинко, м о г быть власовцем, для которого внедрение не представляло непреодолимого труда. Поэтому — вы правы — стоит поднять архивы тех тыловых служб, которые базировались в радиусе примерно сорока километров к востоку от Бреслау. В том письме Милинко, которое вы разыскали, в показаниях, которые дали мама покойного моряка, Серафима Николаевна и Трифон Кириллович, содержится информация: п о с л е легкого ранения и получения ордена моряку был предоставлен отпуск в деревню.
— Вы полагаете, что, подняв эти архивы, мы, во-первых, высчитаем день, когда он выписался из госпиталя и получил литер, во-вторых, объявим розыск тех людей, которые его выписывали, снабжали аттестатом, продуктами, проездными документами, и, наконец, в-третьих, постараемся получить информацию, на ч е м он поехал в тыл?
— Это раз. А еще может быть чудо...
— Какое?
— А вдруг не один преступник, а группа власовцев напала на машину тех, кто выписался из госпиталя? И, может быть, не все наши погибли? Может, остался хоть один свидетель, который помнит лица бандитов?
— Не вижу возможности такого рода чуда,— жестко ответил Тадава.— Не сходится с материалами, нами собранными (слово «нами» он н а ж а л), ибо Григорий Милинко отправлялся в отпуск не из госпиталя, а после возвращения в с в о ю часть. Вы, вероятно, не обратили внимания на строчку из письма Игоря Северского: «Он торопится»...

Костенко пролистал дело, нашел письмо, пожал плечами:
— Вы побили меня. Предложение снимаю.
— А я считаю, что снимать ваше предложение нельзя. Если м ы (он снова выделил слово) тщательно изучим архивы служб тыла, получим дату выписки Милинко из госпиталя, его возвращение в часть и отъезд в отпуск, соотнесем это с ритмом сражения за Бреслау, могут открыться какие-то новые, неожиданные аспекты поиска.

«МВД СССР, ГУУР, Костенко. Заведующая обувным отделом универмага № 3 Закурдуева Надежда Романовна сообщила, что в конце октября передала Петровой черные полусапожки Иркутской обувной фабрики. Та подарила ей банку красной икры и два килограмма мяса — в знак признательности за услугу. В тот же день Петрова сделала заказ на летние босоножки, желательно красного цвета, типа «танкетки», однако за ними не пришла, поскольку поступили эти туфли на базу лишь в конце ноября. Из пассажиров, выявленных нами, летевших одним рейсом с Петровой и Милинко в Москву, никто не мог вспомнить чего-либо существенного. Звонил Крабовский, спрашивал вас, просил передать, что веревка была промазана салом, узел был завязан так, как его завязывали немецкие десантники из абвера, высаживавшиеся в Норвегии и на Крите. Майор Жуков».

Костенко прочитал телеграмму дважды, молча протянул ее Тадаве, резко поднялся с кресла, походил по кабинету, снял трубку телефона, присел по старой своей привычке на краешек стола, набрал номер:
— Митя, ты еще не улетел?
— Улетел, а что? — ответил Степанов.
— Слушай, а где этот доктор?
— Пауль?
— Да.
— На аэродроме.
— Ты с ума сошел! Когда у него самолет?
— А что случилось?
— Мне необходимо его увидеть.
— Бери машину и жарь, успеешь, там в буфете проводы будут.

Пауль, окруженный добрым десятком коллег, восседал во главе стола; глаза его за толстыми стеклами очков блестели счастливо, хотя лицо было таким же, как и позавчера, на поминках Левона, бледным, чуть даже синюшным.
Костенко он узнал сразу же, налил ему шампанского, протянул:
— На дружбу!
Костенко шампанское выпил, не садясь, и наклонился к Велеру.
— Пауль, у меня к вам пятиминутный, но очень важный разговор.
— Пожалуйста,— ответил тот,— с радостью помогу, если только по моей части.
— По вашей,— сказал Костенко и, взяв Велера под руку, отвел в сторону под явно неодобрительными взглядами советских коллег доктора.
— Что-нибудь случилось? — спросил Велер.
— Да. Случилась м ы с л ь,— ответил Костенко чуть усмешливо.
— Не понял.
— Это я слишком по-степановски, Пауль. Я подумал вот о чем: могут быть в ваших архивах документы на власовцев — тех, кто дрался вместе с гитлеровцами в Бреслау?
— Во Вроцлаве,— снова поправил его Пауль, но потом, на мгновение задумавшись, поправил себя,— хотя по отношению к тому моменту мы вправе сказать Бреслау... Думаю, что такие архивы могут быть.
— Следующий вопрос. Часть власовцев состояла из уголовников — как тех, кого судили за бандитизм у нас, так и некоторое количество головорезов, арестованных криминальной полицией рейха за пьяные драки в общественных местах. Такого рода уголовные дела, с отпечатками пальцев и показаниями обвиняемых, уничтожались гитлеровцами, когда этих головорезов отправляли на фронт, или нет?
— У гитлеровцев ни одна бумажка не уничтожалась,— с уверенностью ответил Пауль.— Ни одна.
— Пауль,— Костенко достал из кармана конверт.— Здесь один лишь палец. Один отпе-

чаток. Других у меня нет. Речь идет о кровавом преступнике. О волке. Знаете, как волк режет стадо? Он убивает всех, кто стоит на пути, всех без разбора, а берет себе в добычу лишь одну тушу. Этот человек — волк. Вы можете по дружбе посмотреть такого рода дела? На уголовников? Или надо обращаться официально?

— Само собой разумеется («зельбстферштендлик» — первое слово Пауль произнес по-немецки), было бы лучше официальное обращение, мы немножечко бюрократы в этом смысле...

— Ну, мы иногда от вас не отстаем, однако я приехал к вам, не согласовывая это дело с моими начальниками. Каждый день дорог, Пауль, речь идет о преступлении, вернее, о нескольких зловещих преступлениях... И еще: может быть, вам удастся узнать, были абвером когда-нибудь разработаны особые узлы...

— Узлы? Что такое узлы?

— Узел — это когда завязывают веревку. Есть морской узел, есть альпинистский...

— Да, знаю,— ответил Пауль.— Как я понимаю, это очень важно, я, конечно, сразу же займусь этим... Но как передать? Вы сможете приехать ко мне?

Костенко вздохнул:

— А вы?

— С удовольствием, только пришлите вызов...

— И билет оплатим,— обрадованно ответил Костенко.— Но если что-нибудь появится особо интересное — срочно звоните мне, вот моя карточка.

Пауль внимательно прочитал карточку, удивился:

— Полковник, кандидат юриспруденции... Почему мне не сказали, что вы такой большой начальник, я бы держал с вами язык за зубами, а то ведь бранился — по поводу бюрократии...

— Брань — визитная карточка честного человека, который болеет за дело, дорогой мой товарищ... И дайте-ка мне ваш телефон, от нас звонить дешевле, не хочу вас вводить в раззор.

— Считаете, что немец — скупердяй?! — рассмеялся Пауль, протягивая Костенко свою карточку.

— Считаю, что немец расчетлив, и мне это в нем очень нравится: никаких иллюзий, все оговорено заранее, нет помех для дружбы.

Пауль позвонил Костенко назавтра, ночью, домой:

— Владислав, записывайте имя... Но вообще вам надо прилететь сюда... П а л е ц принадлежит Николаю Иванову Кротову, уроженцу Адлера; адрес: Горная, 5. Отца зовут Иван Ильич, мать Аполлинария Евдокимовна, урожденная Нарциссова. До ареста криминальной полицией был приписан к воинскому подразделению 52/7. Это шифр одной из групп абвера.

27

В Адлере шел дождь. Северный Кавказ — это тебе не Сухуми, хотя, казалось бы, всего четыреста верст разницы.

«Километров,— машинально поправил себя Костенко.— Верста — больше, хотя, бесспорно, слово значительно эстетичнее, чем километр. «Верста» — поэтика, Пушкин в углу телеги, укутанный медвежьей полостью, столбы полосатые, снег, не присыпанный черной гадостью, бесшумно изрыгиваемой высокими трубами...»

Капитан Месроп Сандумян, встретивший Костенко — в форме, с двумя колодками на груди,— вытянулся, начал было почтительно рапортовать, но Костенко остановил его:

— В машине, товарищ, в машине, здесь не надо.

Пассажиры у трапа недоуменно смотрели на штатского, перед которым тянулся капитан, а Костенко этого страсть как не любил, хотел Сандумяна отчитать, но одернул себя, решив, что парень думал, как лучше, горец, у него свои представления о встрече начальства, ничего не попишешь, не надо всё и всех строгать под один столб; горцы встречают с помпой, а у нас, наоборот, встреча сдержанна, люди неторопливо прикидывают: кто пожаловал, как смотрит, во что одет, хмур — весел, бел — черен; зато провожают, если пришелся по душе, от чистого сердца, так уж напровожаются, что память останется надолго.

— Вы не сердитесь,— уже в машине сказал Костенко,— у меня, видите ли, идиосинкразия к рапортам, хотя я под погонами живу четверть века и превыше всего на земле ценю нашу с вами военную касту...

Сандумян удивился:

— Но ведь «каста» — плохо, товарищ полковник.

— Меня зовут Владислав Романович... Каста плохо, если она замкнута. Наша с вами каста открыта; впрочем, вы, видимо, правы, слово я выбрал не совсем удачное. Англичане нашли более точное — «клуб». Ничего, а? «Мы члены одного клуба». Очень, по-моему, достойно звучит... Ну, рассказывайте, что у вас нового было за время моего полета?

— Доклады... Итак, товар... Словом, Владислав Романович, Горной улицы более не существует, снесли ее. По генплану реконструкции побережья там теперь строят два санатория. Отец Кротова, в прошлом учитель черчения, умер в шестьдесят первом году, мать — в шестьдесят втором. Их сын числится пропавшим без вести с осени сорок первого. В сорок четвертом году они взяли из приюта ленинградскую сиротку, дали ей свою фамилию, вырастили, зовут Галина Ивановна Кротова, медицинская сестра в Ессентуках, имеет двух детей, муж работает агрономом, отзывы о семье самые положительные. Алексей Кириллович Львов, выпускник Института народного хозяйства, сокурсник Анны Петровой, о котором показал родственник Петровой, штурман дальнего плавания, действительно работал главным бухгалтером в нашем рыболовецком кооперативе, но уже три года как перебрался в Краснодар, возглавляет там плановый отдел на мясокомбинате...

— Очень хорошо. А однокашников Николая Кротова нашли?

— Ищем.

— Может быть, живы учителя? Иные из них всех своих питомцев помнят,— святые люди, особенно в маленьких городках.

— Хорошо, товар... Владислав Романович...

— Ничего больше не удалось установить в тех сберкассах, где получали деньги Минчакова?

— По тем фото, которые я предъявлял, ничего не удалось, Владислав Романович.

— В гостиницах, конечно, о н и не останавливались?

— Нет. Это мы проверили досконально.

— Снимали, видимо, квартиру?

— Наверняка... Так что установить трудно, вряд ли они в курбюро обращались... Я в прошлом году в Болгарии был, по путевке, как же они умно все организовали со сдачей помещений! Кому угодно сдают, причем это поощряется, люди поэтому не таятся, закон не нарушают, деньги государству рекой льются, да и крестьяне какие дома строят на побережье! Виллы, настоящие виллы! И не буржую ведь принадлежат, а такому же, как у нас, работяге...

— Хорошо думаете, Месроп, — откликнулся Костенко.— Только я зря с вами еду в город. Давайте-ка разворачивайтесь, слетаю, пожалуй, в Краснодар, к этому Львову, а вы пока тут поищите. Договорились?

— Так надо ж выяснить, когда идет самолет на Краснодар!

— Ничего. Управлюсь. Ставрополье нам тоже интересно, все-таки приемная дочь Кротовых... Куда-нибудь, да попаду... А из аэропорта позвоним, чтобы меня на месте встретили, ладно? Завтра днем я вернусь.

28

— Сложный это вопрос, товарищ Костенко,— ответил Львов,— очень сложный.

Они шли по улице. Листва была изумрудной, самой еще первой, до того весенней, что разговор, сама тема его, казался Костенко противоестественным, не укладывавшимся в ту красоту и спокойствие, которое окружало их.

...Львова он нашел в его комнатке, на заводе; представился; тот позвонил директору, извинился — слишком уж как-то мягко, заискивающе, что ли, и пригласил Костенко к себе: «Там поговорим спокойно, жена на работе, так что воспоминания не будут ее травмировать».

Костенко молчал, Львова не торопил, ждал, как тот будет себя вести: в беседе ему не помогал, не подсказывал т е м у, а человек без подсказки — особый человек, сразу заметны его личностные качества, особенно если застали врасплох и затронули вопрос глубоко затаенный.

— Понимаете,— несколько растерянно, то и дело поглядывая на Костенко, продолжал Львов,— Аня была моей первой любовью, поэтому я помню все, до самой последней мелочи... Спрашивайте, что вас интересует, я отвечу...

— Меня как раз интересует в с е, Алексей Кириллович.

— Я как-то... врасплох застигнут, столь неожиданно ваше посещение... Особенно после того, как мы с Анной лицом к лицу столкнулись в Сочи. Я был с женою, та сразу что-то поняла: «Отчего ты так побледнел?» А у меня сердце в горле застряло: не знал, что и ответить... Мы ведь — в отличие от женщин — лжем неумело.

— Вы увидели Аню в декабре?

— Ну да, первого декабря...— Львов вдруг остановился.— А откуда вы знаете? И вообще, отчего вы заинтересовались ею?

— Она давно не пишет писем тетушке, та волнуется, все ж племянница, обратилась к нам...

— Ах, тетушка,— успокоенно вздохнул Львов.— Очень милая старушка...

— Вы у нее бывали?

— Нет, Аннушка мне иногда позволяла читать ее письма; в письмах человек особенно открывается, даже если и хочет что-то скрыть.

— Верно,— лениво согласился Костенко и, прикрыв з е в о т у ладошкой, спросил: — Вы встретили Аню вместе с Гришей?

— Я не знаю, как его зовут — совершенно отвратительный тип, желание казаться интеллигентным, а на самом деле внутренняя железная скованность, чуждая интеллигентным, то есть по-настоящему воспитанным людям... Когда Аня отшатнулась, увидав меня, у него мгновенно изменилось лицо, закаменело, сделалось маской...

— И вы даже с нею не поздоровались?

— Она с этим самым Гришей, я со своей мадам,— куда уж тут здороваться... Я потом со своей-то знаете как вертелся! «Похожа на мою покойную сестру, особенно анфас»... Подкаблучники мы все, поэтому дети такими растут...

— Какими?

— А в грош отцов не ставят.

— Наверное, все же в этом вина не детей, а отцов...

— Прикажете разводиться? Как началось, «родная» да «родная», так ведь и продолжается, вернее, требуют, чтоб так продолжалось; а годы вносят коррективы, но с этим женщины считаться не намерены... Я раньше думал, что только Аннушка была железного норова: «Как я сказала — так и будет»... Ерунда, все одинаковы... Моя поначалу тоже пела соловьем: «Мужчине нужна свобода, мужчина — хозяин»,— а как поженились — пойди опоздай с работы на полчаса! Пойди к друзьям один соберись?! Поди недодай десятку из зарплаты! Сразу сцены, крики, валокордин...

— Разводиться надо, если не смогли поставить себя.

— А дети?

— Думаете, им в таком семейном аду лучше?

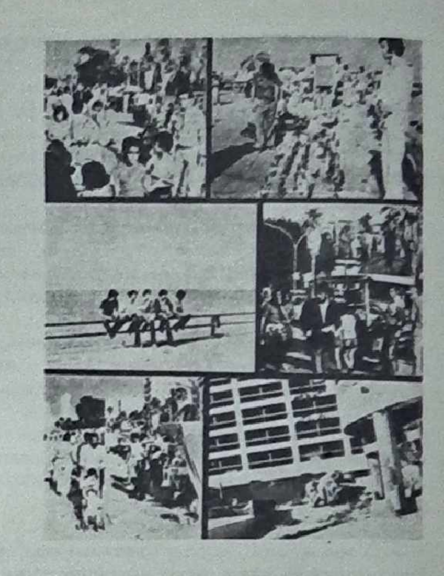
— Все-таки отец рядом.

— Смотря какой... Если отец б о и т с я, даже мамы, но все равно боится, дети его в грош ставить не будут, вы правы... Во что была одета Аня?

— Отчетливо помню, до мелочей... Вы очень жестоко сейчас сказали... Да, да, очень жестоко... И я бы даже прервал разговор. Но вы сказали правду, что делать... Вы спрашиваете, как одета? Она очень хорошо выглядела — ей шли очки, я не думал, что очки могут так красить лицо... Короткая стрижка открывала шею, у нее очень красивая шея, тонкая, гордая...

Продолжение следует.

ЭТО БЫЛО В БЕЙРУТЕ

А. СОФРОНОВ

Как будто ничего не изменилось внешне в Бейруте и в этот, третий за последнее полугодие прилет на горячую ливанскую землю. Так же, как в январе, встречали нас в аэропорту друзья: палестинский поэт Моин Бсису, редактор журнала «Лотос» Фаиз Ахмат Фаиз, товарищи из советского посольства. Все те же в здании аэропорта вооруженные автоматами пограничники.

Только воздух много теплее, чем был в январе, и все же не жаркий, чуть влажный.

Вместе с Камилем Яшеном мы прилетели на этот раз в Бейрут для того, чтобы принять участие в праздновании награждения международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами» египетского поэта, борца за свободу и независимость родной земли Абдуррахмана аль-Хамиси.

Наши друзья пригласили нас на этот первый такой праздник на ливанской земле.

Расписание самолета — дело серьезное. Прилетели мы в Бейрут, как оказалось, за неделю до самого события, перенесенного на три дня дальше из-за того, что друзья аль-Хамиси, да и он сам в это время были в Париже на международной конференции солидарности с ливанским народом.

Все тот же знакомый путь от аэропорта в отель «Камадор», где мы обычно останавливались в последние прилеты в Бейрут.

— Ну, как тут сейчас? — спросил я Эдуарда Рябцева, заведующего отделением АПН в Бейруте, когда мы проезжали лачуги и хижины, в которых жили палестинцы.

— Обычно,— ответил Рябцев.

— Все так же стреляют?

— Конечно... Но количество убитых в день за последнее время уменьшилось...

— И как же уменьшилось?

— Раньше в среднем доходило до тридцати, теперь снизилось до десяти — двенадцати человек.

Слева от нас виднелось синевато-голубое море, справа вдоль дороги поднимались высокие здания жилых домов и отелей.

— А в остальном так же спокойно?

— Да, если не считать диверсантских взрывов.

— Продолжаются?

— Последний раз такой взрыв случился позавчера недалеко от редакции журнала «Лотос».

— Никто не пострадал?

— Тридцать пять раненых, один убитый. Взрывчатку подложили в старую автомашину. В семь часов вечера она взорвалась. Сейчас не с руки, а завтра по пути в «Лотос» посмотрим.

— А кто подложил взрывчатку?

— Если бы кто мог знать...

На сиденье у Рябцева лежала газета с двумя фотографиями, на которых полицейский обыскивал юношу.

— А это что?

Рябцев мельком взглянул на снимки.

— Это... Это то, что происходит здесь в настоящее время. Полицейский обыскивает студента, идущего на экзамен.

— Студента?

— Чтобы у студента не было при себе оружия и шпаргалок.

...На другой день, направляясь в редакцию журнала «Лотос», на одной из улиц, спускающихся к морю, мы действительно увидели следы разрушительного взрыва: разбросанные в стороны части автомашины, выбитые по соседству со взрывом десятки окон, искореженные двери, следы осколков на зданиях.

Так жил Бейрут в эти дни. Жил напряженной, предельно обостренной жизнью, часто прерываемой автоматными очередями, зенитными залпами по приближающимся израильским самолетам.

Но все равно на Рауше, прибрежном торговом районе, были открыты лавки, торгующие не очень бойко, но открытые допоздна. А дальше, уже за торговыми рядами, когда клонилось к закату солнце, прогуливались по высокой набережной девушки и юноши, целыми семьями появлялись здесь бейрутцы, с философским спокойствием прислушиваясь то к далеким, а то близким автоматным выстрелам.

— Здесь не обязательно стреляют друг в друга,— сказал Эдуард Налбандян, работник посольства, помогавший нам с Камилем Яшеном общаться с нашими хозяевами на арабском языке.— Бывает, что стреляют в небо на свадьбе или в день рождения... Мало ли поводов у людей с таким темпераментом?

К сожалению, ссылка на темперамент недостаточна. На юге Ливана продолжался систематический террор израильтян, шло уничтожение ливанцев войсками Израиля. В новом Культурном центре Бейрута нам показали фотовыставку, на которой были снимки искалеченных детей и женщин, разрушенных жилищ — следы злобной израильской агрессии. Когда-то мы бывали в этих районах Ливана... Сайда... Тир... Набатия. Сейчас нас туда не пускали. Боялись рисковать жизнями гостей.

...Через день после нашего прилета вернулся из Парижа аль-Хамиси. Он был доволен конференцией. Выступал на ней в защиту Ливана, ставшего вместе с Сирией опорной базой борьбы с империализмом и сионизмом для палестинцев, ливанцев, сирийцев да и других арабских народов. Надо обладать искренним чувством доброты и человечности, чтобы так, как делают это ливанцы, не просто приютить и, потеснившись, уступить свои кровные земли палестинцам, испытывая вместе с ними постоянную угрозу нападения израильтян с воздуха, моря, с земли — откуда угодно.

— Вы знаете, что здесь агенты ЦРУ, разведчики Израиля, агенты Садата, некоторых других стран убивают прогрессивных людей, а то и просто выкрадывают их, — говорил нам аль-Хамиси.

Если б знал он, как все это обернется и для него самого и для его близких друзей — египтян, прилетевших на праздник их старшего друга.

Но об этом чуть позже.

Мы были в журнале «Лотос», когда на другой день после прилета в кабинет редактора журнала вошел Хамиси. Он взволнованно сказал:

— Советскую делегацию приглашает Абу Амар.

— Когда?

— Через сорок минут нам надо выехать.

Вместе с нами на прием к Абу Амару (так называют в народе Ясира Арафата) поехал и сам Хамиси и Моин Бсису.

Мы ехали узкими улочками, мимо шумных пестрых домов и небольших магазинчиков. Вдруг машины остановились. Да, это был дом, где располагалась резиденция Арафата. У подъезда, у лифта да и в самом лифте несли вахту вооруженные палестинцы. Вскоре мы оказались в небольшом кабинете.

Из кабинета вела дверь в комнату с длинным столом, на котором лежали блокноты и большие белые бланки со знаком ООП — две руки, сжимающие — крест-накрест — боевые автоматы.

На задней стене висела увеличенная копия высшей награды Организации освобождения Палестины — Щит Революции. Мы еще рассматривали картины и боевые плакаты, когда в комнату вошел в военной, такой привычной по фотографиям форме Ясир Арафат. Он сердечно поздравил Хамиси, обнялся с каждым из нас.

Камиль Яшен, благодаря Арафата за прием, сказал:

— Мы маленькая делегация...

— Какая же маленькая? — пошутил Арафат. — Вы даже очень большая делегация.

В комнату вошел, прихрамывая, палестинец с фотоаппаратом.

— Это тоже наш партизан... В сражении потерял ногу... Сейчас наш боевой фотограф.

Арафат обратился к нам.

— Рад приветствовать здесь, в нашем штабе, советских писателей. Мы знаем, что Союз советских писателей дружит и поддерживает палестинских, да и всех прогрессивных писателей арабского мира. Это очень важно. Здесь, на ливанской земле, мы боремся за сплочение

революционных сил Египта, Палестины, Ливана, Сирии... За сплочение всех арабских народов. Наша опора и основа — это люди. Люди, которые стоят с нами в одних боевых рядах. Я не писатель, я читатель. Читал много произведений Хамиси, Моина Бсису. — Здесь Арафат задержался и посмотрел на сидящих рядом Хамиси и Бсису.— Это очень хорошие поэты. Думаю, что любое ответственное лицо не имеет права быть ответственным, если оно не находит время читать. Без духовной пищи мы не можем жить. Мы живем с вами едиными мыслями. И эти мысли не ограничиваются проблемами только нашего региона.

Арафат снова остановился и посмотрел на переводчика, работника АПН, Феликса Серебрякова.

— Нашим революционным мыслям мы должны дать путевку в жизнь. Каир пока для нас утерян. Но Египет... Египет не потерян. Народ Египта — это не народ Садата. Народ Египта — это народ Насера. Я участвовал в четырех войнах. В двух из них сражался за Египет. Капли моей крови впитала земля Египта. Воля, память народа — это как Нил во время наводнения. Они все сметают на пути. С сорок восьмого года Египет отдал более восьмидесяти тысяч жизней в борьбе за свою свободу. Садат не сможет стереть своей изменой эту кровь с египетской земли. Праздник Хамиси — это наш праздник. Его пример — это пример для всех нас. Мы считаем, что Ленинскую премию мира получили все мы — арабы.— И вдруг вдохновенное лицо Арафата стало суровым, а слова резкими и твердыми.— И вместе с тем эта премия — один из самых тяжелых ударов, полученных Садатом в последнее время. Конечно, мы обладаем хорошим боевым огнестрельным оружием. Но одного этого оружия нам недостаточно. Нам очень дорого оружие литературы. Думаю, это оружие особенно высоко ценится. Мы рады, что здесь, как, впрочем, и всегда, советские писатели сидят рядом с нами за одним столом. Мы находимся в одном окопе. Не только региональном, но и интернациональном. У нас палестинское лицо, арабское сердце, интернациональное братство! — Арафат остановился и улыбнулся.— Давайте сфотографируемся на память. Мы еще увидимся, когда будем чествовать Хамиси,— сказал Арафат, прощаясь с нами.

Мы снова оказались на шумной, пестрой улице. А затем поехали вдоль моря, где из-за мешков с песком тянулись в небо зенитные орудия, возле которых стояли сирийские солдаты.

На другой день вечером к нашему столу в ресторане отеля один за другим подошли несколько человек.

— Это все мои друзья египтяне,— сказал радостно пожимавший руки гостям Хамиси.— Они приехали для того, чтобы принять участие в моем вечере.

Одного из семерых я уже знал. Еще в Москве он вместе с аль-Хамиси перед отлетом в Бейрут приехал к нам в редакцию «Огонька». Это был писатель Адиб Димитри, один из руководителей прогрессивных организаций Египта.

Мы сидели в полутемном ресторане, за красной скатертью, на которой лежали красные салфетки. Громко играла музыка. Никто не слышал друг друга.

— Пойдемте в вестибюль,— сказал Хамиси.

На широких диванах и креслах как-то сама по себе возникла беседа, а точней, монологи, которые произносили друзья в честь Хамиси. Как-то среди других особенно запомнился невысокий седой человек, прилетевший из Парижа. Он сказал:

— Почему мы любим Хамиси? Нужно назвать четыре пункта, чтобы ответить на этот вопрос. Первый — за его глубокую и беззаветную веру в Египет. Второй — за его веру в коммунизм. Третий — за его веру в коммунистическую партию. Четвертый пункт — за его веру в Советский Союз. Есть немало египетских поэтов и писателей, но многие из них после предательства Садата замолчали. Среди тех же, кто продолжает борьбу, открыто разоблачает Садата, верит в счастливое будущее Египта,— Абдуррахман аль-Хамиси. У нас даже однажды возник спор — чей Хамиси: наш или советский.

— Он наш общий,— сказал Камиль Яшен.

На другой день я зашел в номер Хамиси. Мне повезло. У него сидел Адиб Димитри. Бывает так: один человек говорит о другом и сам раскрывается.

— В 1954 году я сидел в тюрьме в камере с аль-Хамиси. Уже тогда я много слышал о таком поэте, но до этого никогда не видел его. Да и как я мог видеть, когда мне было тогда всего восемнадцать лет.

— Это правильно... Ему было восемнадцать, а мне уже тридцать четыре,— подтвердил Хамиси.

— В той тюрьме было одно преимущество — двери всех камер были открыты... Так что мы могли разговаривать, спорить. Вот тогда-то мы и узнали, что представлял из себя уже в то время Хамиси. К каждому из нас он относился, как к сыну. Каждому открывал глаза. Объяснял, что такое классовая и национальная борьба. С тех пор прошло четверть века. У Хамиси всегда было чувство любви к Советскому Союзу. Когда в семьдесят втором году Садат заявил о выводе всех советских специалистов из Египта, Хамиси выступил с резкой статьей в газете «Аль-Гумхурия». В феврале семьдесят третьего года Садат выслал Хамиси. Но Хамиси продолжает сражаться с Садатом на всех фронтах.

— Скажите, Адиб, а что происходит сейчас в Египте?

— Борьба идет на разных уровнях. Есть прогрессивная партия, возглавляемая Халедом Мохи эд-Дином. Появляются и другие течения. Существует пока еще скрытое недовольство в армии, особенно среди офицеров. Можно ждать от них открытого выступления против Садата. К этому надо прибавить экономический кризис, подорожание продуктов, промышленных товаров. То, что стоило два фунта,— сейчас четыре. Средний заработок рабочих 24 фунта. Это очень мало. В Египте начались политические демонстрации и забастовки. Теперь уже не скрыть, что Садат опирается на буржуазию. Это можно назвать кризисом между мнением так называемой «верхушки» общества и реальной жизнью.— Димитри взглянул на часы и виновато сказал: — Надо торопиться... В Бейруте сейчас все сложно.— Он протянул руку.— До завтрашнего вечера.

...Если б мы знали в этот миг, что завтра его уже не увидим.

— Хороший человек,— сказал Хамиси.— Смелый человек. За ним охотятся садатовские ищейки.

...Тысячами нитей за эти годы советские писатели связаны с Бейрутом. Именно здесь, в Бейруте, в отеле «Интернэшнл» состоялась 3-я Конференция писателей Азии и Африки, вырвавшая афро-азиатскую писательскую Ассоциацию из маоистских пут, которыми ее, тогда расположенную в Коломбо на Цейлоне, опутали китайские агенты.

Это было время Насера. Центром писательской Ассоциации стал Каир.

Летом 68-го года мне снова пришлось побывать в Бейруте и Дамаске. Там мы познакомились с прекрасным палестинским поэтом Моином Бсису. Познакомились на общей любви к Маяковскому. В ту пору в «Огоньке» были опубликованы несколько статей о Маяковском. Их перевели здесь на арабский язык. Бсису они пришлись по душе. Лет шесть назад здесь же, в Бейруте, состоялось совещание редакторов афро-азиатских литературных журналов. Помнится, с возглавлявшим в ту пору нашу Ассоциацию египетским писателем Юсефом эс-Сибаи мы посетили старейшего ливанского писателя Михаила Нуайме. Сибаи вручил ему присужденную Ассоциацией премию «Лотос». Михаил Нуайме недавно отметил 91-й год рождения, а Юсеф эс-Сибаи года три назад был застрелен в упор террористами на Кипре.

...И вот снова Бейрут. Мы договорились встретиться с руководителями ливанской писательской организации. Они прислали в отель машину. Шофер небрежно переложил с первого сиденья автомат в багажник, и мы отправились в Культурный центр. Там нас встретили Хабиб Садек и старый наш друг Хусейн Мурувве.

Новое помещение Культурного центра еще, что называется, пахло краской. Здесь был хороший зал. Кабинеты. Много книг.

Хабиб сказал:

— Спасибо Союзу советских писателей за хороший прием делега-

Встреча писателей с Ясиром Арафатом.

ции ливанских писателей. Они были в Москве и Ленинграде. Остались очень довольны.

Немногословный Мурувве утвердительно кивнул головой и проговорил:

— Да, у нас все было хорошо... Спасибо.

— Мы рады, что между арабскими народами и советским народом уже давняя дружба. Мы высоко ценим братские отношения между нашими писательскими организациями... Вместе с тем было бы хорошо увеличить возможности знакомства ливанских писателей с Советским Союзом, причем, чтобы некоторые из них пожили бы у вас три-четыре месяца не туристами, а глубже узнали жизнь советских народов. Мы ваши друзья — это поможет еще большему ознакомлению наших читателей. Не могли бы ли вы готовить кадры переводчиков с русского языка на арабский? Хорошо было б, чтобы несколько наших писателей, изучив у вас русский язык, затем поступили в Литературный институт имени Горького. Он же при Союзе советских писателей? У нас есть опыт с болгарскими писателями, которые установили несколько стипендий для наших молодых литераторов. Наши финансовые возможности ограничены. Союз писателей Ливана — организация неофициальная...

В тот же день при встрече с советским послом в Ливане Александром Алексеевичем Солдатовым, пользующимся большим уважением у писателей Ливана и Палестины, мы узнали, что в этом году 350 ливанцев и более 200 палестинцев отправились на учебу в Советский Союз... А всего их учится в Советском Союзе, как сказал нам помогавший переводить беседу с Хабибом Садеком только что вернувшийся из Москвы инженер-ливанец, до полутора тысяч человек.

Хочется привести опубликованное в газете «Аль-Аср» интервью ливанской писательницы Гады ас-Саман.

Корреспондент газеты Омад Ваиль взял интервью у писательницы в связи с выходом в свет 10-го тома ее произведений.

На вопрос: «Вы были единственной женщиной, которая посетила недавно Советский Союз в составе делегации ливанских литераторов. Что вы можете рассказать об этом визите?» — Гада ас-Саман ответила: «Я не была единственной женщиной. Я была приглашена в состав членов делегации наравне с Тауфиком Юсефом Аввадом, Ахмедом Абу Саадом, Хусейном Мурувве и другими. Мы прибыли туда, так как некоторые наши работы переводятся на русский язык. В частности, они перевели роман Тауфика Юсефа Аввада «Губители Бейрута» и опубликовали его 50-тысячным тиражом. Заметим, что это первое его издание в Советском Союзе. В связи с этим мы посетили издательство «Прогресс». Интересно, что, когда профессор Аввад попросил экземпляр переведенного русского текста для ознакомления с ним, работники издательства смутились. Оказалось, что тираж был раскуплен полностью. Это прекрасный факт! Он свидетельствует о том, что арабская литература успешно завоевывает мировое признание.

Что касается меня, то я посетила Институт востоковедения. Там навстречу нам вышел мужчина и... представился: «Я Владимир Шагаль, переводчик Гады ас-Саман!» Из беседы я узнала, что он перевел мою новеллу «Два часа на закате», а сейчас работает над переводом «Кошмары Бейрута».

Со всем этим было так неожиданно для нас встретиться в Москве. Следует упомянуть и о чудной экскурсии в Ленинград, который является одним из красивейших городов Европы. Город прославлен богатейшими коллекциями творений искусства, собранными здесь. Он прекрасен и сам по себе. Одним из его музеев — Эрмитажем я просто поражена. Какие богатства я видела в его стенах! Это трудно представить себе.

А Нева, я любовалась ею, глядя через окно своей комнаты. Чудно наблюдать белые льдины, плывущие с Ладожского озера, как бы соревнующиеся между собой под ослепительной синевой ленинградского неба, людей, ловящих первые теплые лучи солнца.

Наш прием в Москве был очень приятным. Мне было радостно узнать, какое место занимает в сердцах советских людей Ливан, как относятся они к арабской литературе в целом. Этот факт, безусловно, придал нам энергии. В дни нашего пребывания в Москве все время стояла солнечная погода. Она сопровождала нас, когда мы садились на скорый электропоезд, мчащийся в Ленинград. Несмотря на прогноз, обещавший обильные снегопады, к нашему прибытию в Ленинграде потеплело, хотя до этого снег валил часами!

Мы привезли советским людям солнце. Они же высоко оценили наш труд, окружили заботой и любовью, миллионами новых поклонников и почитателей».

...И вот настал вечер, посвященный награждению Абдуррахмана аль-Хамиси международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами».

Пробиваясь через потоки автомашин на запруженных улицах, мы добрались к университетскому залу имени Насера. На сцене и в самом зале можно было увидеть много вооруженных палестинцев с автоматами. Зал постепенно наполнялся. Приехал виновник торжества аль-Хамиси, взволнованный и чем-то встревоженный. Я как-то заметил, что не вижу обычно всегда находящегося возле Хамиси Адиба Димитри... В зал вошел Генеральный секретарь Компартии Ливана Жорж Хауи, за ним горячо встреченный Ясир Арафат, сказавший нам:

— Я обещал, что мы увидимся.

Вечер начался.

— Поэзия Абдуррахмана аль-Хамиси воспевает борьбу арабских народов,— сказал Жорж Хауи.— Его премия — это премия всем сражающимся за свободу арабской нации, призывающим к борьбе против империализма и сионизма. Мы можем противостоять им, только объединив все силы арабской нации. Чествуя нашего друга, боевого поэта, мы одновременно выражаем благодарность Советскому Союзу. Чествование Абдуррахмана аль-Хамиси — это чествование советско-арабской дружбы.

Ясир Арафат, обращаясь к аль-Хамиси, говорил:

— Мой брат, ночь Египта не будет очень длинной. Народ Египта, народ Насера победит. Арабская нация никогда не будет поставлена на колени. Мы говорим Картеру: «Мы не боимся твоего флота. Нас не пугают «отряды быстрого реагирования». Мы боремся не только за Палестину, но и за свободу Ливана, за свободу всех арабских народов. Дорогой брат Хамиси, священная кровь, пролитая нами, не будет забыта. Мы победим!

Прозвучали голоса египетских и суданских друзей, палестинских и советских поэтов. Страстную речь произнес виновник торжества Абдуррахман аль-Хамиси.

...Мы не сразу вернулись в отель. Вечерами Бейрут пустеет. Прохожих нет. Чаще слышатся автоматные очереди. Но и этот контрастный, затемненный Бейрут интересно увидеть. Бейрут, рассеченный на две части: Восточный и Западный. Западный Бейрут был той половиной, в которой жили и трудились наши друзья.

В фойе отеля мы сразу встретили Хамиси. Лицо его было озабоченным и тревожным, но он молчал. Мы присели за крайний столик ресторана.

— Мне нужно все видеть,— сказал Хамиси. Он несколько раз уходил, звонил по телефону и снова возвращался к нам. И вдруг я снова вспомнил, что на вечере не было Димитри.

— Где же он?

— Я не хотел вас тревожить...— ответил Хамиси.— Его нет...

— То есть как нет?

— Нет... И его нет... И Фуада аль-Тухани.

— Того, что говорил о четырех пунктах?

— Да, это он...

— Но где же они?

— Их похитили.

— Кто?

— Мы еще не знаем... Может быть, египетская разведка.

Хамиси сидел напротив меня. Затем вдруг поднялся и снова пошел к телефону.

— Новостей нет...— сказал он, вернувшись.— Я не хотел вас расстраивать.

— Но, Абдуррахман, все твои дела в Бейруте закончены. Мы послезавтра возвращаемся в Москву. Надо лететь с нами...

— Мне друзья говорят то же самое...

Мы вышли в вестибюль. Было около двенадцати ночи.

— Идем, мы проводим тебя в номер.

— Нет, здесь мои друзья.— Хамиси указал на сидящих в углу вестибюля троих мужчин.— Спокойной ночи. Не провожайте меня.— И пошел.

Мы поднялись на свой пятый этаж. У дверей номера Хамиси сидели два палестинских автоматчика. Через полчаса раздался телефонный звонок. Говорил Хамиси:

— Не волнуйтесь... Я ночую в другом месте... У друзей... Спокойной ночи.

На душе все равно было тревожно. Билет на самолет, летящий из Бейрута через Ереван, был заказан, но уверенности в том, что Хамиси улетит с нами, все еще не было.

На другой вечер был назначен прием в другом отеле. Уже где-то часа в четыре позвонил Хамиси:

— Прием будет... Это надо.

— Но...

— Надо... Надо...

— В Москву летим?

— Еще не знаю.

Возле отеля «Буриваж» мы увидели множество палестинцев с автоматами.

Вниз, в зал приема, нас сопровождали автоматчики. До этого днем по непрерывно работающему в нашем отеле телексу было передано сообщение агентства Рейтер. В нем говорилось, что двое египтян были похищены египетской разведкой... В зале собрались друзья Хамиси. Здесь же был и Жорж Хауи со своими товарищами.

Эдуард Рябцев познакомил меня с чернобородым, еще молодым ливанцем Захиром аль-Хатыбом. Это был внешне спокойный человек. Но что же произошло недавно и с ним? Редактируя газету, он высказывал суждения, которые не всем нравились. По радиостанции, также возглавляемой им, эти суждения шли в эфир. Это также не всем нравилось. В ту пору начали замечать, что у здания газеты периодически стал появляться неизвестный человек. Решили узнать, кто он. Проводили однажды незаметно к одному из посольств. На другой день схватили его у здания газеты. Он был вооружен пистолетом. В конце концов он признался в том, что ему было поручено убить Захира аль-Хатыба...

Рассказывая нам об этом, Хатыб даже как-то застенчиво улыбался...

Уже к ночи мы вернулись в отель. За столиком в кафе увидели Хамиси, сидевшего с тремя автоматчиками. Он был радостен:

— Они живы... Живы... Представляете, что я пережил за эти два дня...

— Но где они?

— Еще не знаем, но живы. Живы... Палестинские друзья помогли их найти. Теперь я могу лететь с вами.

— Ты их видел?

— Нет... Но они живы... Живы.

На другой день вместо полудня наш самолет к вечеру поднялся в бейрутское небо.

Хамиси все время кашлял. Кашлял и курил.

— Абдуррахман, надо отдохнуть... Полечиться.

— Да, надо... Надо... Я очень устал.

Прилетели мы в Москву на рассвете, около четырех утра.

Еще в Москве, перед Бейрутом, Хамиси говорил нам, что должен лететь в Триполи, столицу Ливии. Там была назначена конференция...

Когда мы прощались с ним в Шереметьеве, он говорил:

— Может, не полечу... Я так устал...

В пятницу я позвонил ему. Телефон молчал. Больше в этот день я не беспокоил Хамиси, но позвонил в субботу.

В трубке послышался бодрый, веселый голос:

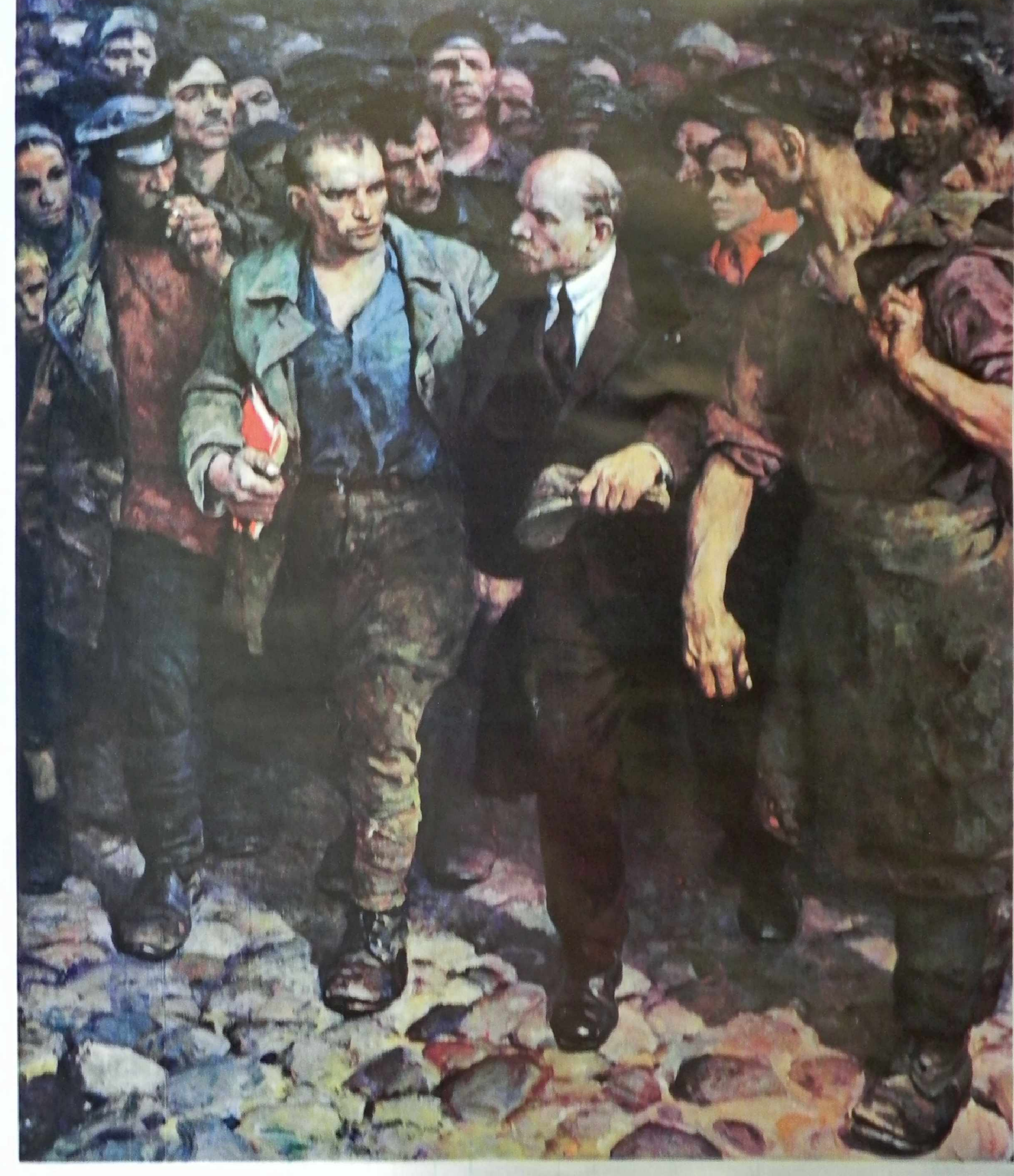
— Да... Это я... Два дня спал... А в понедельник лечу... Надо, брат, надо.

...В понедельник рано утром он улетел в Ливию.

...На другой день после возвращения Хамиси из Триполи в Москву мы увиделись.

— Все в порядке, друг... Адиб Димитри уже в Париже, а Фуад аль-Тухани — в Дамаске... Они живы... Я так волновался за них.

Бейрут — Москва.

В. Серов. С ЛЕНИНЫМ. 1961.

В. Серов. ДЕКРЕТ О ЗЕМЛЕ. 1957.

Государственная Третьяковская галерея.

БЕРЕЧЬ ПРИРОДУ

В наш век, когда наука и техника так стремительно шагнули вперед, вопрос о взаимоотношении человека и природы стал жизненно важным, острым. Сохранению окружающей природной среды, ее комплексному использованию, воспроизводству сейчас уделяется огромное внимание. На третьей сессии Верховного Совета СССР десятого созыва были приняты Законы СССР «Об охране атмосферного воздуха» и «Об охране и использовании животного мира». Природоохранные мероприятия всегда в центре забот государственных органов и общественности. И это понятно. За бесхозяйственное отношение к бесценным дарам природы человеку приходится расплачиваться самым дорогим — здоровьем.

В некоторых районах страны, узнаем мы из писем читателей, дела обстоят неблагополучно, есть еще тревожные факты. Зарастают мелкие реки, исчезают лекарственные травы, загрязняется воздух, засорены пригородные леса. Сегодня редакция публикует два письма, авторов которых беспокоит вопрос, почему разрушается кладовая нашего здоровья, почему не всегда принимаются меры по охране окружающей среды.

* * *

Все мы знаем, что природа не только украшает нашу жизнь, но и приносит огромную пользу. Я живу в Гомельской области, богатой лесными массивами. Но во что превратились леса близ наших деревень? Около деревни Химы растет сосновый бор. Прекрасное место для отдыха: целебный воздух, летом и осенью много грибов. С каждым годом он все больше и больше засоряется. Валяются консервные банки, бумага, разбитая посуда. Однажды возник пожар, молодой лес почти весь выгорел. Такая же картина наблюдается в живописной березовой роще, что рядом с деревней Веточка. В лесу за деревней — древние захоронения воинов. Говорят, что эти курганы относятся к средним векам, неплохо было бы сохранить их как память о давно ушедшем времени. Но эти курганы разоряются, земля используется для хозяйственных нужд.

Скажу несколько слов о небольшом водоеме, расположенном на окраине деревни Городец. Видимо, очень давно он был выкопан чьими-то заботливыми руками. Водится рыба, летом это излюбленное место мальчишек для купания. Со временем водоем стал заплывать грязью, его никто не чистит, деревенские мальчишки купаются в мутной воде. Берега местной речушки Иртавки исковерканы гусеницами тракторов, затоптаны скотом.

Вот так обстоят дела в Рогачевском районе. Полное равнодушие к природе и никаких мер для ее охраны. Неужели и в других районах такой беспорядок?

К. АНДРЕЕВ
д. Городец, Гомельская область.

* * *

Дорогой «Огонек»! На твоих страницах часто поднимался вопрос об охране окружающей среды, и поэтому обращаемся к тебе за помощью. Мы уже писали в местные газеты, исполнительные органы, даже в суд, но все бесполезно. Речь идет об удобрениях, которые рассеивают с самолетов на рисовых полях Краснодарского края. Выращивание риса — дело нужное, никто это не оспаривает. Но должны же приниматься меры по защите окружающей среды! Краснодарский крайком и крайисполком в декабре 1979 года на совещании рисоводов указали на необходимость таких мер при авиахимработах, но люди, ответственные за это дело, грубо нарушают технологию химических работ. Самолеты над населенными пунктами летают так низко, что хлеборобу во дворе, на свежем воздухе пообедать невозможно, так и боишься наесться борща, приправленного гербицидами.

Мы понимаем, что защита окружающей среды в первую очередь направлена на сохранение здоровья трудящихся. Необходимо категорически исключить полеты над населенными пунктами. Благо пространства в небе для этого достаточно. Жителям станицы Федоровской, хуторов Свердловский, Васильевский, Прикубанский, Косовичи вот уже много лет нет покоя от этих самолетов.

Жители станицы Федоровской,
Абинского района,
Краснодарского края

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО!

КАК ПРОБИВАЮТ ЗИМНИК

«Огоньку» отвечает заместитель начальника объединения «Союззолото» Министерства цветной металлургии СССР.

Факты, изложенные в репортаже В. Лейбовского «Как пробивают зимник» («Огонек» № 5, 1980 год), обсуждались в коллективах объединения «Союззолото» и «Северовостокзолото».

Данная статья заставила нас обратить внимание на отдельные недостатки в организации перевозки грузов по автозимникам.

В целях упорядочения обслуживания транспорта и оказания необходимой помощи Эгвекинотской автобазе выделен автомобиль высокой проходимости КрАЗ-255Б для оборудования технической помощи, по фондам 1980 года предусмотрено выделение двух вездеходов: ГАЗ-71 и ГТТ.

Для укрепления базы Иультинского УАД в 1980 году фондами предусматривается выделение 3 бульдозеров Т-130 и вездехода ГАЗ-71.

Автомобили технической помощи, направляемые для сопровождения автоколонн, предусмотрено укомплектовать необходимыми запасными частями для ремонта автомобилей в пути следования и оборудовать радиостанциями.

Объединениями «Союззолото», «Северовостокзолото» принимаются меры по улучшению работы дорожных хозяйств при строительстве и эксплуатации автозимников.

И. КУРЕННЫХ,
заместитель начальника
объединения «Союззолото»

ОЛИМПИЙСКАЯ МОСКВА

Музыка Валентина ЛЕВАШОВА
Стихи Валентина ГОЛЬЦОВА

На московских просторах
Веселые ветры резвятся.
Над Москвою-рекою
Шумит молодая листва.

Вот и выпало счастье
С тобою опять повидаться,
Город доброй надежды,
Родная Москва!

В олимпийском наряде
Столицу не сразу узнаешь,
Все в ней будто знакомо,
Но в чем-то она и нова.

Это все нам на радость,
Что ты, как весна, расцветаешь,
Город юности нашей,
Родная Москва!

Ничего, что не часто
В гостях у тебя мы бываем —
Не слабеет с годами
Высокое чувство родства.

Расставаясь на время,
Мечтою себя согреваем,
Что увидимся снова,
Родная Москва!

27 ИЮЛЯ —
ДЕНЬ ВОЕННО-МОРСКОГО
ФЛОТА СССР

НА ОКЕАНСКИХ ПРОСТОРАХ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Традиционный праздник Военно-Морского Флота СССР торжественно отмечает вся страна. Советские люди чествуют военных моряков, несущих флаг Родины в просторы Мирового океана, и тех, кто создает мощные современные надводные корабли, подводные лодки, морскую авиацию. С глубоким уважением и восхищением помнит наш народ о подвигах военных моряков в годы Великой Отечественной войны.

С первых дней, когда она началась, и до ее последнего часа наш флот вел активные боевые действия. В жестоких сражениях он завоевал господство на Севере, Балтийском и Черном морях. Более 1300 неприятельских боевых кораблей и вспомогательных судов и около 1400 транспортов общей вместимостью свыше 3 миллионов тонн пущены на дно советскими моряками.

На сухопутных фронтах Великой Отечественной сражалось около полумиллиона военных моряков. Они покрыли себя бессмертной славой в боях за Ленинград, Одессу, Севастополь, Новороссийск, Керчь. За мужество и героизм сотни тысяч военных моряков были награждены орденами и медалями, более 600 удостоены звания Героя Советского Союза, семь из них удостоены этого звания дважды. Флоты Северный, Тихоокеанский, Черноморский награждены орденом Красного Знамени. Балтийский флот стал дважды Краснознаменным.

За послевоенные годы Советский Военно-Морской Флот преобразился. Он стал океанским, ракетно-ядерным. Основу его ныне составляют атомные подводные лодки, оснащенные мощными баллистическими ракетами и обладающие практически неограниченной дальностью плавания. Флот располагает надводными кораблями, созданными с учетом требований современного морского боя. Морская авиация стала реактивной, сверхзвуковой. Она имеет на вооружении ракеты различного радиуса действия и назначения.

Советские военные моряки мастерски владеют своим оружием. В шторм и штиль, на воде и под водой они умело и усердно несут свою ратную службу. Об этом и рассказывают фотографии, снятые на Северном флоте.

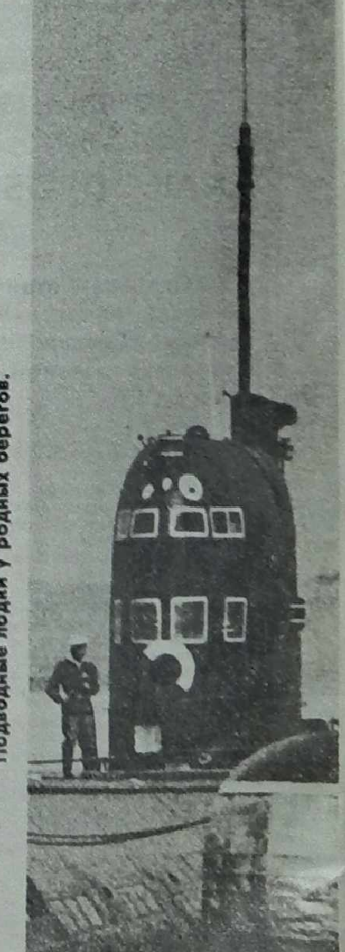
Командир БПК «Маршал Тимошенко» капитан I ранга В. П. Саможенов.

Бдительно несут ходовую вахту сигнальщики В. Трашанов и А. Погонин.

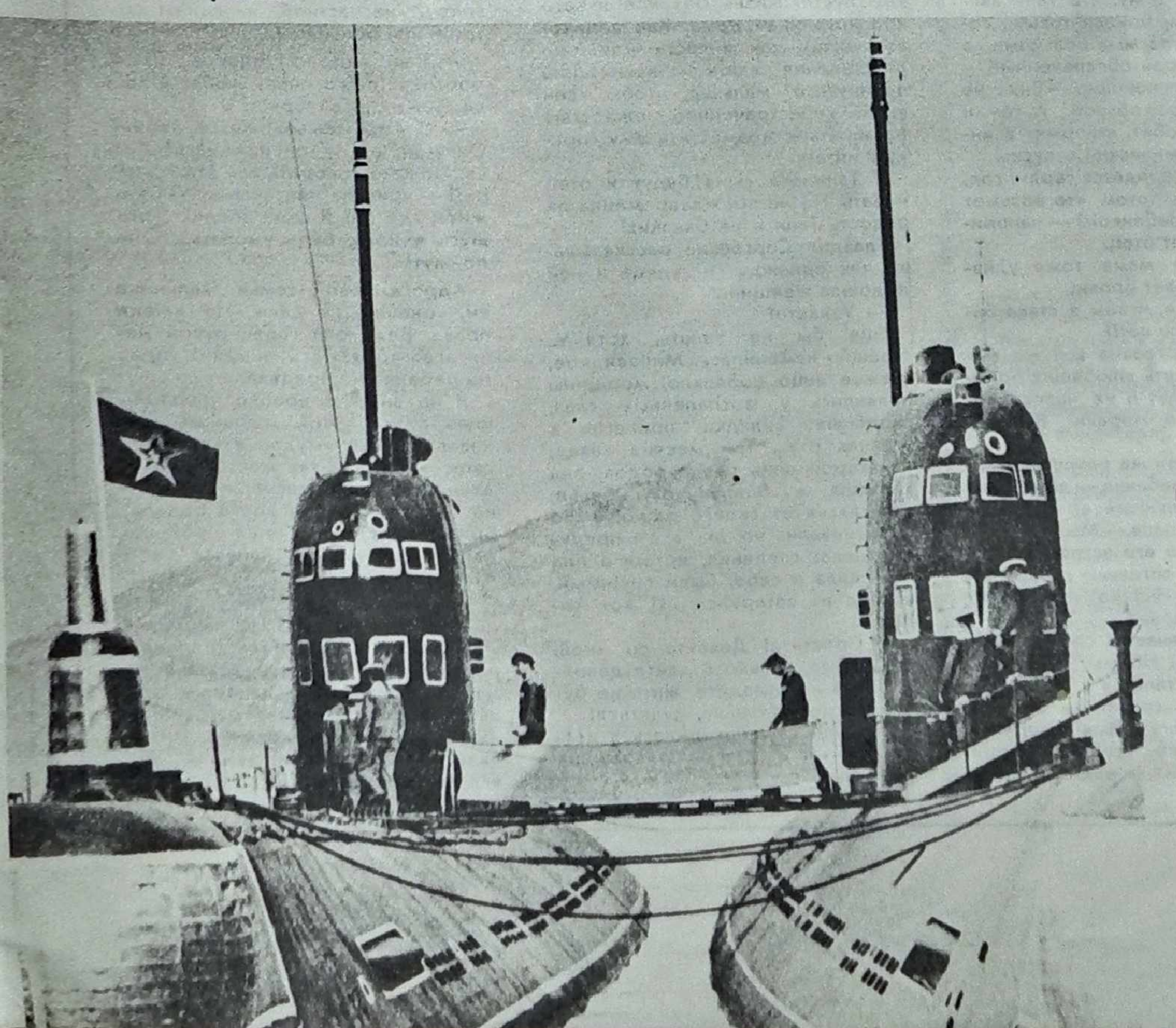
Заседает комитет комсомола корабля.

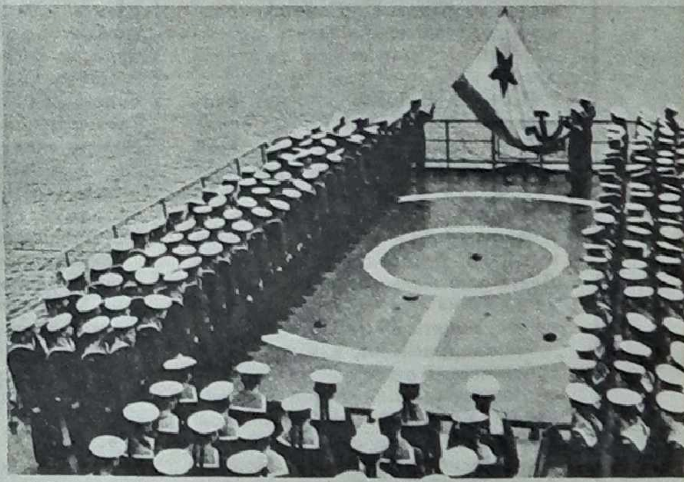

Подводные лодки у родных берегов.

Зенитные ракеты.

Подъем флага.

Противолодочный крейсер «Киев».

Брильянтовые сережки

Б. ПРОТОПОПОВ

Белый потолок, белые стены и бледное юное лицо на подушке, безучастно глядящее в окно.

Огромную светлую палату затопило весеннее солнце. И как яблони в цвету — женщины в белых повязках, склонившиеся над своими малышами. Все красивые, все похожие друг на друга тем выражением сосредоточенной нежности, которым светятся лица кормящих матерей. В наступившей тишине слышится сладкое причмокивание, довольное урчание и посапывание.

Только один ребенок еще на руках у няни. Сначала он недовольно кряхтит, потом заливается обиженным плачем.

— Танюша, нужно покормить сына! — говорит заведующая отделением Полина Андреевна, наклоняясь над постелью. — Неужели тебе не совестно? Ну, хоть погляди на него... Марфа Григорьевна, покажите малыша! Ух, какой роскошный!

Таня нехотя поворачивает голову.

— Да... Вижу.

— Он голоден, Таня!

— Накормите!

— Ты же мать, на что ты обрекаешь малютку! Это бесчеловечно, неужели в тебе нет жалости? Ведь это — преступление!

— Что вы меня пугаете! — кричит молодая женщина, приподнимаясь на кровати. — Советские законы разрешают оставить ребенка. Мне он не нужен. И хватит об этом!

Полина Андреевна стоит безмолвно. Что делать? Какие слова найти, чтобы пробудить в этой юной, но уже черствой душе человеческие чувства?

— Доктор, да что вы эту дрянь уговариваете?! — вдруг говорит женщина с соседней кровати. — Дайте мне малыша, у меня молока на двоих хватит... А эту уберите от нас, видеть ее не можем!

Таня вздрагивает, как от удара, хочет что-то ответить, но со всех сторон вонзаются в нее ненавидящие взгляды, и она с головой зарывается в подушки.

— Спасибо, — говорит Полина Андреевна Таниной соседке. — Его накормят... Унесите ребенка, Марфа Григорьевна, — обращается она к няне и расстроенная выходит из палаты.

В коридоре подходит дежурная сестра.

— В приемной — девчата из института, ее подруги. Одеяльце, пеленки, подгузники — целый узел... Цветов охапки, поздравления... Я пока не приняла: пойду, дескать, доктора спрошу... Что ж им сказать?

— Пусть приходят через день, — подумав, отвечает Полина Андреевна. — Мы вызвали Таниных родителей. От разговора с ними многое зависит!

...Родители прилетели немедленно. Их принимала юрист роддома Клавдия Сергеевна.

— Вы, конечно, знаете, в чем дело?

— Да, — говорит отец, — только что видели Татьяну. Мы потрясены. Жене чуть не сделалось дурно... Единственная дочь, все для нее и ради нее, и вдруг, как удар грома... Ведь мы даже не знаем, кто виновник!

— А может быть, этот «виновник» и сам не знает, что стал отцом? Мы поможем найти его, поговорим, глядишь, все станет на место!

— Это совершенно исключено, — решительно отвечает папа. — Таня его не любит и слышать не хочет о замужестве. Понимаете, произошла ошибка. Издержки молодости, неопытность, вспышка чувств... Бедная девочка, ей и так тяжело, а в палате на нее смотрят как на зачумленную. Разве можно в таком случае отказывать в милосердии?!

Клавдия Сергеевна еле сдерживается, слушая эту тираду. Но эмоции ей сейчас противопоказаны. Нужно сражаться за малыша.

— Судя по тому, что Таня явилась к нам в брильянтовых сережках и с золотыми кольцами на пальцах, вы люди обеспеченные, — говорит она спокойно. — Внук не будет для вас обузой. А там и Таня его полюбит, оформит в институте академический отпуск...

— Девочке придется терять год, а то и два... А потом кто возьмет ее замуж с ребенком? — напористо спрашивает отец.

Миловидная мама тоже удивленно поднимает брови:

— Вы хотите, чтобы я стала бабушкой в сорок лет?!

Клавдия Сергеевна все же пытается усовестить «любящих родителей». Взывает к их человечности, толкует о морали. Все напрасно.

— Ведь закон же разрешает отказаться от ребенка, — даже несколько удивленный ее горячностью, говорит папа. — Мы уверены, что вы хорошо его устроите...

— Итак, вы согласны с решением дочери? — устало спрашивает Клавдия Сергеевна.

— Да, — отвечает мама. — Так будет лучше... Но мы надеемся, что все это останется в тайне...

Тайна будет сохранена. В этом посетители могут быть уверены. И не ради того, чтобы оградить их от осуждения, а ради ребенка. Во имя него и с меня взяли обещание, что я в своем очерке не назову подлинные имена, фамилии и адреса.

...Клавдия Сергеевна встает, давая этим понять, что разговор окончен. Потом вызывает Таню:

— Может быть, измените свое решение? Нет? Тогда вот бумага и ручка. Пишите: «Согласие на передачу ребенка на усыновление». С новой строки: «Я — имя, отчество, фамилия, год рождения, номер паспорта, кем выдан...— родила сына — число, месяц, год... в роддоме... города... В браке не состою, проживаю по адресу... Даю свое согласие на передачу моего сына для усыновления в любую семью по усмотрению органов опеки. В дальнейшем обязуюсь никаких прав на ребенка не предъявлять». Написали? Число, месяц, подпись. Все, можете идти!

Клавдия Сергеевна подходит к окну и долго смотрит вслед легкой фигурке, весело бегущей к автобусной остановке, где ждут ее и приветливо машут рукой родители. Как рады они, что столь легко все решилось.

Нет, нет, сейчас я думаю не о ребенке. Он не останется сиротой. Когда я пришел к юристу роддома, у дверей ее кабинета робко сидели люди. Молодые и пожилые. Это те, кто на себе испытал, как пуста жизнь без «ребячьего колокольчика» дома. Как велико счастья, как милости ждут они разрешения взять на воспитание покинутого малыша, чтобы всей своей нерастраченной нежностью постараться возместить ему горькую утрату.

У Таниного сына будут и отец и мать. Но не преждевременна ли радость Тани и ее близких?

Клавдия Сергеевна рассказывает, как однажды на улице к ней подошла женщина:

— Узнаете?

Еще бы не узнать, хотя М. страшно изменилась. Миловидное, свежее лицо поблекло, морщины появились у воспаленных глаз, скорбные складки пролегли в уголках рта... Три месяца назад, на второй день после родов, она сбежала в больничном белье, «спасаясь» от своего ребенка. Ее разыскивали, но М. все предусмотрела: сведения, которые она сообщила о себе, были ложными, и след ее затерялся. И вот теперь...

— Простите! Делайте со мной, что хотите, только отдайте девочку! Если не отдадите, жить не буду! Не могу больше мучиться!

Девочка еще находилась в детприемнике, и матери разрешили ее взять.

Но бывает и по-другому.

В моем блокноте записана трагедия молодой актрисы. Вот коротко эта история. Счастливая семья. Любящий муж. Обожаемый ребенок... Правда, с ребенком, особенно в первое время, было трудновато. Женщина на год оставила сцену. Муж, преуспевающий инженер, тоже вынужден был принять участие в домашних хлопотах. Потом поиски няни, ребячьи болезни... И вот, когда все это уже позади, — вторая беременность. Аборт грозил осложнением.

— Мы с мужем все взвесили, все продумали, — плача, говорила молодая женщина в родильном доме. — Бросать мне сцену навсегда, а мужу отвлекаться от серьезной научной работы... Нет, не имеем права! Опять пеленки, вечные тревоги... Когда же жить? Ведь молодость не вечна!

...Ребенок остался в родильном доме, а потом был отдан для воспитания в другую семью.

А через год с небольшим эта молодая женщина на приеме у юриста роддома билась в нервном припадке. Первый ребенок заболел и умер. Вскоре ее оставил муж. Одне... Одна в целом мире... Нет, у нее же есть на свете родная кровь: ее мальчик, ее дитя! Где он?! Куда вы его дели?

С тягостным чувством стояли вокруг несчастной женщины сотрудники больницы.

— Ваш мальчик здоров. Всем обеспечен. Его очень любят в той семье, — сказал юрист.

— В «той семье»! Какой «той»? Он мой, а там он приемыш! Как вы можете говорить все это матери?! — кричала несчастная. — Скажите, где он? Я сама поеду... брошусь в ноги, буду умолять... Они поймут!

Адреса новой семьи мальчика ей, конечно, не дали. Не имели права. Ведь она своей рукой написала: «обязуюсь никаких прав на ребенка не предъявлять...»

Я не знаю подробно дальнейшую судьбу этой женщины, так, казалось бы, «мудро взвесившей свою жизнь» и так жестоко наказанной за свои «расчеты». Известно только, что она долго болела. Вряд ли когда затянется страшная рана, которую она нанесла себе сама.

Минует ли Таню эта горькая чаша? Трудно сказать. Но напрасно она думает, что пройдет для нее бесследно, забудется совершенная ею жестокость. Она еще отзовется острой незаживающей болью. Если... Если, конечно, брильянтовые серьги не заменят ей все человеческое.

Владимир ХОЧИНСКИЙ

СПОРТИВНО-ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Аут — положение мяча, отбившегося от рук и других частей тела.

Баскетбол — игра, в которой кто на щите, кто под щитом.

Ватерполист — водяной с мячом.

Грубость — чувство локтя в игре.

Десятиборец — мастер на все руки и ноги.

Езда верховая — вид спорта, в котором ты чувствуешь себя на коне, когда тебе удается найти с ним общий язык.

Жим — движение, требующее особого подхода.

Забег — легкоатлетическое соревнование, где каждый стремится оторваться от масс.

Игрок — будущий тренер.

Каноэ — лодка, на которой, прежде чем победить, надо встать на колени.

Легкоатлет — спортсмен, которому тоже приходится тяжело.

Марафонец — спринтер-неудачник.

Настольный теннис — игра, требующая шариков.

Пловец — чувствующий себя, как рыба в воде.

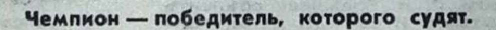
Рекордсмен — не знающий границ.

Тандем — двое на одного.

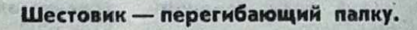
Угловой удар — удар по мячу, поставленному в «угол» за непослушание.

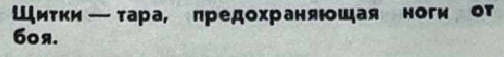
Художественная гимнастика — вид спорта, в котором «сильный пол» не силен.

Цейтнот — положение, когда надо спешить, а спешить не надо.

Чемпион — победитель, которого судят.

Шестовик — перегибающий палку.

Щитки — тара, предохраняющая ноги от боя.

Экс — приставка чемпиона, получившего отставку.

Яхтсмен — бегущий по волнам.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Москва. Центральный стадион имени В. И. Ленина. Л. И. Брежнев объявляет Игры XXII Олимпиады открытыми.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

Торжественное открытие Игр XXII Олимпиады. На снимке: общий вид стадиона во время церемонии открытия.

Фото О. Иванова и А. Чумичева (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На улицах Бейрута. (См. в номере материал «Это было в Бейруте».)

КРОССВОРД

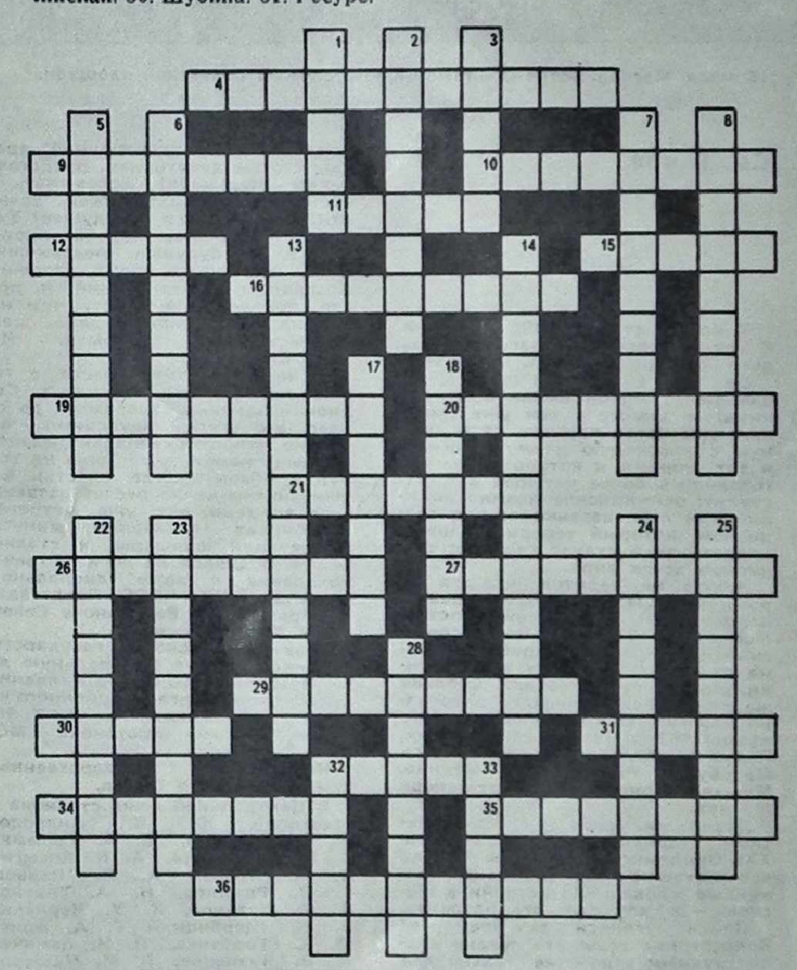
По горизонтали: 4. Строительный материал. 9. Перерыв между уроками. 10. Один из создателей кинофильма. 11. Река на Северном Кавказе. 12. Форма музыкального произведения. 15. Учреждение связи. 16. Советский летчик-космонавт. 19. Опера П. И. Чайковского. 20. Оптическая система для съемки цветных изображений. 21. Река, впадающая в Рижский залив. 26. Раздел грамматики. 27. Народный поэт Литвы. 29. Расстояние от старта до финиша. 30. Шнур парашюта. 31. Русский композитор, педагог и дирижер. 32. Вид мебели. 34. Французский живописец XIX века. 35. Высшее научное учреждение. 36. Элементарная частица.

По вертикали: 1. Птица, обитающая на болотах. 2. Народная артистка СССР, выступающая в Малом театре. 3. Лососевая рыба. 5. Педальная машина. 6. Ученый, открывший периодический закон химических элементов. 7. Романс М. И. Глинки. 8. Порт в Нидерландах. 13. Лекарственное и декоративное растение. 14. Наука о подземных водах. 17. Областной центр в Белоруссии. 18. Овощное растение. 22. Работник, регулирующий движение транспорта. 23. Лечебное учреждение. 24. Русский естествоиспытатель-дарвинист. 25. Химический элемент, металл. 28. Водный путь, безопасный для судоходства. 32. Государство в Западной Европе. 33. Сани для езды на собаках, оленях.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали: 7. Фехтование. 8. Голубничий. 9. Забег. 10. Петушкова. 12. Каноэ. 13. Король. 14. Мокеев. 15. Темп. 18. Киев. 19. Трава. 20. Медаль. 21. Ракита. 23. Залив. 26. Сасс. 27. Клуб. 28. Призер. 29. «Арарат». 32. Андрианов. 33. Табло. 34. Лусис. 35. Иваницкий. 36. Амстердам.

По вертикали: 1. Резанцев. 2. Атлет. 3. Пистолет. 4. Горохова. 5. Финал. 6. Николаев. 10. Перекладина. 11. Александров. 16. Пресс. 17. Сабля. 18. Каток. 22. Пахмутова. 23. «Звездный». 24. Воронина. 25. Кучинская. 30. Шубина. 31. Ресурс.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

**Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.**

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Репортажа и новостей — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 07.07.80. Подписано к печати 22.07.80. А 00396. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1792. Заказ № 2538.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

18 июля. Москва. Встреча Олимпийского огня на Советской площади.

ГОРИТ ОГОНЬ ОЛИМПИАДЫ!

См. II обл.

У нас в стране 3433 стадиона. И вот 19 июля в 15 часов мы сидели на одном из них — главном.

Он был еще почти пуст, Центральный стадион имени В. И. Ленина, и вместе с тем уже оживлен, уже готов принять свою полную стотысячную норму. Еще час, и тот момент, к которому мы все готовились более четырех лет, наступит: олимпийское пламя и олимпийский стяг взовьются над стадионом, который теперь на шестнадцать дней станет главным стадионом всего мира.

Как-то не верится, что эта огромная чаша, давно уже ставшая непременной составной частью Москвы, в 1952 году, когда советские спортсмены впервые вышли на олимпийскую арену в Хельсинки, еще не существовала. Сколько же олимпийских медалей завоевано нашими спортсменами за это время! 683. и из них 260 золотых. Рядом с Хельсинки становились Мельбурн. Рим, Токио, Мехико, Мюнхен, Монреаль — и вот теперь Москва.

Давно ли, сидя на монреальском стадионе в день закрытия XXI Олимпийских игр, мы читали вспыхнувшие над стадионом огненные слова: «До встречи в Москве»,— и вот она, эта встреча...

Пойди угонись за временем! В последние годы эта погоня стала трудным делом не только для представителей еженедельных изданий, но и для журналистских «спринтеров» — газетчиков, ведь их теперь запросто обгоняют представители электронной прессы. Что же делать нам, представителям журналов? Вспоминать о событиях двадцатилетней давности? Прорываться в будущее? Уходить в прошлое скучно, прорываться в будущее невозможно. И мы решили на время отложить программу соревнований и просто порадоваться тому, чем нас одарил сегодняшний день, день торжественного открытия Игр XXII Олимпиады.

А час открытия вместе с тем уже приблизился вплотную. Стадион незаметно заполнился до отказа (это всегда неуловимо — вот только что просвечивали незаполненные скамьи, и вот уже на трибунах яблоку негде упасть). Вот уже диктор начал отсчет оставшегося времени, вот уже метроном перебирает последние минуты. Прозвучали фанфары, и стадион разом поднялся на ноги, встречая появление в ложе Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева.

Главу Советского государства сопровождают в Центральную ложу президент МОК лорд Килланин, председатель Организационного комитета «Олимпиада-80» И. Т. Новиков и шеф протокола МОК Х. А. Самаранч.

Исполняется Государственный гимн Советского Союза.

В Центральной ложе стадиона — товарищи Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, М. С. Горбачев, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, П. М. Машеров, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе. И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, К. В. Русаков.

Здесь же находятся Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Т. Живков, Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан, Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного хурала МНР Ю. Цеденбал, Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Г. Гусак, Председатель правительства ЧССР Л. Штроугал.

Ритуал открытия Олимпийских игр давно уже точно разработан, но неизменно волнует своей торжественностью и какой-то душевностью. Эта душевность звучала и в тактах «Праздничной увертюры» Дмитрия Шостаковича, ставшей музыкальной эмблемой нашей Олимпиады, и в движении по стадиону древних колесниц в сопровождении юношей, одетых в античные туники, и девушек в нарядных платьях, и, наконец, в марш-параде спортивной молодежи всего мира, словно олицетворяющих слова создателя современных Олимпиад Пьера де Кубертэна «О спорт, ты — мир...».

Целый час потребовался на то, чтобы спортсмены, представляющие 81 страну, смогли выстроиться на поле. По традиции марш-парад открыли спортсмены Греции, а завершили его, как всегда, хозяева Олимпиады — спортсмены СССР. И вот, наконец, все готово к открытию. С большим вниманием выслушал стадион речь председателя Оргкомитета «Олимпиада-80» И. Т. Новикова и президента МОК лорда Килланина, который закончил свое выступление следующими словами:

— Имею честь предложить Президенту Л. И. Брежневу объявить открытыми Игры XXII Олимпиады современности, которые были возрождены в 1896 году бароном Пьером де Кубертэном.

И в ответ на это предложение Леонид Ильич Брежнев сказал:

— Уважаемый господин президент Международного олимпийского комитета!

Спортсмены мира!

Уважаемые гости!

Товарищи!

Я объявляю Олимпийские игры 1980 года, знаменующие XXII Олимпиаду современной эры, открытыми!

Эти слова прозвучали над стадионом, над Москвой и, подхваченные микрофонами, прогремели над всем миром. Не удалось недругам Олимпиады сорвать ее. А вслед за этим, после бурной овации, вспыхнувшей на трибунах, аплодисменты разразились с новой силой, когда 8 советских спортсменов вынесли на стадион Олимпийский флаг в сопровождении, если можно так сказать, 22 голубеносцев. И когда под звуки Олимпийского гимна белое полотнище с пятью кольцами поднялось на вершину флагштока, вслед за ним устремились ввысь 22 белых голубя.

Представители Монреаля вручают Олимпийский стяг, четыре года хранившийся в столице XXI Олимпиады, лорду Килланину, а тот его передает председателю исполкома Моссовета В. Ф. Промыслову. И пришло время двух последних из тех пяти тысяч, что несли факел с Олимпийским огнем из греческой Олимпии в Москву. Вот на дорожке появился трехкратный олимпийский чемпион Виктор Санеев, высоко держа в руках горящий факел, а на стыке западной и южной трибун его ждал другой прославленный советский спортсмен — Сергей Белов...

С тех самых пор, как были возрождены Олимпийские игры, зажжение олимпийского огня в чаше стадиона стало неизменной традицией, как бы кульминацией торжественной прелюдии Игр, но

Колесницы на дорожке стадиона.

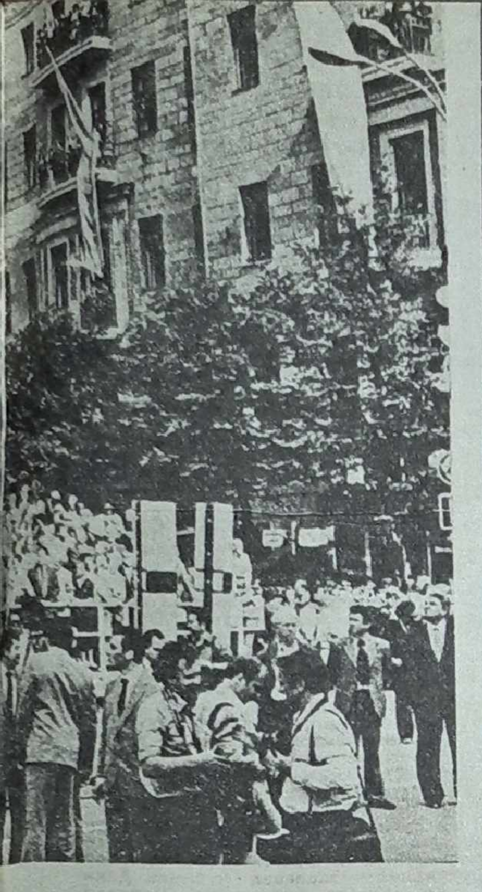

Команда СССР на марше.

Факел в руках у Виктора Санеева.

еще никогда за всю историю Олимпиад огонь не доставлялся таким образом к чаше, вознесенной над стадионом. Когда Сергей Белов подбежал к восточной трибуне, над рядами людей, сидящих на ней, взлетели белые пластмассовые полосы, и по этой чудом рожденной беговой дорожке Белов пробежал к подножию чаши, и над стадионом вспыхнул огонь.

Дальнейший ход событий ничем не отличался от тех, которые мы наблюдали на предыдущих Олимпийских играх. Звучали слова олимпийской клятвы, которую на сей раз от лица спортсменов произнес наш прославленный гимнаст Николай Андрианов, и слова клятвы судей, сказанные победителем трех Олимпиад, арбитром международной категории борцом Александром Медведем. Но когда, на какой Олимпиаде мы смогли увидеть на телевизионном табло героев космоса? Леонид Попов и Валерий Рюмин из космических глубин обратились со словами приветствия к олимпийцам, пожелав им счастливых стартов. И еще одна новая примета: на всех предыдущих Олимпиадах зрителей потчевали праздничными выступлениями спортсменов, но ни на одной из предыдущих Олимпиад, по утверждению всех, кто не пропустил ни одной из последних семи Олимпийских игр, не было такого впечатляющего, яркого праздника. В нем участвовало свыше 16 тысяч спортсменов, самодеятельных и профессиональных артистов.

Только к вечеру опустел стадион имени В. И. Ленина, но лишь для того, чтобы на следующий день собрать на своих трибунах зрителей футбольного матча СССР — Венесуэла. И Центральный стадион в этот день был только одной из четырнадцати арен, где сразу же вступила в свои права Олимпиада.

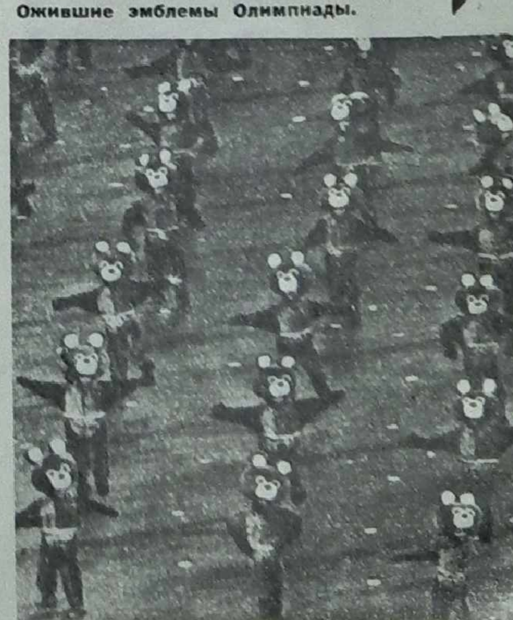
Демонстрируют свое мастерство гимнасты «Трудовых резервов».

Президент МОКа лорд Килланин принимает олимпийский стяг, который доставили из Монреаля канадские спортсмены.

Праздник на стадионе имени В. И. Ленина после открытия Олимпийских игр.

Ожившие эмблемы Олимпиады.

Рисунок Бор. **ЕФИМОВА**

Таков размах авторов олимпийской партитуры, как можно назвать обширную программу, в которую входит 21 вид спорта.

В энциклопедическом словаре так объясняется слово «партитура»:

«Партитура — все отдельные партии многоголосного музыкального произведения, написанные для более удобного обзора их одна под другой». Более точного выражения самой сути расписания Олимпийских игр — этого сложнейшего документа, который требует долгой и кропотливой работы, — трудно придумать. Да, программа соревнований Олимпиады — это поистине многоголосное музыкальное произведение, отдельные партии которого написаны одна под другой для более удобного обзора. Но как труден этот обзор! Не раз и не два надо «прослушать» спортивную партитуру, чтобы уловить все изгибы сложнейшей симфонии. В ней поражает удивительное многоголосие: стрелковый спорт и академическая гребля, борьба классическая и велоспорт, гимнастика и плавание, баскетбол и водное поло, современное пятиборье и хоккей на траве, бокс и тяжелая атлетика, ручной мяч и футбол, волейбол и прыжки в воду.

Мы перечислили лишь спортивные «партии» одного дня — первого, вот и попробуйте все это обозреть. Но создатели олимпийской партитуры все же позаботились о нас, и на общем фоне многоголосного звучания они выделили в каждом дне кульминации, к которым в первую очередь устремляется внимание зрителей. Эти кульминации — финалы. Пока представители девяти видов спорта в первый день были заняты предварительными встречами, в пяти остальных уже разыгрывались комплекты наград.

Первый комплект был разыгран стрелками-пистолетчиками, и вот в то время, когда за городом на Минском шоссе шла борьба велосипедистов в командной гонке на 101 километр, в Мытищах на пьедестал почета уже поднялся первый чемпион XXII Олимпийских игр советский спортсмен Александр Мелентьев. Мелентьев установил мировой рекорд в стрельбе из произвольного пистолета, выбив 581 очко. И вот что интересно: его соседом по трибуне почета, завоевавшим серебряную медаль, оказался спортсмен из ГДР Харальд Фольмар.

Этот факт знаменателен, потому что и на другой спортивной арене — велосипедной — борьба за золотые медали велась между командами СССР и ГДР. Юрий Каширин, Олег Логвин, Сергей Шелпаков и Анатолий Яркин финишировали с самым лучшим временем, а второй результат показали велогонщики Германской Демократической Республики. Но особенно напряженная борьба между спортсменами СССР и ГДР разгорелась на водных дорожках. В женской комбинированной эстафете 4 × 100 метров спортсменки Германской Демократической Республики установили новый мировой рекорд и завоевали золотые медали, но с ними борьбу от начала и до конца вместе со спортсменками Великобритании, занявшими второе место, вела и советская команда. А вот на 200-метровой дистанции баттерфляя спортсмены двух стран поменялись местами: советский пловец Сергей Фесенко завоевал золотую медаль, а третье место (после пловца Великобритании Ф. Хаббола) занял пловец ГДР Рогер Пытталь.

Молодой пловец Сергей Фесенко может быть счастлив вдвойне: до него ни одному советскому пловцу не удавалось на предыдущих Олимпиадах подниматься на высшую ступеньку пьедестала почета. Сергей, финишировав первым, заплакал от счастья, но заметить его слезы можно было лишь с помощью телеэкрана, ведь лицо пловца все равно было мокрым.

Четвертую по счету золотую медаль в первый день Олимпийских игр завоевал еще один советский спортсмен — штангист наилегчайшего веса Каныбек Осмоналиев. До самого последнего, третьего движения в толчке он вел труднейшую борьбу с двумя атлетами из Корейской Народно-Демократической Республики Хо Бон Чолем и Хан Ген Си и, набрав одинаковую с ними сумму — 245 килограммов, завоевал первенство, так как оказался легче по собственному весу.

Но пять побед в первый день Олимпиады были лишь запевкой, и уже второй день прошел под знаком семи финалов, а когда выйдет этот номер, будет уже разыграно 89 комплектов призовых наград.

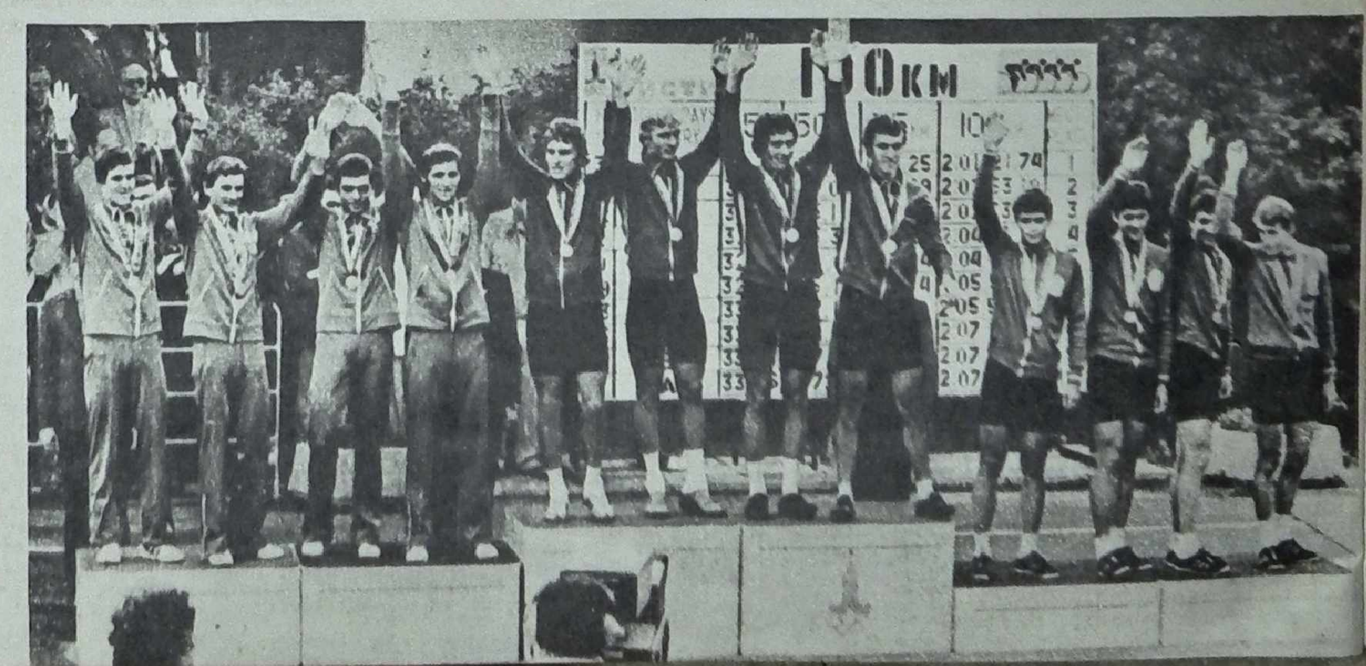
Кто же они — новые герои XXII Олимпийских игр?

Установив два мировых рекорда — в рывке 125 килограммов и в сумме двоеборья 275 килограммов, золотую медаль в споре с советским штангистом Юриком Саркисяном завоевал кубинец Даниэль Нуньес (вес до 56 килограммов). В стрельбе из малокалиберной винтовки из положения лежа лучших результатов добился венгр Карой Варга. Олимпийской чемпионкой по прыжкам в воду с трамплина стала Ирина Калинина, а на пьедестал почета она поднялась в компании двух спортсменок ГДР — Мартины Пробер и Карин Гутке. Ну, а четыре самых волнующих финала были разыграны на водных дорожках. Здесь поздравления принимал 18-летний шведский пловец Бенгт Барон. Впервые выступив на крупных международных соревнованиях, в споре с двумя советскими пловцами, Виктором Кузнецовым и Владимиром Долговым, он был первым на дистанции 100 метров на спине. Две блестящие победы одержали спортсменки ГДР. Барбара Краузе, которая уже в предварительном заплыве установила мировой рекорд на дистанции 100 метров вольным стилем, в финальном заплыве снова улучшила его, проплыв дистанцию за 54,79 секунды, а на пьедестал почета вместе с ней поднялись ее подруги по команде Карен Метчук и Инес Дирс. Инес Гайслер выиграла 200 метров баттерфляем, причем серебряная медаль также досталась спортсменке ГДР — С. Шонброк. Зато на дистанции 200 метров вольным стилем недосягаемыми оказались советские пловцы. Сергей Копляков и Андрей Крылов в напряженнейшей борьбе с пловцом ГДР Й. Войте сумели его обойти, причем немецкий спортсмен на финише пропустил вперед австралийца Г. Брэвера.

Всего два дня Олимпийских игр — и сколько ярких событий. Сколько же сенсаций еще впереди? Ответить на этот вопрос невозможно, и все же мы решаемся на один прогноз: благородное соперничество спортсменов СССР и ГДР, бесспорно, станет украшением московской Олимпиады.

Чемпион XXII Олимпиады советский штангист Каныбек Осмоналиев.

Призеры шоссейной гонки на 101 километр. В центре — советские спортсмены, слева — велосипедисты ГДР, справа — спортсмены Чехословакии.

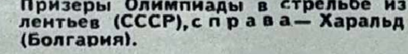
Наш первый олимпийский чемпион по плаванию Сергей Фесенко на дистанции.

Все три призовые места в заплыве 100 метров вольным стилем заняли спортсменки ГДР К. Метчук, Б. Краузе, И. Дирс.

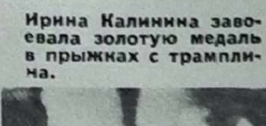

Швед Бенгт Барон — олимпийский чемпион в плавании на 100 метров на спине.

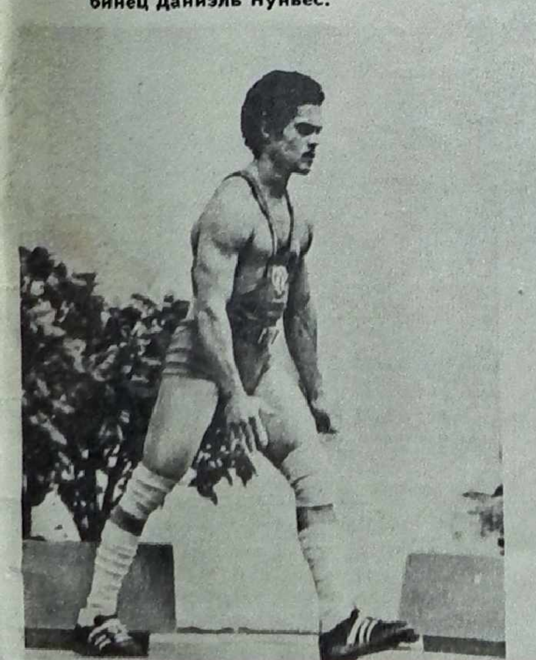

Призеры Олимпиады в стрельбе из пистолета. В центре — Александр Мелентьев (СССР), справа — Харальд Фольмар (ГДР). слева — Любчо Дяков (Болгария).

Фото С. Метелицы (ТАСС)

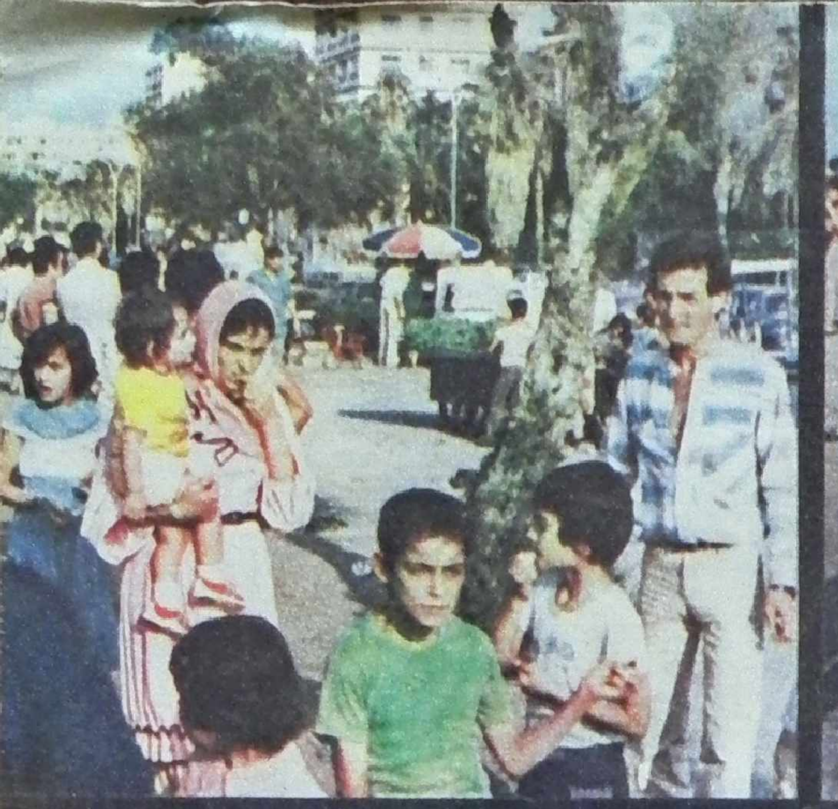
Ирина Калинина завоевала золотую медаль в прыжках с трамплина.

Победитель турнира штангистов кубинец Даниэль Нуньес.

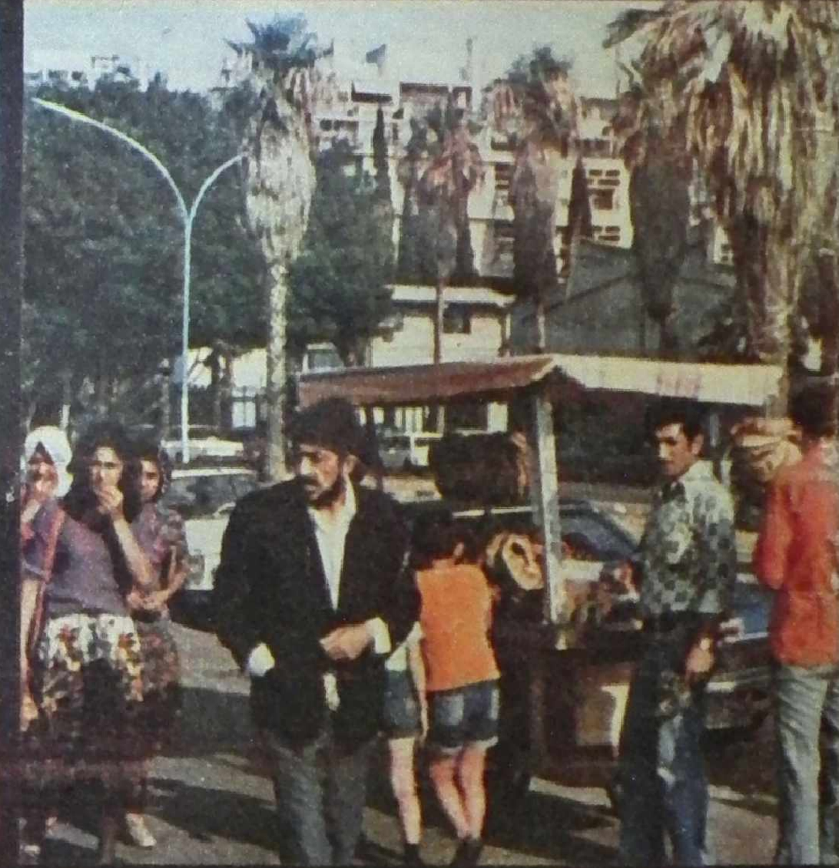

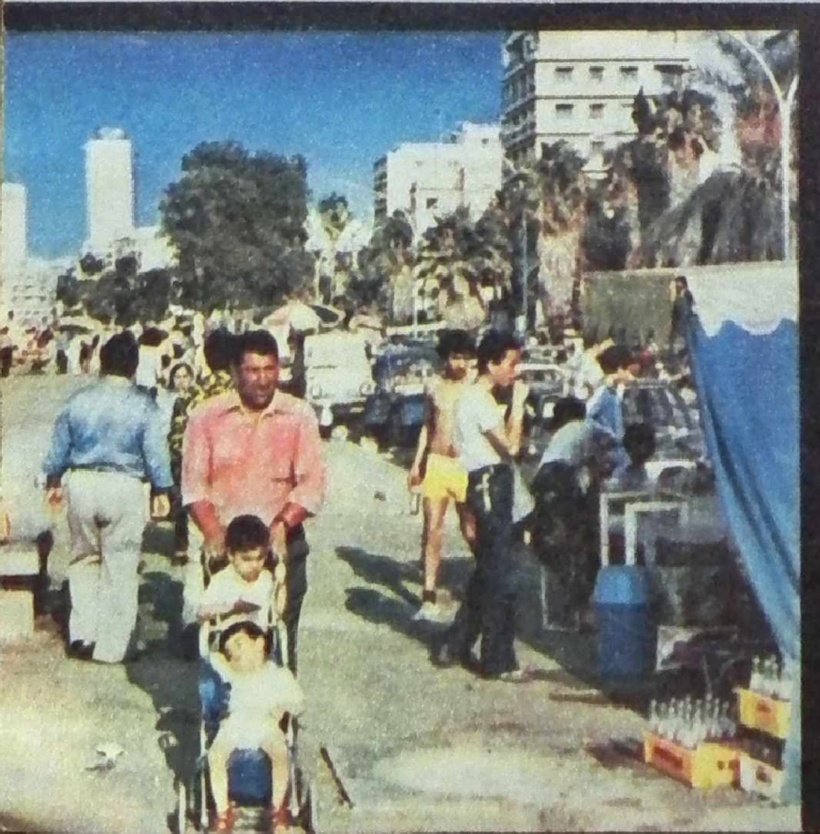

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663